

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.Т. ТРУБИЛИНА»

На правах рукописи

Сокол Юлия Валерьевна

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИНТЕНСИВНОГО ПРЕСТУПНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Ильяшенко А.Н.

Краснодар – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Методологические основы криминологического изучения преступности несовершеннолетних и ее предупреждения.....	18
1.1. Методологические проблемы изучения преступности несовершеннолетних в зарубежной и российской криминологии.....	18
1.2. Количество совершенных несовершеннолетними преступлений и его криминологическое значение.....	51
1.3. Парадигма криминальной карьеры как количественная теория преступности.....	78
Глава 2. Понятие и особенности личности несовершеннолетнего интенсивного преступника.....	96
2.1. Понятие несовершеннолетнего интенсивного преступника.....	96
2.2. Особенности изучения личности несовершеннолетнего интенсивного преступника и его типологии.....	115
Глава 3. Современные практические подходы к предупреждению интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.....	141
3.1. Особенности зарубежной практики предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.....	141
3.2. Проблемы предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних в России.....	168
Заключение.....	199
Список литературы.....	209
Приложения.....	274

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Несовершеннолетние преступники представляют собой не однородную массу, а множество различных групп. Одним из признаков для их группирования является количество совершенных преступлений, характеризующее интенсивность их преступного поведения. Этот признак обладает уголовно-правовым и криминологическим значением. Однако, имея видимость общепонятной, категория «количество преступлений» характеризуется неоднозначностью и допускает различные трактовки содержания.

Уголовно-правовые конструкции, отражающие количество преступлений (совокупность, неоднократность, повторность, рецидив, систематичность, многократность и т.д.), а также криминологические конструкции рецидива (криминологический, фактический, пенитенциарный и т.п.) получали противоречивое закрепление в доктрине, уголовном законодательстве, а также на практике. При этом используемые криминологами при проведении исследований уголовно-правовые концепты понятия «количество преступлений», как правило, имеют более узкое содержание в отличие от его фактического (действительного) положения. Нередко лицо, ранее совершавшее преступление, может юридически признаваться лицом, впервые совершившим преступление, а общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетним, может существенно отличаться от числа преступлений, ставших известными правоохранительным органам.

Распространенная в отечественной юридической технике и статистике традиция использования конструкций типа «два и более» или «три и более» преступлений также маскирует необходимость раскрытия точного количественного содержания понятия «и более преступлений». В нашей стране отсутствуют общедоступные агрегированные статистические данные, группирующие несовершеннолетних преступников на основе четко дифференцированного индивидуального количества совершенных ими преступлений независимо от наличия судимости.

Российские криминологи не выделяют в качестве самостоятельной группы несовершеннолетних, отличающихся наибольшим индивидуальным количеством

совершенных преступлений. Они «растворяются» в общей массе рецидивных (повторных) или многократных несовершеннолетних преступников и не имеют собственного наименования. В результате этого затрудняется изучение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, а также взаимосвязей между количеством преступлений и личностью несовершеннолетнего преступника.

Зарубежные криминологи признают такую группу несовершеннолетних преступников самостоятельным криминологическим типом, называя их хроническими, персистентными, интенсивными и т.п. В ходе эмпирических исследований было установлено, что эта относительно небольшая по численности группа несовершеннолетних (5-7 %), получившая в работе название несовершеннолетних интенсивных преступников (далее - НИПов), совершает непропорционально большое количество преступлений: порядка половины всех преступлений своей возрастной группы. Они отличаются повышенной общественной опасностью, отягощены разнообразными факторами риска развития криминальной карьеры и представляют собой, по сути, «твердое ядро» многократной преступности несовершеннолетних. Концентрация предупредительной деятельности на этой немногочисленной группе способна существенно сократить преступность несовершеннолетних в целом.

Хотя отечественные исследователи проявляли интерес к изучению преступности несовершеннолетних и ее предупреждению в зарубежных странах, однако их интенсивное преступное поведение оставалось за пределами сравнительно-криминологических исследований. Изучение соответствующего зарубежного опыта необходимо для активизации в нашей стране исследований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, без познания специфики которого, его детерминации и особенностей личности невозможна последующая разработка и реализация эффективной предупредительной деятельности, направленной на прекращение их дальнейшей криминальной карьеры, предотвращение случаев виктимизации и повышение чувства безопасности граждан. Изложенное обуславливает актуальность избранной темы работы, ее важное теоретическое и практическое значение для отечественной криминологии, отражающее современные по-

требности эффективного предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних в России с учетом зарубежного опыта.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучению преступности несовершеннолетних, в том числе и рецидивной, ее причинного комплекса, особенностей личности и типологии несовершеннолетних преступников, а также предупреждению преступности несовершеннолетних в нашей стране традиционно уделялось значительное внимание. Однако отечественные криминологи намного меньше проявляли интерес к исследованию неоднородности состава многократной преступности несовершеннолетних. Чаще всего многократными признавались преступники, совершившие три и более преступлений, но без дальнейшей количественной дифференциации понятия «и более», что создавало иллюзию некой однородности общей массы рецидивных и многократных несовершеннолетних преступников. Точный подсчет индивидуального количества преступлений (четырёх, пяти, шести и т.д.) часто подменялся качественными (оценочными) понятиями (устойчивостью, активностью, упорством, систематичностью, профессиональностью, злостностью и т.п.). В результате этого целенаправленно не исследовались вопросы, связанные с развитием интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, выявлением и познанием взаимосвязей между количеством преступлений и особенностями личности; способностью количества преступлений выступать в качестве основы для прогнозирования дальнейшей преступной деятельности несовершеннолетних и т.п. Следует признать пробелом в отечественной криминологии отсутствие интереса к изучению в качестве самостоятельной криминологической группы несовершеннолетних преступников, выделяющихся большим количеством преступлений.

Признавая теоретическую и практическую значимость ранее проведенных отечественными учеными сравнительных криминологических исследований различных аспектов предупреждения преступности несовершеннолетних (О.Н. Ведерникова, И.С. Власов, Я.И. Гишинский, А.Л. Гуриная, А.И. Долгова, В.В. Лунев, Э.Б. Мельникова, Л.А. Пивоварова, А.Ю. Штротас, Я.М. Яковлев и др.), необходимо отметить, что результаты зарубежных криминологических ис-

следований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и его предупреждения, находились на периферии интересов отечественных криминологов, что обуславливает необходимость изучения положительного зарубежного опыта и его возможного использования с учетом особенностей нашей страны.

В зарубежной криминологии применение количественного подхода при изучении преступности несовершеннолетних связано с дифференцированным учетом точного количества совершенных ими преступлений, а также использованием в этих целях разнообразных официальных и неофициальных источников информации, что позволило получить достоверную эмпирическую информацию об особенностях интенсивного преступного поведения несовершеннолетних (М. Багливио, Т. Блеснер, Т. Блок, К. Боерс, А. Блюмштейн, Т. Бреттфельд, М. Валш, П. Ветцельц, Т. Виттен, К. Вишер, М. Вольфганг, К. Глаубитц, Ш. Глюк, Э. Глюк, М. Гринвальд, М. ДеЛиси, К. Джаковски, П. Каррингтон, Д. Каркин, А. Копп, Ж. Коэн, Т. МакГи, Т. Моффитт, М. Норман, Т. Ньюборн, Д. Петерсилия, А. Пикеро, П. Позиге, К. Реснишек, Л. Ризнер, Э. Сатерленд, Т. Селлин, Г. Снайдер, П. Трейси, М. Ттофи, Д. Фэррингтон, Р. Фиглио, М. Фрейзер, Дж. Хауэлл, Й.-Ф. Швинд, К. Шоу и др.). Однако зарубежный опыт целенаправленного изучения и предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних не был воспринят и подвергнут проверке в России.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере детерминации и предупреждения преступности несовершеннолетних, отличающихся большим индивидуальным количеством совершенных преступлений.

Предметом исследования являются теоретико-методологические и эмпирические особенности познания интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и его предупреждения за рубежом и в России; криминологические особенности личности несовершеннолетних интенсивных преступников, а также основные подходы, концепции, программы и меры, направленные на предупреждение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних. Сравнительно-криминологическое исследовательское поле ограничено преимущественно

опытом предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних в США, Великобритании, Германии и Новой Зеландии.

Целью диссертационной работы является получение нового криминологического знания о феномене интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и его предупреждении на основе сравнительно-криминологического анализа теоретических оснований и эмпирических результатов зарубежных исследований, а также развитие и модернизация отечественной криминологической теории предупреждения преступности несовершеннолетних и совершенствование практической деятельности, направленной на предупреждение преступного поведения несовершеннолетних интенсивных преступников в России.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить особенности современных методолого-методических подходов при изучении преступности несовершеннолетних и ее предупреждения за рубежом и в России;
- проанализировать зарубежные криминологические концепции интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и его предупреждения;
- сравнить особенности использования количественного подхода при изучении преступного поведения несовершеннолетних за рубежом и в России;
- исследовать особенности отражения индивидуального количества совершенных преступлений в официальной зарубежной и отечественной статистике;
- оценить зарубежный опыт проведения лонгитюдных исследований индивидуальных преступных карьер несовершеннолетних;
- установить факторы риска возникновения и развития индивидуальной криминальной карьеры несовершеннолетнего, а также особенности детерминации и предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних;
- проанализировать основания признания несовершеннолетних интенсивных преступников в качестве самостоятельного криминологического типа, определить понятие несовершеннолетнего интенсивного преступника;
- исследовать зарубежную практику предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, сравнить ее с отечественным опытом;

- разработать предложения и рекомендации, направленные на повышение эффективности предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних в России.

Методологическую основу исследования составили категории, принципы и законы диалектики, в том числе принципы объективности, историзма, всеобщей связи явлений, закон взаимосвязи количества и качества. Работа выполнена в рамках сравнительной парадигмы научных исследований, ее базовые положения определены методологией сравнительной криминологии и сравнительного правоведения. Также применялись различные общенаучные и частно-научные методы познания, в частности, наблюдение, описание, анализ и синтез, сравнение, системно-структурный метод, классификации и типологии, формально-логический, статистический, исторический и т.д. Специальные криминологические методы, использованные для получения нового знания об интенсивном преступном поведении несовершеннолетних, включали изучение их личных и уголовных дел, биографий и индивидуальных криминальных карьер на основе широкого круга официальных и неофициальных источников информации; проведение с ними бесед и опросов в форме бланкового тестирования с последующей обработкой полученных результатов в автоматизированном режиме аппаратно-программным психодиагностическим комплексом «Мультитсихометр».

Нормативной базой исследования послужили Конституция Российской Федерации; международные нормативно-правовые акты в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних, в частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (1990 г.); уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России, законодательные и иные нормативные акты в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от

23.06.2016 г. № 182-ФЗ, «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ и др.

Теоретическая основа исследования представлена фундаментальными положениями зарубежной и отечественной криминологии, уголовного права, криминалистики, социологии, психологии, педагогики и других наук, связанных с проблемами преступного и девиантного поведения несовершеннолетних и его предупреждения. Прежде всего, использовались труды дореволюционных, советских и современных отечественных ученых по теории и методологии криминологии, уголовного права, уголовной политики (Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Л.И. Беляев, А.А. Герцензон, М.Н. Гернет, Я.И. Гилинский, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, А.Н. Ильяшенко, С.М. Иншаков, И.И. Карпец, Л.В. Кондратюк, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, В.Д. Малков, И.М. Мацкевич, Г.М. Миньковский, И.С. Ной, Э.Ф. Побегайло, С.В. Познышев, Л.М. Прозументов, Ю.Е. Пудовочкин, С.Л. Сибиряков, Н.Ю. Скрипченко, О.В. Старков, А.В. Шеслер, Д.А. Шестаков, Н.В. Щедрин, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев и др.), личности преступника (Р.М. Абызов, Е.А. Антонян, В.Н. Бурлаков, А.И. Бельский, Ю.Д. Блувштейн, Г.Н. Доронин, К.Е. Игошев, В.И. Куфаев, Н.Д. Левитов, А.Б. Сахаров, и др.), ювенальной криминологии (Л.М. Василевский, Е.В. Демидова-Петрова, Н.В. Дородонова, Д.А. Дриль, Г.И. Забрянский, Ю.А. Клейберг, Ю.Ю. Комлев, Е.В. Кошелева, Н.И. Крюкова, В.А. Лелеков, В.В. Невский, Е.А. Писаревская, В.А. Плешаков, Ю.А. Романов, В.А. Терентьева и др.), а также по методологическим и методическим основам сравнительных криминологических исследований (О.Н. Ведерникова, Я.И. Гилинский, А.Л. Гуринская, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, В.Е. Квашиш, И.М. Клейменов, П.Н. Кобец, Н.В. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Э.Б. Мельникова, С.В. Милюков, В.С. Овчинский, Ф.М. Решетников, Л.А. Шестакова, А.Ю. Штротас, Я.М. Яковлев и др.).

Диссертационное исследование также базируется на трудах зарубежных специалистов в области теорий преступности Ш. Глюка, Э. Глюк, М.Р. Готфредсона, Г. Кайзера, Р. Кларка, Н. Кристи, Дж. Лауба, Т. Ньюборна, Т. Селина,

Р. Сэмсона, М. Тонри, Т. Торнберри, Э. Уолш, В. Фокса, Т. Хирши, Дж.Ф. Шели, Г.Й. Шнайдера; изменения преступного поведения на протяжении жизни Ф. Лозеля, Л. Мазероль, Т. Моффитт, Д. Нагина, Д. Фэррингтона; эффективности программ предупреждения преступности Дж. Вилкса, Д. Липтона, Р. Мартинсона, Ф. Каллена, М. Липси, Р. Лобера; парадигмы криминальной карьеры А. Блюмштейна, К. Вишер, Ш. Глюка, Э. Глюк, Д. Каркина, П. Трейси, Ж. Коэн, Д. Петерсили, А. Пикеро, Э. Сатерленда, Д. Фэррингтона, К. Шоу и др.

Эмпирическую базу исследования составили результаты ранее проводившихся отечественных исследований преступности несовершеннолетних и зарубежных лонгитюдных исследований индивидуальных криминальных карьер несовершеннолетних, в частности, исследования Филадельфийских когорт 1945 и 1958 гг., исследования Ш. Глюк и Э. Глюк, Данидинского мультидисциплинарного исследования здоровья и развития, Кэмбриджского исследования развития делинквентности, Калифорнийского исследования когорт 1985 и 1987 гг., Бременского лонгитюдного исследования преступности несовершеннолетних, Тюбингенского сравнительного исследования несовершеннолетних правонарушителей и др.; информационно-аналитические и справочные материалы полицейских органов Германии за 2013-2021 гг.; статистические данные ГИАЦ МВД РФ, ИЦ ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2010-2021 гг.; отчеты комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; а также отечественная судебно-следственная практика по делам о преступлениях несовершеннолетних, включающая результаты изучения материалов 349 уголовных дел несовершеннолетних, совершивших преступления в России в 2006-2020 гг.; личные дела 88 воспитанников ГКСУВУ Спецшколы Краснодарского края и ФКУ «Белореченская воспитательная колония УФСИН РФ по Краснодарскому краю»; результаты комплексного криминологического-психологического исследования 21 НИПа. Также использовался личный опыт (участие) диссертанта в деятельности научно-исследовательских учреждений и правоохранительных органов Австрии, Великобритании, Германии и Словении в сфере предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.

Научная новизна работы заключается в результатах сравнительно-криминологического исследования теоретико-методологических и прикладных аспектов предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних за рубежом и в России. В диссертации представлены, критически оценены, адаптированы к российским условиям основные положения зарубежной криминологической теории предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних; осуществлена их эмпирическая проверка; доказана эффективность и перспективность их дальнейшего развития в российской криминологической науке. Подтверждено существование в общем массиве несовершеннолетних преступников небольшой по численности группы, члены которой выделяются повышенным количеством совершенных преступлений и негативным прогнозом развития криминальной карьеры, что дает основание для целенаправленного криминологического изучения этого самостоятельного типа несовершеннолетних преступников. Предложено ввести в категориальный аппарат отечественной криминологии термин «несовершеннолетний интенсивный преступник», раскрыто его содержание. Уточнено содержание понятия «криминальная карьера» и обоснована целесообразность его использования при исследовании интенсивного преступного поведения несовершеннолетних. Разработаны предложения по совершенствованию мер, направленных на изучение и предупреждение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, реализация которых имеет теоретическое и практическое значение для развития отечественной криминологической науки и практики противодействия преступности несовершеннолетних.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Доказано, что современная методология научных исследований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, получившая распространение в зарубежной криминологии, имеет интегративный характер и объединяет биосоциальные, психологические, социологические, экономические, правовые и т.п. подходы и идеи из различных криминологических теорий. Формирование интегративных теорий способствовало более полному описанию и объяснению ин-

тенсивного преступного поведения несовершеннолетних, выявлению неоднородности несовершеннолетних преступников, а также преодолению недостатков прежних теорий, страдающих субъективизмом, редукционизмом и придающих одной из переменных значения основной причины преступности и преступления.

2. Выявлено, что фундаментальной основой зарубежных исследований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних является «парадигма криминальной карьеры», которая отходит от упрощенного понимания криминальной карьеры по аналогии с профессией (трудовой деятельностью) и ориентирует исследователей на динамический подход к изучению индивидуальных криминальных карьер, рассматриваемых в качестве продольной (длящейся) последовательности (секвенции) преступлений; настаивает на необходимости строго различать, изучать и измерять разнообразные самостоятельные компоненты криминальной карьеры (участие, частота, продолжительность, возраст начала, специализация и др.), ее причины, траектории развития, типологии преступников и т.п.

3. Обоснована необходимость целенаправленного изучения криминологического понятия «количество совершенных преступлений», а также соотношения уголовно-правовых и криминологических конструкций количества преступлений. Разные способы подсчета индивидуального количества преступлений имеют различные познавательные возможности и ограничения, оказывающие существенное влияние на результаты криминологических исследований взаимосвязей между количеством преступлений и особенностями личности преступника.

Необходимо различать понятия «количество преступлений» и «индивидуальная частота преступлений». Если общее количество преступлений представляет собой всю их сумму, образующую криминальную карьеру, то индивидуальная частота преступлений – это количество преступлений в единицу времени (например, за сутки, неделю, месяц, год и т.п.). Индивидуальная частота преступлений рассматривается в качестве предсказателя будущей преступной деятельности.

Аргументирована необходимость формирования в российской статистике агрегированных данных, отражающих индивидуальное количество совершенных несовершеннолетними преступлений независимо от наличия у них судимости.

4. Установлено, что несовершеннолетние преступники, отличающиеся повышенным количеством (частотой) преступлений, являются наиболее активной частью многократной преступности несовершеннолетних (ее «твердым ядром»), но не имеют в российской криминологии самостоятельного наименования. Предложено ввести в отечественный категориальный аппарат термин «несовершеннолетний интенсивный преступник (НИП)». НИПы являются самостоятельным криминологическим типом несовершеннолетних преступников, подлежат целенаправленному изучению в российских условиях.

5. Определены следующие основные критерии отнесения несовершеннолетнего к категории несовершеннолетних интенсивных преступников: 1) совершение несовершеннолетним определенного количества преступлений¹; 2) негативный прогноз продолжения несовершеннолетним преступником дальнейшей криминальной карьеры. Указанные критерии представляют собой основные (базовые) признаки, позволяющие сформировать прототип (общее понятие) НИПа.

6. Обосновано, что НИПы не являются однородной массой, а состоят из различных подгрупп, обладающих криминологически значимыми признаками. Признаки, имеющие дополнительный (субсидиарный) характер по отношению к двум базовым критериям НИПов, могут входить в состав оснований для дальнейшего группирования НИПов на подтипы. К числу таких признаков предложено, в частности, относить возраст начала криминальной карьеры, характер и тяжесть совершаемых преступлений, возможную специализацию преступной деятельности и т.д. Задача выявления реально существующих подтипов НИПов требует проведения их целенаправленных криминологических исследований.

7. Аргументирована целесообразность внедрения в отечественную криминологию интегративной теории двойной таксономии Т. Моффитт, которая: 1) отрицает единую (общую) этиологию преступности несовершеннолетних и допускает существование ее различных причин у разных типов несовершеннолетних преступников; 2) признает важную роль как биопсихологических (нейропсихоло-

¹ Согласно результатам многочисленных зарубежных эмпирических исследований, минимальное количество совершенных НИПами преступлений составляет 4-5 деяний.

гических), так и социальных факторов при объяснении причин интенсивного антиобщественного и преступного поведения несовершеннолетних; 3) исходит из существования двух отчетливых категорий (подтипов) наиболее активных несовершеннолетних правонарушителей («устойчивых на протяжении жизни» и «ограниченных подростковым возрастом»), имеющих уникальную этиологию, траектории и прогноз развития преступного поведения.

8. Выявлено, что в целях предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних используются два основных подхода: карательный и реабилитационный, каждый из которых имеет достоинства и недостатки. Карательный подход к НИПам связан с реализацией идеи их «селективной (избирательной) изоляции» и заключается в применении к НИПам уголовного наказания в виде лишения свободы с увеличенными сроками, чтобы избавить общество от большого количества преступлений, которые НИПы могли бы совершить, оставаясь на свободе. Реабилитационная модель придерживается принципа «предупреждение перед репрессией»; не связана с лишением свободы; основана на использовании широкого спектра формальных и неформальных мер ресоциализации НИПов; предусматривает оказание на них позитивного профилактического воздействия, побуждающего к снижению интенсивности или полному отказу от преступной деятельности, а также предоставление несовершеннолетнему необходимой помощи (правовой, социальной, психологической, психиатрической и т.д.).

9. Доказано, что НИПы являются наиболее трудно поддающейся профилактическому воздействию категорией несовершеннолетних преступников, требующей длительной и максимальной концентрации усилий и ресурсов органов уголовной юстиции, иных государственных и общественных структур. Поскольку НИПы отягощены широким набором биопсихосоциальных факторов риска развития преступной карьеры, только мультипрофессиональные команды специалистов под руководством криминологов способны обеспечить всестороннее изучение их личности, а также реализацию широкого комплекса согласованных мер правового, психологического, педагогического, медицинского и иного характера, направленных на прекращение или снижение их интенсивной преступной деятельности.

10. Обосновано, что основным способом предупреждения преступного поведения НИПов является разработка и реализация специальных целевых программ, ориентированных на особенности личности НИПов и их окружения. Для исключения непреднамеренного криминогенного воздействия на НИПов такие программы должны иметь научную и эмпирическую обоснованность, четкую операционализацию, компетентную реализацию, а также обязательную независимую проверку. В противном случае имеется опасность реализации программ, способных оказывать негативное влияние на НИПов и способствовать продолжению ими преступной карьеры.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют внедрению в отечественную криминологию ряда теоретических положений современной зарубежной криминологии, расширению на этой основе теоретико-методологической базы российской криминологии, преодолению изолированности ее подходов к изучению преступности несовершеннолетних, ее объяснению и формированию адекватных типологий. Научно обоснованные выводы и предложения проведенного исследования восполняют имевшийся в российской криминологии пробел в части познания несовершеннолетних интенсивных преступников, рассматриваемых в качестве самостоятельного криминологического типа, а также закладывают теоретические основы для дальнейшего проведения специальных исследований, направленных на всестороннее изучение и предупреждение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.

Практическая значимость диссертации определяется характером выводов и положений, направленных на решение актуальных задач в сфере предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних. Речь, в частности, идет о разработке и реализации широкого комплекса целенаправленных мер социально-правового и иного воздействия на несовершеннолетних интенсивных преступников в целях предупреждения их дальнейшей преступной деятельности, учитывающих криминологически значимые особенности их личности и окружающей среды. Обоснованные автором предложения могут быть использованы при планировании и реализации федеральных и региональных программ предупре-

ждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, а также при оценке их эффективности. Результаты исследования могут быть учтены в деятельности судов, правоохранительных и иных органов и должностных лиц в области предупреждения преступности несовершеннолетних, а также в учебном процессе высших образовательных организаций.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные положения проведенного исследования докладывались на международных и региональных научно-практических конференциях: V Международная научно-практическая конференция курсантов, слушателей и студентов «Актуальные вопросы науки и практики» (ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», г. Краснодар, 13 апреля 2017 г.); Международная научно-практическая конференция ведущих ученых, практиков и молодых юристов «Правовые способы защиты прав на природные ресурсы: теоретико-прикладные проблемы» в рамках II Международного фестиваля саратовской юридической науки (ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов, 20-21 апреля 2017 г.); VI Международная научно-практическая конференция курсантов, слушателей и студентов «Актуальные вопросы науки и практики» (ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», г. Краснодар, 12 апреля 2018 г.); Международная конференция «Criminal justice and security in Central and Eastern Europe: from common sense to evidence-based policy-making», (Мариборский университет, Словения, г. Любляна, 25-27 сентября 2018 г.); Международная конференция «Public Criminologies: Community, Conflict and Justice» (Университет Линкольна, Англия, г. Линкольн, 2-5 июля 2019 г.); Международная конференция «16. Wissenschaftliche Tagung der Kriminologischen Gesellschaft „Sag, wie hast du’s mit der Kriminologie?“ – Die Kriminologie im Gespräch mit ihren Nachbardisziplinen», (Венский университет, Австрия, г. Вена, 5-7 сентября 2019 г.); региональная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (ФГБОУ ВО «Кубанский ГАУ», г. Краснодар, 21 мая 2021 г.).

Результаты проведенного исследования нашли отражение в 20 научных

публикациях автора общим объемом 20,5 п.л., из которых 8 статей - в изданиях, входящих в перечень научных журналов, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 4 статьи - в зарубежных изданиях, а также 1 монографии (10,9 п.л.).

Положения диссертационного исследования внедрены в процесс обучения по дополнительной профессиональной программе (программе повышения квалификации) «Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: современное состояние и концептуальные изменения» сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав субъектов России; в учебный процесс ФГБОУ ВО «СГЮА», ФГБОУ ВО «КубГУ», ФГБОУ ВО «Кубанский ГАУ», ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», а также в деятельность Общественной палаты г. Краснодара.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования. Теоретическая часть диссертации базируется на современной системно-плюралистической методологии научного исследования, фундаментальных работах ведущих зарубежных и отечественных исследователей в области преступности несовершеннолетних и ее предупреждения, а также результатах диссертационных исследований других авторов. Теоретические и практические положения основываются на обширных данных зарубежной и отечественной статистики, следственно-судебной практики, результатах многочисленных российских и зарубежных «полевых» исследований преступности несовершеннолетних, а также применении современных методик сбора, обработки и анализа эмпирической базы исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена их апробацией на практике и в учебном процессе, что подтверждается актами о внедрении.

Структура диссертации определена целью, задачами, логикой исследования и его результатами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Методологические основы криминологического изучения преступности несовершеннолетних и ее предупреждения

1.1. Методологические проблемы изучения преступности несовершеннолетних в зарубежной и российской криминологии

Отечественная криминология переживает «кризис доверия» со стороны общества и «оказалась сегодня в положении науки отторгаемой и выдавливаемой на обочину юридического образования, законотворчества и правоприменения»¹. Российские исследователи заявляют о кризисе криминологии и уголовной политики в целом². Так, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин констатируют: «Российская криминология уже достаточно давно находится в состоянии глубокого, непростительно затяжного кризиса, какой ей, пожалуй, еще не приходилось переживать за весь советский и постсоветский период, если, конечно, не считать времени, когда она была просто запрещена. Кризисная ситуация – факт, неоспоримый в криминологическом сообществе, и не только в нем»³.

Соответственно, и отечественная ювенальная криминология переживает кризис, настоятельно требующий своего разрешения. В частности, Е.В. Демидова-Петрова обращает внимание на расфокусировку научного, методологического,

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 57.

² См., например: Гишинский Я.И. Криминология сегодня: достижения, проблемы, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 66-71; Жалинский А.Э. Обновление криминологии // Право и политика. 2012. № 5. С. 828-835; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 97-98; Смирнов Л.Б. Кризис европейской постмодернистской уголовной и уголовно-исполнительной политики и его последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 55-61; Щербакова Л.М., Губжокова Д.Р., Панченко А.С. Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 70; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания. С. 41; Сокол Ю.В. Архаичность психологической теории вины в уголовном праве // Общество и право. 2020. № 1. С. 27-31; Сокол Ю.В. К вопросу о достоверности статистических показателей убийств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3. С. 42-46 и др.

³ Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 138.

теоретического, организационного, ресурсного и аналитического обеспечения предупреждения преступности несовершеннолетних, а также на необходимость проверки «действенности теоретико-методологических подходов к познанию современных проблем преступности несовершеннолетних, объяснению процессов ее детерминации и построению системы ее предупреждения»¹. Нынешнее состояние методологического кризиса отечественной криминологии негативно сказывается на изучении преступности несовершеннолетних, свидетельствует о невозможности успешного решения ее проблем с использованием прежних методологических подходов, идеалов, средств и норм научного криминологического исследования. Как известно, кризис в науке начинается с сомнения в ее парадигме² и отражает потребность в ее переосмыслении и обновлении. Научоведческая проблематика в криминологии требует большего внимания исследователей³.

В числе путей преодоления кризисных явлений называют изучение опыта других стран⁴. Соответственно, изучение и заимствование положительного зарубежного криминологического опыта также является одним из возможных путей выхода отечественной науки из кризисного состояния. В этой связи необходимо изложить особенности авторского понимания зарубежного криминологического опыта. Считаем, что неотъемлемыми частями (смысловыми составляющими) изучения (анализа) зарубежного опыта являются не только сами сведения о содержании соответствующего зарубежного криминологического опыта, но и деятельностное знание о нем, его сравнительный анализ, оценка значимости и новизны для России, установление возможных ограничений, а также исследование проблем его адаптации к российским условиям и т.п., без чего невозможно обеспечить реальную эффективность практической реализации зарубежных новаций. По словам И.Л. Честнова, «понять специфику чужой правовой системы важно, преж-

¹ Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 7.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 119.

³ См.: Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т, 2004. С. 7.

⁴ См.: Дорская А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. СПб.: Астерион, 2021. С. 89, 98 и др.

де всего, для того, чтобы лучше выяснить специфику своей собственной»¹. Е.А. Антонян и Н.А. Гришко справедливо отмечают: «Изучение положительного опыта (законодательного или практического) той или иной страны не только представляет интерес и любопытство, но и возможность применять или не применять его в других странах»². А.В. Куликов и Ю.А. Хибнерс обоснованно связывают изучение зарубежного опыта с его возможным внедрением³.

Известный отечественный специалист в области эпистемологии, философии и методологии науки Л.А. Микешина специально подчеркивала, что понятие опыта является многозначным, а его определение в различных контекстах – это самостоятельная проблема⁴. Поскольку понятие «зарубежный опыт» может рассматриваться как в узком, так и в широком понимании, обращаем внимание на то, что в диссертации исходим из широкого понимания зарубежного опыта, основанного на результатах многочисленных лонгитюдных исследований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.

Узкая трактовка содержания понятия «зарубежный опыт» рассматривает его как некое «чистое» зарубежное криминологическое знание, о котором лишь информируются российские криминологи. Узкое понимание зарубежного опыта является крайне ограниченным. В настоящее время недостаточно иметь лишь представление о содержании «голой» зарубежной криминологической информации. Такое знание должно стать достоянием отечественных криминологов, причем лично-значимым для них. Сведения о зарубежном криминологическом опыте должны быть не только знаниево-ориентированными, но и практико-ориентированными, способствовать оценке его значимости и овладению российскими криминологами, а также формированию у них готовности по его примене-

¹ Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т, 2004. С. 57.

² Антонян Е.А., Гришко Н.А. Безопасность детей в Великобритании и США // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 77.

³ См.: Куликов А.В., Хибнерс Ю.А. Зарубежный опыт применения конфискации имущества (сравнительно-правовой анализ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 4. С. 43

⁴ См.: Микешина Л.А. Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., доп. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. С. 439.

нию в национальных условиях. Для этого необходимо снимать острое противоречие между простой осведомленностью о зарубежном криминологическом знании и необходимостью (целесообразностью) его дальнейшего использования в деятельности отечественных криминологов в российских условиях.

К сожалению, в нашей стране деятельность по изучению и освоению зарубежного опыта сильно расфокусирована и не рассматривается как единое целое. Этому во многом способствовал традиционный для всей отечественной науки, а не только для криминологии, отрыв от практики. Зарубежные научные разработки (новшества) редко доходят до стадии освоения и практического применения отечественными криминологами. А прямой (механический) перенос зарубежного опыта в российскую действительность не работает, поскольку этому мешают не только устаревшие теоретико-методологические стереотипы, но и культурные, институциональные, политические, технологические, ресурсные и т.п. национальные особенности, которые нужно изучать, объяснять и учитывать.

В интересах преодоления распространенного в нашей литературе умозрительного (отвлеченного, абстрактного) подхода при изложении зарубежного опыта в работе проводилось его сравнение с отечественными положениями, доказывалось его релевантное отношение для российской криминологической науки и практики, а также исследовались проблемы (лакуны, пробелы) отечественной криминологии, обосновывающие целесообразность скорейшего заимствования отечественными криминологами положительного зарубежного опыта предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних.

В России нет систематизированного опыта предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних аутентичного зарубежному, как и не получило широкого распространения криминологическое понятие НИПа и т.д. Отсутствие российского опыта предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних имеет глубинные причины парадигмального характера. Нельзя просто заимствовать зарубежный опыт, не изменив методолого-методические основы отечественных криминологических исследований преступности несовершеннолетних. Именно это обстоятельство вызывает необходимость

анализа тех методолого-методических проблем российской криминологии, которые препятствуют целенаправленному изучению в нашей стране интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и не позволяют рассматривать и изучать НИПов в качестве самостоятельного криминологического типа.

Хотя термин «парадигма» активно применяется российскими криминологами¹, его использование в методологическом анализе криминологии является ограниченным. Признание парадигмы в качестве основы методологии научно-исследовательской деятельности², позволяет проводить всесторонний анализ методологических оснований современной криминологии (ее философских оснований, господствующих идеалов, норм, ценностей, интересов и т.п.), характерных для нынешнего состояния науки в целом и ее различных научных школ (типов).

Несмотря на различные современные трактовки парадигмы³, под ней чаще всего понимается модель научной деятельности, включающая совокупность теоретических стандартов, методологических норм, убеждений, ценностей, правил решения научных проблем и т.д., характерных для членов данного сообщества⁴. Любое научное исследование осуществляется в рамках конкретной парадигмы, а избранная исследователем методология выступает важнейшей предпосылкой полученных результатов. Как отмечают Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский, «победы и поражения конкретных наук зависят от выбора методологии, от того, насколько питающая ее философия соответствует изучаемой действительности»⁵.

¹ См., например: Номоконов В.А. Парадигмы криминологии // Известия высших учебных заведений. Серия Правоведение. 1994. № 3. С. 106-110; Иншаков С.М. Парадигма криминологии и уголовная политика // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 312-323; Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 438-446 и др.

² См.: Котенко В.П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3. С. 21-25; Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В. Методологические основы изучения социального капитала организации: парадигмы и обоснование понятия [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2020. Т. 10. № 1. С. 14-28. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 17.06.2021).

³ См.: Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 3. С. 3-4.

⁴ См.: Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 22.

⁵ Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Кондратюк Л.В., Овчинский В.С.; под ред.: К.К. Горяинова К.К. М.: Норма, 2008. С. 7.

Ф. Каллен, бывший президент Американского общества криминологии, подчеркивал: «Скорее, в куновском смысле суть парадигмы состоит в том, что она определяет для нас способы теоретизирования, способы сбора данных и проверки теорий, а также способы организации наших знаний. Она включает в себя набор нормативных стандартов, которые говорят нам, что является хорошим исследованием, а что достойно публикации в наших ведущих журналах. В результате она контролирует, по крайней мере, неявно, структуру вознаграждения дисциплины, потому что соблюдение парадигматических норм приносит публикации, статус и карьерный рост»¹.

Исследовательская деятельность не свободна от различных влияний, в том числе и от господствующей идеологии. В советское время в качестве единственно возможной была только марксистско-ленинская методология науки. С.А. Лебедев отмечает, что «марксистско-ленинская эпистемология с ее учением о диалектико-материалистическом методе как единственно научном методе познания и о практике как универсальном критерии истинности любого, в том числе и научного, знания» может рассматриваться как монистическая методологическая парадигма². Хорошо известно утверждение К. Маркса, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»³. В качестве этого «пути» марксистско-ленинская парадигма безраздельно господствовала во всей советской науке, в том числе и в криминологии. В условиях мощного идеологического прессы, опиравшегося на государственную поддержку, были невозможны альтернативные методологии.

Как известно, «великая задача» покончить с преступностью в нашей стране не реализовалась. Утопические идеи, абстрактные общие теории преступности, политизированные криминологические знания о причинах преступности и пре-

¹ Cullen F.T. Beyond adolescence-limited criminology: choosing our future. The American society of criminology 2010 Sutherland address // *Criminology*. 2011. Vol. 49. Iss. 2. P. 289.

² См.: Лебедев С.А. Парадигмы методологии науки и методологическая культура ученого // *Гуманитарный вестник*. 2017. № 7 (57). С. 2.

³ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7.

ступлений, а также основанные на них преимущественно репрессивные средства борьбы с преступностью не привели к желаемому результату. Очевидно, что возникающие проблемы отечественной криминологии не удастся решать прежними познавательными средствами, т.е. с помощью прежней парадигмы, в том числе и идеологической ориентацией на догматический марксизм. В литературе отмечается, что «логическая преемственность «околонаучной» советской криминологии, сложившейся под воздействием программных положений ЦК КПСС, вряд ли сослужила отечественной криминологической науке хорошую службу. В этом смысле советскую криминологию можно было бы назвать нетрадиционной, а в некоторых моментах - антитрадиционной»¹.

Традиции и новации – это две диалектически связанные стороны процесса развития науки, между которыми идет постоянная борьба. «Между логикой научного познания и сложившимися научными традициями нередко возникает конфликт. Исторический опыт свидетельствует, что этот конфликт не всегда разрешался в пользу научной логики. Нередко консервативные научные традиции брали верх и тормозили научный прогресс. Такие времена переживала не одна наука. Не удавалось избежать этого и криминологии, особенно в социалистическую эпоху»². Отечественная криминология, как и уголовно-правовая наука, отличается консервативностью³, «в научном сообществе доминирует бережное (иногда даже слишком бережное) отношение к традициям и постулатам сложившихся (традиционных) школ уголовного права»⁴. По верному замечанию Э. Ферри, есть два способа сохранения научного наследия: «во-первых, мы можем получать и передавать его нетронутым нашим потомкам, занимаясь только простым научным пережевыванием, что и легко и удобно; во-вторых, мы можем благодаря нашим

¹ Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, Е.А. Антонян [и др.]; под редакцией Г.А. Аванесова. 7-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. С. 61.

² Там же.

³ См.: Цай К.А. Уголовно-правовые парадигмы и их роль в развитии российской уголовно-правовой политики (на примере членства России в Совете Европы) // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 146.

⁴ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. № 2 (19). 2015. С. 22.

усилиям умножить его и возвысить его ценность, что и составляет, по нашему мнению, главнейшую обязанность молодых людей, посвящающих себя науке»¹.

На разных этапах развития научная криминологическая деятельность формирует различные парадигмы, компоненты и элементы которых не всегда осознаются исследователями. Вновь прибывающие в науку новые поколения исследователей чаще всего некритично усваивают господствующую парадигму в период «нормальной науки» по учебникам или по ограниченному кругу научной литературы, основанной на господствующей парадигме. В таких источниках отсутствуют сведения о существовании конкурирующих или альтернативных парадигм либо содержится их «разгромная» критика.

Парадигмальный характер развития криминологической науки предполагает, что «только осознанная парадигма выступает в качестве методологии научного познания»². Без четкого понимания того, какие именно философские, психологические, социологические и т.п. концепты, ценности, нормы, приемы, методы и техники исследования используются учеными, трудно понять особенности, характеризующие господствующую среди них концептуальную схему (модель) постановки и решения научных проблем (задач), ее объяснительные возможности и необходимость замены.

Конфликт парадигм – это, прежде всего, конфликт разных систем ценностей, разных способов решения задач-головоломок, разных способов измерения и наблюдения явлений, разных практик, а не только разных картин мира³. Переход от старой парадигмы к новой («научная революция») приводит к ломке старых понятий, представлений, теоретических схем и т.д.⁴ Замена парадигмы трансформирует восприятие криминологической реальности, влечет формирование новой

¹ Ферри Э. Уголовная социология / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. ИНФРА-М, 2005. С. 654.

² Котенко В.П. Парадигма как методология научной деятельности. С. 21.

³ См.: Нугаев Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 121.

⁴ См.: Ракитов А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Научковедческие исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ракитов А.И.; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Центр информатизации, социал., технол. исслед. и науковед. анализа. М., 2003. С. 14

дисциплинарной «картины мира», принятие научным сообществом другой концептуальной основы (схемы, модели) построения криминологических теорий, смену традиций, правил и норм отраслевого научного познания.

«Современная криминология возникла не на пустом месте, она в известной мере не может не быть ориентирована на предшествующую научную мысль и традицию»¹. Истоки многих нынешних методологических проблем отечественной криминологии находятся в 60-80-х годах прошлого столетия, когда усилиями юристов создавались теоретические основы советской криминологии, а представители других наук (социологи, психологи, психиатры и т.д.) участия в этой работе не принимали. И.С. Ной, оценивая значение работы А.А. Герцензона под названием «Предмет, метод и система советской криминологии», отмечал, что «она определяла методологические принципы криминологической науки, и в силу авторитетности автора, как единственного оставшегося от 20-х годов криминолога, служила определяющим средством воспитания криминологического мышления будущих криминологов. Поскольку проф. А.А. Герцензон все высказанные им в этой первой методологической работе по криминологии положения называл марксистскими, а все то, что он отвергал, - называл буржуазным, его книга была принята как директивное указание о путях развития вновь рожденной советской криминологии»².

С развалом СССР период развития криминологии в качестве «нормальной науки» (по терминологии Т. Куна) завершился, она находится в экстраординарном периоде, в кризисном состоянии. Криминологическое сообщество не удовлетворено прежней марксистско-ленинской монистической методологической парадигмой, утратившей статус господствующей парадигмы, однако новая парадигма отечественной криминологии окончательно так не сформировалась. Начавшийся в 1990-е годы процесс критического переосмысления накопленного опыта и освобождения от советского идеологического наследия все еще продолжается.

¹ Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 7-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. С. 23.

² Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 66.

С.М. Иншаков справедливо отмечает: «Отечественные криминологи уже прикоснулись к исследованиям на основе новых методологических принципов. В перспективе, когда такие исследования наберут необходимую критическую массу, не исключено возникновение нового направления в криминологии, а может быть – и радикальное изменение базовой криминологической парадигмы»¹. В свою очередь, Л.В. Кондратюк говорит о смене криминологической парадигмы². М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин заявляют о формировании новой парадигмы криминологии³. П.Н. Панченко уверен, что стране нужна «не просто новая, а принципиально новая» криминология⁴.

Важно отметить, что сообщество отечественных криминологов не является однородным: одни исследователи остаются на традиционных позициях, другие настаивают на необходимости перемен, третьи окончательно не определились в выборе позиции, в том числе, и в отношении мультипарадигмальности криминологии. Старая парадигма не сдается, не уступает «без боя», а ее сторонники активно обвиняют оппонентов в разрыве с традициями.

Философы науки (С.А. Лебедев, В.А. Смирнов, В.С. Степин, В.С. Швырев и др.) признают в качестве наиболее адекватной современной науке «системно-плюралистическую концепцию методологии, утверждающую не только необходимость многообразия методов научного познания, но и существование между ними внутренней взаимосвязи в общем процессе научного познания»⁵. Необходимо принять неизбежность «теоретического многообразия» в криминологии, невозможность существования вневременной и «единственно истинной» парадиг-

¹ Иншаков С.М. Криминология в XXI веке // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 43.

² См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М.: Норма, 2001. С. 1-4.

³ См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 139.

⁴ См.: Панченко П.Н. Уголовное право с претензией на статус ценности: В поисках ответа на вопросы настоящего к будущему и будущего монография. М.: Юриспруденция, 2018. С. 382.

⁵ Лебедев С.А. Парадигмы методологии науки // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 96-97.

мы, а также конструктивный (конвенциональный) и социально-исторический характер методологического знания, идеалов и норм научного исследования¹. Множество конкурирующих между собой парадигм исследования криминологической реальности, а также возможность свободного выбора исследователем любой из них - это норма, а не аномалия. И.Л. Честнов констатирует: «Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины – это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания XXI в.»². В свою очередь, «в зависимости от избранной автором методологии — способа описания и объяснения — зависит результат, т. е. образ мира как его онтология»³.

Существование различных криминологических школ (антропологической, классической, позитивистской, психоаналитической, социалистической, постмодернистской, интегративной и т.д.)⁴, каждая из которых характеризуется базовыми уголовно-политическими идеями⁵, является ярким подтверждением этому.

Следует констатировать, что в отечественной криминологии сформировались и конкурируют две основные установки исследователей по отношению к несовершеннолетним преступникам, которые могут быть представлены следующими позициями:

¹ См.: Лебедев С.А. Парадигмы методологии науки и методологическая культура ученого. С. 8-10.

² Честнов И.Л. Постнеклассическое правопонимание: монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 60.

³ Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 8.

⁴ См., например: Гишинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3 (21). С. 6-9; Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 105-170; Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 28-41; Клейменов И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 140-141; Шелухин Н.Л., Шелухин А.Н. О целесообразности введения в юридических вузах специализации по криминологии и профилактике преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 708.

⁵ См.: Клейменов И.М. Криминологическое обеспечение уголовной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» / Отв. ред. доктор юридических наук, доц. Е.Н. Рахманова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. С. 187-196.

1) к несовершеннолетнему преступнику нужно относиться также, как и к совершеннолетнему преступнику (несовершеннолетний преступник = «маленький» взрослый преступник);

2) к несовершеннолетнему преступнику недопустимо относиться как к совершеннолетнему преступнику (несовершеннолетний преступник – это не «маленький» взрослый преступник).

Первая позиция, несмотря на различные оговорки, является доминирующей в криминологии, поскольку допускает отождествление (смешивание, подмену) уголовно-правового понятия «субъект преступления» и криминологического понятия «личность несовершеннолетнего преступника». Хотя уже в 1900 г. на Международном пенитенциарном конгрессе в Брюсселе, где рассматривался вопрос о рецидиве несовершеннолетних, А.А. Жижиленко обращал особое внимание на то, что «рецидивисты несовершеннолетние отличаются, тем не менее, по своим внутренним качествам от взрослых»¹. По словам А.А. Жижиленко, «психика несовершеннолетнего еще не сложилась вполне, так что судить о ней, как о психике взрослого, нет оснований»². В.В. Панкратов констатировал: «Однако сказать, что «у маленьких все, как у больших», нельзя. Существуют серьезнейшие различия в степени проявленности и удельном весе тех или иных криминогенных факторов, особенности их комплексирования. Еще одна серьезная линия разделения преступности взрослых и преступности несовершеннолетних – взаимодействие названного причинного комплекса на отчетливые возрастные и социальные личностные особенности несовершеннолетних. В социальном плане эти особенности очевидны – у молодежи иные социальные позиции, профессиональная подготовка, материальное положение. Громадное своеобразие вносят и психологические возрастные особенности – психология восприятия, обучения (понимания), общения и т.п.»³.

¹ Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе 1900 года (окончание) // Вестник Права. СПб., 1901. № 4-5. С. 123.

² Жижиленко А.А. Меры к исправлению несовершеннолетних рецидивистов // Право: еженедельная юридическая газета. 1900. № 21. С. 1041.

³ Панкратов В.В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная

Согласно современным исследованиям, несовершеннолетние не достигают полной психосоциальной зрелости в подростковом возрасте¹.

Дж. Фэган обращает внимание на то, что обращение с несовершеннолетними как со взрослыми преступниками является неэффективным средством борьбы с преступностью².

Ф. Дюнкель и И. Пруин к числу «главных достижений» мировой уголовной политики относят признание того, что с несовершеннолетними преступниками «теперь должны иметь дело иначе, чем со взрослыми»³.

Специальная система правосудия за рубежом в отношении несовершеннолетних основана на идее «*doli incarax*» (уменьшенной уголовно-правовой дееспособности)⁴.

В отечественной криминологии декларируется особое отношение к несовершеннолетним преступникам, хотя фактически «особое отношение» зачастую отсутствует. Так, Г.М. Миньковский отмечал, что «личные свойства несовершеннолетних преступников имеют возрастные особенности, которые, однако, далеко не всегда играют решающую роль в мотивации преступного поведения (иначе было бы непонятно, почему преступления совершают не все подростки). Поэтому нельзя сводить причинное объяснение преступности несовершеннолетних к общевозрастным характеристикам»⁵. Г.М. Миньковский, по его же словам, «применял» общую типологию личности преступников к несовершеннолетнему контингенту, «несколько видоизменяя ее в соответствии со спецификой последнего»⁶.

проблема // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 46. М.: Юрид. лит., 1988. С. 31.

¹ Loeffler C.E., Chalfin A. Estimating the Crime Effects of Raising the Age of Majority // *Criminology and public policy*. 2017. Vol. 16. Iss. 1. P. 63.

² Fagan J. Juvenile crime and criminal justice: resolving border disputes // *The Future of Children*. 2008. Vol. 18. No. 2. P. 81-118.

³ Dünkel F., Pruin I. Young adult offenders in juvenile and criminal justice systems in Europe // *Young Adult Offenders. Lost in Transition?* Cambridge Criminal Justice Series. 1st Ed. Oxon, NY: Routledge Taylor and Francis Group, 2012. P. 12.

⁴ Ibid. P. 13.

⁵ Криминология: учебник / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Юрид. лит., 1988. С. 237-238; Миньковский Г.М. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Криминология: учебник / под ред проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. 2-е изд. перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 272.

⁶ Миньковский Г.М. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних

В.О. Касимов справедливо отмечает: «Малоизученной остается проблема определения степени влияния возраста на конкретное поведение преступника и его мотивацию»¹. Недостаточно изучено влияние возраста на социально-демографические, нравственно-психологические и иные характеристики личности преступника².

И.М. Мацкевич возрастные особенности включает в причины преступности, непосредственно коренящиеся в личности преступника, подчеркивает их прямое отношение к видам преступлений и способам их совершения³.

В российской криминологии существует тенденция недооценки разнородности несовершеннолетних преступников, на что еще в 1926 г. обращал внимание С.В. Познышев⁴.

В 1998 г. Р.М. Абызов писал, что ограниченность исследований в области деформации личности «в значительной степени объясняется часто встречающимся рассмотрением несовершеннолетних правонарушителей как однородной группы»⁵. В 2002 г. Р.М. Абызов вновь отмечал, что рассмотрение несовершеннолетних правонарушителей, как однородной группы, все еще часто встречается⁶. Об этом также заявляли Р.И. Панкратов, Е.Г. Тарло и В.Д. Ермаков⁷.

Распространенности представлений об однородности несовершеннолетних преступников способствует и преувеличение научного значения формирования обобщенного (универсального) «криминологического портрета несовершен-

преступников. С. 275.

¹ Касимов В.О. Возраст преступника как криминологическая проблема: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 6.

² См.: там же. С. 7.

³ См.: Мацкевич И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. 2013. № 19. С. 24-31.

⁴ См.: Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. Ленинград: Государственное издательство, 1926. С. 8.

⁵ Абызов Р.М. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 3.

⁶ См.: Абызов Р.М. Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. С. 6.

⁷ См.: Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 16-17.

летнего преступника в современной России»¹, «среднестатистического портрета личности преступника»², «общего криминологического портрета несовершеннолетних преступниц»³ и т.п. Речь идет не об описании конкретного типа преступника, а о создании крайне абстрактной, общей, «универсальной» модели всей популяции несовершеннолетних преступников. В результате такого подхода игнорируется существование различных типов несовершеннолетних преступников, а также разных причинных факторов (этиологий), объясняющих их преступную деятельность⁴.

Например, Е.А. Писаревская определяет «среднестатистического несовершеннолетнего насильственного преступника как преимущественно лицо мужского пола в возрасте 16-17 лет, в большинстве своем обучавшегося до совершения преступления в образовательном учреждении или бывшего социально незанятым, проживавшего в неполной или неблагополучной семье, как правило, совершившего преступление в группе и ранее не судимого»⁵.

Зачастую и СМИ способствуют распространению представлений об однородности несовершеннолетних преступников. Так, информационное агентство России «ТАСС» сообщало в 2020 г., что «генпрокуратура описала типичного несовершеннолетнего преступника в России»⁶.

Несовершеннолетние преступники отличаются друг от друга различными

¹ См., например: Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 125-168.

² Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 41; Шеслер А.В. Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 134.

³ Казакова Д.Р. Несовершеннолетние преступницы, лишённые свободы, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. С. 10.

⁴ Criminal Careers and "Career Criminals" / ed. by A. Blumstein, J. Cohen, J.A. Roth, C.A. Visher. Washington, DC: The National Academies Press, 1986. Vol. I. P. 13-14; Sampson R.J., Laub J.H. A life-course view of the development of crime // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2005. Vol. 602. Iss. 1. P. 12.

⁵ Писаревская Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних и её предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 14-15.

⁶ Генпрокуратура описала типичного несовершеннолетнего преступника в России. 19.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8280997> (дата обращения: 21.05.2021).

биологическими, психологическими, социальными и иными характеристиками и их сочетаниями, имеющими криминологическое значение, которые игнорируются их обобщенными «портретами».

Отечественные криминологи зачастую изучают различные группы несовершеннолетних преступников, которые не являются однородными по составу, а объединяют существенно разнородные группы. Недооценка имеющихся у них криминологически значимых различий влияет на точность и достоверность получаемых результатов. Например, были опубликованы результаты online-опроса, проведенного в июне 2016 г. среди 231 выпускника специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, расположенных в разных субъектах Российской Федерации, в возрасте от 11 до 18 лет.¹ На вопрос «Может ли человек жить без правонарушений?» были получены следующие ответы: 64 % воспитанников ответили утвердительно, а 31 % считали, что это невозможно. При этом положительный ответ дали 93 % детей в возрасте 11-13 лет и только 59 % детей – в возрасте 17-18 лет.

Ценность результатов подобного опроса является весьма ограниченной, поскольку нет сведений относительно криминологически значимых особенностей личности опрошенных выпускников СУВУЗТ, которые могут принадлежать к различным криминологическим типам и иметь разные причинные механизмы (факторы) преступной деятельности и т.д. Соответственно, невозможно установить и объяснять взаимосвязи между полученными ответами и опрошенными лицами, среди которых наряду с несовершеннолетними, не достигшими возраста уголовной ответственности, могут находиться несовершеннолетние, совершившие лишь одно преступление, а также многократные несовершеннолетние преступники и т.д.

Суть типологического подхода в криминологии как раз и проявляется в том,

¹ См.: Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы / Под ред. Н.В. Сероштановой. М.: АНО «ЦНПРО», 2016. С. 5.

что «выделение частных типов внутри всего контингента преступников, тем более внутри типа криминогенной личности, сможет более полно отразить комплексы черт, присущие тем или иным контингентам»¹. Только «научно обоснованная дифференциация преступников позволяет обеспечивать точное, эффективное реагирование на их поведение и личностные характеристики, принимать действенные дифференцированные предупредительные меры»². К тому же персонализированная профилактика преступлений «непосредственно строится на идентификации конкретной персоны одному из образов типологии личности»³.

В литературе отмечается, что в советской криминологии превалировал уголовно-правовой подход к определению понятия «личность»⁴, а социологический - к изучению личности преступника⁵. В результате этого из сферы внимания исследователей нередко «выпадали индивидуальные свойства личности, прежде всего биологические и психологические, которые являлись важнейшим элементом механизма конкретного преступления»⁶. Редким исключением являются работы Ю.М. Антоняна⁷ и его последователей.

В 70-80-е годы прошлого столетия в стране проходила дискуссия по проблеме соотношения социального и биологического. О масштабах этой дискуссии свидетельствовал тот факт, что в период с 1970 по 1977 гг. только в двух журналах «Вопросы философии» и «Философские науки» было опубликовано свыше

¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. М.: Юрид. лит., 1985. С. 290.

² Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 10

³ Харламов В.С., Смирнов Л.В. Типология личности постпенитенциарного рецидивиста // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 1 (80). С. 10.

⁴ Зарипов З. Некоторые подходы к изучению личности современного преступника // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3 (94). С. 40.

⁵ См.: Шеслер А.В. Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии. С. 134.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ См., например: Личность преступника и профилактика преступлений / Ю.М. Антонян, О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова [и др.]; ред. Ю.М. Антонян. Москва: Проспект, 2017; Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания: монография / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. Москва: Проспект, 2018; Антонян Ю.М., Красикова Ю.Ю., Савельева Т.И. Психотерапевтические возможности исправления осужденных // Человек: преступление и наказание. 2018. №3. С. 331-339 и др.

250 статей, обзоров и комментариев на эту тему¹. Однако решение этой проблемы в нашей стране происходило в русле положений диалектического материализма, а также негативного отношения к биосоциальным концепциям преступности. В частности, А.А. Герцензон утверждал, что «методика исследований, примененная сторонниками биокриминологических концепций, несовместима с подлинно научными исследованиями преступности»², а «биосоциальная концепция причин преступности враждебна марксистской социологии»³.

Накопленные к настоящему времени знания свидетельствуют о необходимости пересмотра прежних стереотипов о значении биосоциальных элементов структуры личности несовершеннолетних преступников, а также интеграции современных биосоциальных, психологических, социологических и т.д. подходов в объяснении причин преступности несовершеннолетних и в определении эффективных направлений противодействия ей. Признание социального характера преступности и социальной обусловленности преступлений не может служить основанием для игнорирования биосоциальных особенностей личности несовершеннолетних преступников, а также взаимосвязей между несовершеннолетним возрастом, характером и степенью их криминальной активности. Биосоциальные особенности личности несовершеннолетних преступников должны учитываться в механизме детерминации их преступного поведения.

А.А. Герцензон внес огромный вклад в развитие теоретических основ отечественной криминологии, однако некритичное заимствование устаревших взглядов А.А. Герцензона и других советских криминологов способны затруднить переосмысление проблемы соотношения социального и биологического при изучении личности несовершеннолетнего преступника, решение которой имеет важное теоретическое, практическое и правовое значение.

Ю.М. Антонян обоснованно отмечал: «Советской наукой (может быть, точ-

¹ См.: Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 235.

² Герцензон А.А. Против биологических теорий причин преступности (очерк второй) // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 5. М.: Юрид. лит., 1967. С. 28.

³ Там же. С. 53.

нее, советской властью) учение Ломброзо, Ферри и их последователей было предано анафеме. Иначе и быть не могло, потому что отвергалось все, что не соответствовало официальной доктрине, а она состояла в том, что преступление порождается социальными причинами; когда такие причины отомрут, отомрет и преступность (при коммунизме, разумеется). Этому совершенно не соответствовала ломброзианская теория о биологическом и наследственном характере преступности. Следовательно, такую теорию надо было громить»¹. «Критика ломброзианства в 60-70-е годы XX в. имела своим последствием то, что биосоциальные и психологические исследования преступников долгие годы были под запретом»².

Ю.С. Шкурко говорит о существовании биофобии, т.е. «избегании рассматривать биологические причины социального, нетерпимости социологов к необходимости включать биологические переменные в свои теории»³.

А.В. Шеслер приходит к выводу, что социологический, психологический и биосоциальные подходы создали основу комплексного исследования личности преступника, в соответствии с которым она рассматривается в совокупности социальных, биологических и психологических качеств⁴.

М.В. Бавсун уверен, что «антропология в современных условиях вполне способна оказаться в авангарде всей уголовно-правовой политики»⁵.

Зарубежная криминология в последние годы осторожно возвращается к теме использования биологии для объяснения преступного поведения. Речь не идет о рецепции нацистской евгеники или запятнавшей себя криминальной биологии прошлого столетия. «Поворот» к биологии в криминологии стал очевидным после

¹ Многократный рецидив преступлений: монография / [авт. кол.: Е.А. Антонян и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна; Федеральная служба исполнения наказаний, Акад. права и управления, Ин-т гуманитарного образования и информационных технологий. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 59.

² Там же. С. 61.

³ Шкурко Ю.С. Инкорпорирование идей нейронауки в социологию: как преодолеть разрыв между "биологическим" и "социальным"? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 2 (90). С. 25.

⁴ См.: Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 193-205.

⁵ Бавсун М.В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(1). С. 44.

открытий в области генома человека, ДНК и «генетических маркеров». Многочисленные авторитетные и научно обоснованные зарубежные исследования показали, что гены играют роль в преступлениях¹. Например, широко известно открытие, что склонность к агрессии связана с низким уровнем фермента моноаминоксидазы А, за выработку которого отвечает конкретный ген. Однако эта тема вызывает острые дискуссии.

По словам Т. Моффитт, «в течение последних 30-40 лет большинство криминологов не могли произнести слово «генетика» без плевков. Сегодня самые убедительные современные теории преступности и насилия сплетают воедино социальные и биологические темы»². Необходимо преодолевать негативные последствия «запятнанной истории использования биологии для объяснения преступного поведения», связанные с огульными попытками отвергать или игнорировать генетику и сосредоточиться только на социальных причинах преступлений³.

Отечественная криминология, базируясь на устаревших теоретико-методологических позициях, неохотно использует достижения нейронауки (neuroscience) при изучении преступности несовершеннолетних⁴. Как отмечает Ю. Станек, «под термином neuroscience мы понимаем междисциплинарные научные исследования нервной системы; это наука, которая объединяет результаты исследований во многих областях, в том числе в области биологии, медицины, биохимии, биофизики, когнитивистики, философии и психологии»⁵.

До начала XXI века господствовало мнение, что к подростковому возрасту мозг уже развил все функциональные возможности, которыми он обладает во взрослом возрасте. Считалось, что только жизненный опыт является основным различием между подростками и взрослыми в отношении множества человеческих функций и поведения, включая такие области, как саморегуляция, когнитив-

¹ Cohen P. Genetic Basis for Crime: A New Look [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2011/06/20/arts/genetics-and-crime-at-institute-of-justice-conference.html?eid=auto&smid=tw-nytimes&pagewanted=print> (дата обращения: 03.07.2021).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ См.: Станек Ю. Право и нейронаука - точки пересечения // Правоведение. 2017. № 4 (333). С. 22.

⁵ Там же. С. 21.

ные суждения и принятие решений¹. Однако современные достижения нейробиологии развития поставили под сомнение прежние представления. В результате изучения нейробиологических механизмов получены новые данные о том, что подростковый возраст, начинающийся с наступления половой зрелости и заканчивающийся к середине 20-х лет жизни, является критическим периодом развития, в течение которого ключевые области мозга развиваются и созревают². Части мозга, чувствительные к поиску ощущений и влиянию сверстников, особенно активны у подростков в период полового созревания, в то время как исполнительные функциональные области не полностью сформированы вплоть до начала 20-х годов жизни³.

Мозг подростка - это не просто «продвинутый» детский мозг или «незрелый» мозг взрослого. Уникальность мозга подростка определяется тем, что он эволюционировал для удовлетворения потребностей этого возрастного этапа, повышая у подростка чувствительность к вознаграждениям, готовность идти на риск и т.д., развивать когнитивные, социальные и эмоциональные навыки, необходимые для продуктивности во взрослом возрасте⁴. Необходимо также преодолевать проблему дуализма мозга и психики: для большинства современных нейробиологов это одно и то же: «я - это мой мозг»⁵.

Нейро- и дифференциально-психологические подходы признаются важным направлением современных исследований личности и причин девиантного (преступного) поведения несовершеннолетних⁶. Ю.Н. Гут и М.К. Кабардов констатируют: «Нейропсихологический подход, позволяющий выявить природные и инди-

¹ The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington, DC: The National Academies Press, 2019. P. 347.

² Ibid. P. 1.

³ Steinberg L. Age of Opportunity: Lessons from the New Science of Adolescence. New York: First Mariner Books, 2014; "9 Justice System" / The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington, DC: The National Academies Press, 2019. P. 295.

⁴ The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth. P. 1.

⁵ Гринкевич В.В. Наука о мозге часто подменяется мифами [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665097.html> (дата обращения: 21.07.2021).

⁶ См.: Гут Ю.Н. Личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Белгород, 2014. С. 3.

видуально-психологические детерминанты девиантного поведения подростков, является наиболее объективным в парадигме современных нейрокогнитивных технологий»¹. Привлечение в криминологию современных достижений нейронауки, когнитивных и иных наук будет способствовать объяснению причин преступного поведения несовершеннолетних и поиску новых эффективных путей (способов) его предупреждения.

Таким образом, кризисное состояние отечественной криминологии негативно сказывается на изучении преступности несовершеннолетних, свидетельствует о невозможности успешного решения имеющихся проблем с использованием прежних методологических подходов. К числу проблем методологического характера, нуждающихся в критическом пересмотре отечественными криминологами при исследовании современных проблем преступности несовершеннолетних, следует отнести, в частности, следующие:

- принятие мультипарадигмальности, методологического плюрализма и теоретического многообразия современной криминологии, социально-исторического характера методологического знания, идеалов и норм научного исследования;
- необходимость всестороннего изучения, систематизации и адаптации современных зарубежных научных подходов, а также теоретически и эмпирически обоснованного криминологического знания;
- признание важности теоретико-методологической интеграции различных криминологических теорий в целях преодоления редукционизма и упрощения при объяснении причин преступности и индивидуальных преступлений;
- необходимость пересмотра прежних стереотипов о соотношении биопсихосоциальных элементов структуры личности несовершеннолетнего преступника;
- интеграция современных биосоциальных, психологических, социологических и т.д. подходов в объяснении детерминации преступности несовершеннолетних;
- реальное, а не декларативное признание и целенаправленное изучение

¹ Гут Ю.Н., Кабардов М.К. Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 81.

биосоциальных возрастных особенностей несовершеннолетних преступников и их криминологического значения;

- неразработанность методологических аспектов изучения индивидуальной преступной деятельности несовершеннолетних, в том числе при проведении лонгитюдных (длящихся) исследований, а также взаимосвязей антиобщественного поведения в детстве с преступным поведением в несовершеннолетнем возрасте и во время дальнейшей взрослой жизни;

- признание разнородности (гетерогенности) несовершеннолетних преступников, в том числе по количеству совершенных преступлений; а также наличия многочисленных типов и подтипов несовершеннолетних преступников, разных причинных факторов (этиологии), объясняющих их преступное поведение и т.д.

Особо следует отметить необходимость взаимодействия отечественной криминологии с различными направлениями мировой криминологии, всестороннее изучение, систематизацию и заимствование современных зарубежных научных подходов и нового криминологического знания.

К сожалению, в современной отечественной криминологии все еще сильна инерция господствовавшей в СССР идеологической установки, в соответствии с которой в качестве самостоятельной задачи советской криминологии признавалась необходимость доказывания ее исключительности и ее бесспорных преимуществ, а также обязательная критика буржуазной криминологии¹. В результате этого прежнее, преимущественно отрицательное, отношение к «буржуазной» криминологии зачастую сохраняется и в настоящее время. Я.И. Гишинский отмечает имеющее место в российской криминологии «пренебрежительное отношение к достижениям зарубежных коллег»².

Исторически в нашей стране существует неоднозначное отношение к зарубежному опыту, получившее отражение в противостоянии «славянофилов» и «западников». В.М. Розин справедливо отмечает: «Именно Запад, начиная с XVII

¹ См.: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 6.

² Гишинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии. С. 5.

столетия и Петра I, выступает для российского хозяйства и экономики «зоной ближайшего развития», чтобы там, преследуя корыстные интересы, время от времени не утверждали наши правители и элита»¹. «Да, ассимиляция западных технологий и представлений в России происходит по «принципу маятника» (то шаг вперед, то назад), и все-таки, пусть медленно, пусть с колебаниями, но мы усваиваем и осваиваем западный опыт. Достаточно указать на такие всем известные примеры, как создание российских университетов, науки, промышленности, учреждений здравоохранения. Все эти институты первоначально сложились на Западе и затем с большими усилиями и издержками были привиты на русской почве»². Изложенное относится и к использованию в России зарубежного правового опыта. О.А. Ляпина обоснованно отмечает, что «российская дореволюционная, а также советская и современная российская юриспруденция развивается под значительным влиянием европейской науки, особенно немецкой»³. В свою очередь, Т.Ю. Кулапова констатирует: «До сих пор сохранилось амбивалентное отношение к проблеме использования иностранного правового опыта в развитии российской правовой системы»⁴.

Бесспорно, что криминологические исследования должны учитывать национальную специфику⁵, однако от критики «всего чужого» и противопоставления с «нашим» необходимо переходить к непредвзятому изучению зарубежного научного опыта. А. Костюковский верно отмечает, что «разделительная линия между различными криминологическими дискурсами как различными частями единой

¹ Розин В.М. Основные этапы формирования права в Западной Европе и России: Культурно-исторический и философский анализ. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 11-12.

² Там же. С. 12.

³ Ляпина О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г., Karlsruhe)). Часть 1. // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 14.

⁴ Кулапова Т.Ю. Использование зарубежного юридического опыта в условиях совершенствования российской правовой системы // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2014. Вып. 13. С. 84.

⁵ См, например: Кудрявцев В.Н. Методологические вопросы сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения. М.: ИГиП АН СССР, 1978. С. 71-78; Дудоров Т.Д., Тропкин А.А. Сравнительная криминология и ее значение в условиях глобализации преступности // Глобус: экономика и юриспруденция. 2019. № 6 (36). С. 16.

социальной дисциплины не может более пролегать в рамках определений «буржуазное» и «социалистическое»¹.

А.И. Бастрыкин, В.П. Сальников, В.Б. Романовская и К.И. Воронков констатируют, «что изучение зарубежного опыта может быть полезно для российской науки и практической деятельности в сфере предупреждения правонарушений в целом и рецидивной преступности в частности»².

Отечественная криминология не должна отказываться от парадигмального взаимодействия со всеми направлениями мировой криминологии. По словам П.А. Кабанова, «интеграция отечественной криминологии в мировую приводит к заимствованию криминологических взглядов, идей, теорий, методов познания и самих знаний, полученных исследователями других стран, которые требуется систематизировать и классифицировать»³. В развитых демократических государствах криминология востребована и имеет высокий престиж⁴. Проводимая в нашей стране уголовная политика в условиях «сдержанного изоляционизма» не должна приводить к самоизоляции страны от глобальных процессов⁵ и ограничивать познавательные возможности исследователей. Как отмечает Я.И. Гишинский, «политика изоляционизма абсолютно бесперспективна в условиях объективной и неизбежной глобализации»⁶. В условиях усиливающейся глобализации мира и интернационализации научного знания российская криминология не может оставаться в стороне от мирового развития и от достижений зарубежной криминоло-

¹ См.: Костюковский А. Преступность и криминология на рубеже веков: XII Международный Балтийский криминологический семинар // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С. 179.

² Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикriminalогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Том 14. № 3. С. 371.

³ Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 26.

⁴ См.: Клеймёнов М.П., Клеймёнов И.М. Престиж криминологии в мире и в России // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 5-6.

⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. 2017. № 3 (243). С. 90.

⁶ Гишинский Я.И. Проблемы социального контроля над преступностью в современном обществе // Криминалистика. 2018. № 4 (25). С. 5.

гии¹.

Г. Мешко и В.Н. Воронин справедливо констатируют, что «сравнительная криминология становится актуальным направлением науки в современном глобализированном мире»². В России, несмотря на имеющиеся трудности и институциональные проблемы³, продолжается развитие сравнительной криминологии, как самостоятельной отрасли криминологической науки⁴. Сравнительный анализ способствует развитию отечественных криминологических теорий, их выходу за культурные и национальные границы, преодолению замкнутости и изолированности; позволяет оценивать эффективность национальных систем уголовного право-

¹ См.: Гурина А.Л. *Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.* Калининград, 2018. С. 4-5.

² Мешко Г., Воронин В.Н. Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении // *Всероссийский криминологический журнал.* 2019. Т. 13. № 5. С. 695.

³ См.: там же. С. 702-703.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. *Методологические вопросы сравнительной криминологии* // *Проблемы сравнительного правоведения.* М.: ИГиП АН СССР, 1978. С. 71-78; Лунеев В.В. *Тенденции преступности: мировые, региональные, российские* // *Государство и право.* 1993. № 5. С. 3-19; Лунеев В.В. *Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ.* М.: Норма, 1997; Ведерникова О.Н. *Сравнительная криминология: от прошлого к будущему* // *Государство на рубеже веков: мат-лы Всерос. конф.* М.: Институт государства и права РАН, 2001. С. 16-20; Ведерникова О.Н. *Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель.* С. 5-6; Сморгун А.Л. *Критическое направление в англо-американской криминологии: дис. ... канд. юрид. наук.* СПб., 2004; Клейменов И.М. *Понятие и предмет сравнительной криминологии* // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 2010. № 3 (24). С. 191-196; Клейменов И.М. *Криминология в Великобритании и США* // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 2011. № 4 (29). С. 147-152; Клейменов И.М. *Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации.* С. 37 и др.; Шеслер А.В. *Отзыв о диссертации И.М. Клейменова «Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»* // *Всероссийский криминологический журнал.* 2016. Т. 10. № 4. С. 847-854; Квашис В.Е., Генрих Н.В. *Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии* // *Общество и право.* 2016. № 2 (56). С. 108-120; Клейменов И.М. *Криминологические школы: от прошлого к будущему* // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 2017. № 4 (53). С. 134-143; Кабанов П.А. *Современная криминология: структура, методика и тенденции развития: учебное пособие.* Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 43, 56; Гурина А.Л. *Англо-американская модель предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук.* Калининград, 2018. С. 25; Дудоров Т.Д., Тропкин А.А. *Сравнительная криминология и ее значение в условиях глобализации преступности* // *Глобус: экономика и юриспруденция.* 2019. №6 (36). С. 14-17; Мешко Г., Воронин В.Н. *Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении.* С. 702; Кобец П.Н. *Комплексное криминологическое исследование особенностей предупреждения преступности в современной Японии* // *Russian Journal of Economics and Law.* 2021. Т. 15. № 3. С. 556-572 и др.

судия и национальных уголовных политик и т.д.¹

О.Н. Ведерникова справедливо констатирует: «Обращение к опыту зарубежных государств способно существенно облегчить решение национальных проблем борьбы с преступностью, усилить противодействие криминогенным тенденциям регионального характера, улучшить взаимопонимание криминологов различных стран мира, необходимое для успешного осуществления международного сотрудничества и повышения эффективности воздействия на преступность в мировом масштабе»². Восприятие положительного зарубежного опыта и его адаптация к отечественным реалиям содействуют не только реализации наиболее эффективных мер противодействия преступности, но и недопущению повторения многих ошибок.

Н.В. Дородонова приходит к выводу, что зарубежный опыт в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних может способствовать совершенствованию системы профилактики безнадзорности и правонарушений в России, а также стимулировать дальнейшую разработку механизмов профилактики с учетом отечественных условий³.

Современные исследователи говорят о формировании и развитии мировой криминологии или криминоглобалистики⁴. По словам И.М. Клейменова, «мировая криминология (криминоглобалистика) закономерно является итогом и верши-

¹ См.: Мешко Г., Воронин В.Н. Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении. С. 695, 703.

² Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель. С. 20.

³ См.: Дородонова Н.В. Правовые и организационные основы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России и за рубежом: сравнительный аспект // Мониторинг правоприменения. 2020. №1 (34). С. 26.

⁴ См., например: Ведерникова О.Н. Сравнительная криминология: от прошлого к будущему // Государство и право на рубеже веков (материалы Всероссийской конференции). Криминология. Уголовное право. Судебное право. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. С. 16-20; Ведерникова О.Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С.82-91; Артемов Д.Ю. Стратегии противодействия незаконному обороту наркотиков // Российская юстиция. 2007. № 2. С. 62-63; Поклад В.И. О социальной функции криминологии и о кризисе глобализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 37; Лунеев В.В. Криминология учебник для академического бакалавриата М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 27.

ной сравнительных криминологических исследований»¹.

Правовой характер российской криминологии обуславливает взаимосвязи сравнительной криминологии и сравнительного правоведения². Так, О.Н. Ведерникова в качестве одного из критериев для группирования существующих криминологических систем, использует «правовой (принадлежность к правовой системе определенного типа)³. Однако, как обоснованно отмечает И.М. Клейменов, «за пределами сравнительного правоведения находятся многие криминологические вопросы, которые имеют отношение к криминологической обусловленности и даже защищенности права, к перерождению его в «антиправо»⁴.

В этой связи представляет интерес следующее мнение Г. Мешко и В.Н. Воронина: «Традиционное для России превосходство чисто юридического подхода над социолого-криминологическим не позволяет сегодня сказать, что сравнительная криминология — это часть современной российской криминологической науки. Конечно, исследователи проявляли интерес к частным вопросам изучения преступности в зарубежных странах, однако до стройной научной концепции сравнительной криминологии еще далеко»⁵.

В отечественной литературе преобладают работы, посвященные преимущественно сравнительно-правовому анализу зарубежного законодательства в сфере предупреждения преступности, в т. ч. и несовершеннолетних⁶. Однако «кримино-

¹ Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации. С. 13.

² См., например: Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации. С. 49 и др.; Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2018. С. 28 и др.

³ Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель. С. 29.

⁴ Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации. С. 54.

⁵ Мешко Г., Воронин В.Н. Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении. С. 702.

⁶ См., например: Саламатина И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2008; Садовникова М.Н. Зарубежный опыт ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Всероссийский криминологический журнал. 2009. № 4. С. 38-44; Беженцев А.А. Международные нормативно-правовые акты по вопросам предупреждения административных и иных правонарушений несовершеннолетних лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010.

логическое законодательство» является важным, но не единственным самостоятельным элементом криминологической системы, наряду с «криминологическим мировоззрением» и «криминологической практикой, на что обоснованно обращает внимание О.Н. Ведерникова¹.

Можно констатировать, что российские криминологи при изучении зарубежной криминологии значительно меньше внимания уделяют сравнительному исследованию (по терминологии О.Н. Ведерниковой) мировоззренческого (теоретического) компонента (системе взглядов, идей, представлений относительно криминогенного комплекса причин и условий преступности, основных направлений противодействия преступности), а также криминологической практики (практической организации и реализации системы мер по предупреждению преступности, а также криминологически значимым аспектам правоохранительной деятельности)². Названные два компонента криминологической системы в настоящее время нуждаются в неотложном и тщательном сравнительно-криминологическом исследовании.

Следует согласиться с мнением А.Л. Гуринской, которая отмечала: «Объектом сравнительных криминологических исследований были системы уголовной юстиции и наказания, отдельные виды преступного поведения. Вместе с тем, в науке отсутствуют работы, посвященные сравнительному анализу проблемы предупреждения преступности»³.

№ 4 (48). С. 40-47; Коленбет С.А. Социальная работа по профилактике делинквентности несовершеннолетних на Западе (на примере Великобритании) // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6 (22). С. 242-244; Дородонова Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 191-197; Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601-608; Дородонова Н.В. Правовые и организационные основы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России и за рубежом: сравнительный аспект // Мониторинг правоприменения. 2020. №1 (34). С. 22-26; Санташов А.Л., Скрипченко Н.Ю. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних: quo vadis?. М.: Юрлитинформ, 2022.

¹ См.: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель. С. 27 и др.

² См.: там же. С. 26-28.

³ Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 7.

В этой связи важное методологическое значение приобретает понятие криминологического предупреждения преступности Л.М. Прозументова и А.В. Шеслера. Указанные авторы включают в предмет криминологии в качестве самостоятельного элемента «криминологическое предупреждение преступности, осуществляемое в форме принуждения, не связанного с реализацией мер уголовно-правового характера, а также в форме защиты прав и законных интересов личности, оказания ей социальной и правовой помощи»¹. Тем самым Л.М. Прозументов и А.В. Шеслер, обращая специальное внимание на использование термина «предупреждение» в разных значениях, призывают четко разграничивать «криминологическое предупреждение» от иного предупреждения, в частности, входящего в предмет наук уголовного и уголовно-исполнительного права².

Ранее А.М. Яковлев обращал внимание на то, что в профилактической деятельности следует выделять правовую, организационную форму и ее социологическое, социально-психологическое содержание³. По словам А.М. Яковлева, «без раскрытия социологической, социально-психологической сущности самая совершенная форма профилактики остается лишь формой, лишенной содержания»⁴.

С учетом изложенного считаем, что в отечественной криминологии отмечается острый недостаток сравнительных криминологических исследований интенсивного преступного поведения несовершеннолетних и его предупреждения, прежде всего, по терминологии А.М. Яковлева, с точки зрения «социологического, социально-психологического содержания», преодолеть который стремится проведенное нами исследование.

Возможность решения указанных проблем напрямую связывается в современной зарубежной криминологии с признанием полипарадигмальности криминологической науки и теоретико-методологической интеграции ее различных

¹ Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 380.

² См.: там же. С. 378.

³ См.: Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения (социально-психологический аспект). Горький, Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. С. 5-6.

⁴ Там же.

теорий¹. Зарубежные интегративные теории крайне слабо представлены в отечественной криминологии². Признавая преступность в качестве сложного, многомерного явления, имеющего множество причин, интегративные теории стремятся объединить разнообразные биосоциальные, психологические, экономические и т.п. факторы в целостную структуру, чтобы преодолеть недостатки прежних теорий, подвергающихся обоснованной критике за редуционизм и придание только одной из причинных переменных значения основной. Одновременно с этим, активно развивается «парадигма жизненного пути»³. Под категорией «жизненный путь (life course)» чаще всего понимают распределенную во времени и упорядоченную последовательность событий или ролевых переходов на протяжении жизни человека⁴. Жизнь – это единый процесс, объединяющий личность и ее социальную траекторию в меняющемся обществе⁵. Поэтому преступность несовершеннолетних следует изучать не статично, а в контексте всего жизненного пути

¹ Pearson F.S., Weiner N.A. Toward an integration of criminological theories // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1985. Vol. 76. P. 116-150; Bernard T.J. A theoretical approach to integration // *Theoretical Integration in the study of deviance and crime: Problems and prospects* / ed. by S.F. Messner, M.D. Krohn, A.E. Liska. Albany, NY: SUNY Press, 1989. P. 137-160.; Bernard T.J., Snipes J.B. Theoretical integration in criminology // *Crime and Justice*. 1996. Vol. 20. P. 301-348; Barak G. Integrative theories // *Encyclopedia of crime and punishment* / ed. by D. Levinson. Thousand Oaks, Ca.: Sage Publications, 2002. P. 905-908; Farrington D. P. The integrated cognitive antisocial potential (ICAP) theory // ed. by D.P. Farrington. *Integrated developmental and life-course theories of offending*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2005. P. 73-91; Agnew R. *Toward a unified criminology*. NY: New York University Press, 2011.

² См.: Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2017. №1 (27). С. 6.

³ См., например: Osgood D.W. Making Sense of Crime and the Life Course // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2005. Vol. 602 (1). P. 196-211; Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII. № 3. С. 22-33; Бессчетнова О.В. Генезис концепции жизненного пути в отечественной и зарубежной науке // *Logos et Praxis*. 2016. № 4 (34). С. 71-80; Laub J.H., Sampson R.J. Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward-ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017 // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. 2019. Vol. 6. Iss. 2. P. 158-171; Mazerolle P., McGee T.R. Understanding Offending Across the Life-Course: Current Theories and Conceptions // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. 2020. Vol. 6. Iss. 2. P. 153-157;

⁴ Jackson P.B., Berkowitz A. The structure of life course: gender and racioethnic variation in the occurrence and sequencing of role transitions. In *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* // *Advances in Life Course Research*. 2005. Vol. 9. P. 56.

⁵ См.: Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. С. 22.

человека, несовершеннолетний возраст которого - лишь один этап его жизни, преходящий и скоротечный. Парадигма жизненного пути позволяет лучше понять, как появляется и развивается антиобщественное и преступное поведение человека, какие факторы риска и защитные факторы существуют в разном возрасте, какие жизненные события и каким образом влияют на возникновение, ход и прекращение преступной деятельности и т.п.

Особо следует отметить и уникальный зарубежный опыт проведения многочисленных лонгитюдных исследований¹, под которыми понимается метод изучения социально-демографических, психологических и т.п. внутрииндивидуальных и межиндивидуальных изменений, основанный на многократном измерении показателей изучаемых процессов в развитии (со временем) у одних и тех индивидов, начиная с малолетнего возраста².

В отечественной криминологии лонгитюдные исследования не получили широкого распространения, хотя имеются отдельные упоминания о «реальном эксперименте», «ретроспективном «квазиэксперименте»³ или «длящемся изучении личности»⁴. Ю.М. Антонян и Ю.Д. Блувштейн проводили сравнение данных о ранее судимых лицах в 1963 г. с их дальнейшим поведением на протяжении последующего десятилетия в 1964-1973 гг.⁵ Авторы «Курса советской криминологии» сообщали о результатах длящегося криминологического изучения личности бывших несовершеннолетних правонарушителей, достигших 22-29 лет⁶.

А.И. Долгова, имевшая опыт проведения в течение 20 лет криминологиче-

¹ Jolliffe D., Farrington D.P., Piquero A.R., Loeber R., Hill K.G. Systematic review of early risk factors for life-course-persistent, adolescence-limited, and late-onset offenders in prospective longitudinal studies // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. Vol. 33. P. 16.

² Ibid. P. 16.

³ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 48.

⁴ Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. Сборник научных трудов / редкол.: Долгова А.И. (Отв. ред.), Мурашова В.П., Серебрякова В.А. М., 1992.; Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // *Личность преступника и ее криминологическое изучение*. 2018. С. 13.

⁵ См.: Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974. С. 52 и сл.

⁶ См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 303.

ского изучения личности 143 человек¹, констатировала, что длящееся изучение личности стало сворачиваться в нашей стране после 80-х годов².

В 2020 г. Университет прокуратуры РФ сообщил о проведении длящегося (2020-2022 гг.) исследования криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника, однако в открытом доступе отсутствуют сведения о методике его проведения³.

Отсутствие в современной России широкомасштабных криминологических лонгитюдных (продольных) исследований препятствует получению всесторонних сведений о формировании и развитии криминальной карьеры несовершеннолетних; изменении разнообразных характеристик их личности и причин преступного поведения на различных этапах жизни, особенностях индивидуальных эффектов предупредительной деятельности во времени и т.д. Совершаемые несовершеннолетними преступления чаще всего рассматриваются статично и исследуются отечественными криминологами в качестве единичных, изолированных и не связанных друг с другом уголовно-правовых деяний, а динамика роста индивидуального количества совершенных несовершеннолетними преступлений не признается существенной характеристикой их преступного поведения (его интенсивности).

В свою очередь, проспективные лонгитюдные исследования, как основной способ изучения путей (траекторий) развития индивидуальных криминальных карьер одних и тех же преступников, позволили западным криминологам эмпирическим путем выявить и изучить в качестве самостоятельной группы тех несовершеннолетних преступников, которые отличаются большим количеством совершенных преступлений, т.е. интенсивным преступным поведением. Такие преступники, которых в работе мы называем несовершеннолетними интенсивными преступниками (НИПами), стали одним из приоритетных объектов криминологи-

¹ См.: Долгова А.И. Общая характеристика длящегося криминологического изучения личности и его результатов // Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 5-21.

² См.: Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение. 2018. С. 13.

³ См.: Криминологическое исследование по теме «Противодействие преступности несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agprf.org/news/2020/kriminologicheskoe-issledovanie-po-teme-protivodey/> (дата обращения: 03.07.2021).

ческого изучения и целенаправленного предупредительного воздействия.

Успешное разрешение проблем криминологического изучения преступности несовершеннолетних в России настоятельно требует комплексного применения традиционных и новых методологических инструментов, обеспечивающих рассмотрение этих проблем с разных точек зрения. В этих условиях важное значение приобретают критическое изучение и проверка (тестирование) используемых в современной зарубежной криминологии подходов, технологий и практик, используемых при исследовании преступности несовершеннолетних, которые могут выступать образцом системности изучения важнейших характеристик их преступного поведения¹, но о которых неизвестно или крайне мало известно российским криминологам. Речь, в частности, идет о так называемой «парадигме криминальной карьеры»; «криминологии развития и жизненного пути»; интегративной теории двойной таксономии Т. Моффитт и др.

Взвешенный пересмотр прежних методологических подходов отечественной криминологии, а также применение новых, в том числе заимствованных у зарубежной криминологии и адаптированных с учетом российских исторических, культурных и национальных особенностей, позволят российским криминологам получать современные достоверные знания о гетерогенной преступности несовершеннолетних в интересах повышения эффективности ее предупреждения.

1.2. Количество совершенных несовершеннолетними преступлений и его криминологическое значение

Преступность несовершеннолетних обладает количественными и качественными характеристиками, которые находятся в диалектическом взаимодействии, обусловленном действием закона перехода количественных изменений в качественные и обратно. Существенные характеристики преступности несовер-

¹ См.: Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию. С. 57; Судакова Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Том 11. № 4. С. 659.

шеннолетних должны быть своевременно выявлены, точно и полно описаны и объяснены. На необходимость широкого использования количественных методов при исследовании криминологических объектов отечественные криминологи обращали особое внимание¹, тогда как на практике их реальное применение было и продолжает оставаться ограниченным.

В зависимости от количества преступлений несовершеннолетние традиционно подразделяются на совершивших первое преступление; совершивших второе (повторное) преступление, а также многократно совершавших преступления. Между количеством преступлений и личностью преступника существуют устойчивые взаимосвязи². В отечественной криминологии распространены представления о том, что несовершеннолетние лица, совершающие очередное преступление, обладают повышенной общественной опасностью³; у них формируется и закрепляется чувство безнаказанности, которое в сочетании с приобретенным ранее преступным опытом, способно побуждать их к совершению новых и нередко более тяжких преступлений⁴; повторное совершение преступления свидетельствует о наличии у лица устойчивой антиобщественной направленности (ориентации,

¹ См., например: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 33; Мацкевич И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации // *Lex Russica (Русский закон)*. 2006. № 3. С. 540; Харламов В.С. Оптимизация расчетов в криминофамилистике // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. № 2 (33). С. 76-82; Мацкевич, И.М. Геометрия уголовного закона // *Lex russica (Русский закон)*. 2018. № 9. С. 9-22; Титаев К.Д., Скугаревский Д.А., Кнорре А.В., Кудрявцев В.Е., Шклярчук М.С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. Т. 9. № 1. С. 91-101; Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 3. С. 425.

² См.: Карпова Ю.С. Административная преюдиция в российском уголовном праве // *Перспективы науки*. 2017. № 5 (92). С. 59; Прохорова М.Л., Лупарев Е.Б., Горенко М.Г. Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra // *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 12 (77). С. 40-46.

³ См., например: Краев Д.Ю. Множественность преступлений: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 3.

⁴ См.: Сокол Ю.В. Чувство вины у несовершеннолетних, содержащихся в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // *Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции*. Электронный ресурс. 2019. С. 226-231; Сокол Ю.В. Проблема учета многократной преступности несовершеннолетних // *Общество и право*. 2021. № 1. С. 15-19.

установки)¹ и т.п.

По словам Н.Н. Коротких, «множественность - это не только несколько преступлений, но это еще и характеристика виновного»².

С.С. Овчинский отмечал: «В этом процессе количество нарушений не только меняет их квалификацию в связи с приобретением ими большей общественной опасности, но и приводит к серьезным качественным изменениям личности, которые в определенной ситуации могут детерминировать преступное поведение ... Такая связь – явление объективное, отражающее постепенность в развитии процесса формирования общественной опасности личности правонарушителя»³.

Л.Л. Кругликов подчеркивал, что такие обстоятельства, как систематичность, промысел, тождественность или однородность преступления, рецидив и т.д. характеризуют личность преступника и «свидетельствуют о появлении у субъекта посягательства преступной привычки, профессиональных навыков, избирательности поведения, нереагирования на принимаемые к нему меры уголовно-правового воздействия»⁴.

Ю.И. Бытко рассматривал «факт повторения преступления как характеристику личности человека»⁵, как обладание «специфическим признаком – повышенной общественной опасностью»⁶. Ю.И. Бытко также отмечал: «Не надо быть особо ученым, чтобы понять, что тот, кто совершает несколько преступлений, заслуживает особого внимания как лицо, доказавшее склонность к совершению преступлений. Это может быть или профессиональный преступник, для которого совершение преступлений является основным или дополнительным источником

¹ См.: Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 54.

² Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 3-4.

³ Лобзяков В.П., Овчинский С.С. Административно-правовые меры предупреждения преступности М.: Юрид. лит., 1978. С. 25.

⁴ Кругликов Л.Л. Профессиональные черты преступника и уголовный закон // Человек: преступление и наказание. 2013. №2. С. 53.

⁵ Бытко Ю.И. О некоторых тенденциях современной российской уголовной политики в отношении лиц, неоднократно совершающих преступления // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

средств существования, или лицо, привычное к систематическому нарушению установленных правил поведения»¹.

В отечественной криминологии понятие «количество совершенных преступлений» не стало предметом целенаправленного и всестороннего криминологического изучения. Одной из причин этого является обманчивая простота указанного понятия, маскирующая его сложность. Криминологи по-разному определяют содержание понятия «количество преступлений» и используют различные способы его подсчета, что нередко приводит к противоречивым результатам эмпирических исследований, существенно отличающимся не только друг от друга, но и от фактического (реального) количества совершенных лицом преступлений.

Количество является неотъемлемым атрибутом материального мира, позволяющим изучать, описывать и сравнивать различные объекты (их характеристики). Еще до нашей эры Пифагор отмечал важность количества для жизни человека². Аристотель признавал количество одной из важнейших (фундаментальных) философских категорий³. Гегель открыл закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, представив его в идеалистической форме⁴. Завершенную материалистическую интерпретацию указанному закону дали Ф. Энгельс, К. Маркс и В.И. Ленин.

Понятие меры характеризует количественные границы, в которых может существовать данное качество. Мера представляет собой диалектическое единство определенного качества и определенного количества. Достижение предела количественных изменений приводит к тому, что прежнее качество устраняется и создается новое, устанавливающее новое соотношение количества и качества и

¹ Бытко Ю.И. О некоторых тенденциях современной российской уголовной политики в отношении лиц, неоднократно совершающих преступления. С. 34.

² См.: Лазарева О.В. История осмысления категории количественности в философии языкознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 4. С. 12; Коваленок А.А. Становление принципа идеального единства мира в античной философии (пифагорейцы, Парменид, Платон, Плотин): дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 47.

³ См.: Аристотель. Метафизика. Соч. в 4-х томах, т. 1. М.: Мысль, 1975.

⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. III. Энциклопедия философских наук. Часть третья: Философия духа / пер. Б.А. Фохта. М.: Госполитиздат, 1956. С. 20-21.

т.д. Развитие происходит как переход количественных изменений в качественные в результате их накопления и достижения предела (границы) меры. Изложенное рассматривается в качестве философского обоснования взаимосвязей между количеством преступлений и личностью их исполнителя.

Количество традиционно является объектом многих дисциплинарных и междисциплинарных исследований, которые для наименования этой категории используют разнообразные слова: величина, число, количественность и т.д. Каждая из наук нуждается в точных и непротиворечивых средствах определения и выражения понятия количества в языке своей науки.

Количество преступлений является уголовно-правовой и криминологической категорией, однако содержание указанных понятий в этих науках, как и способы их операционализаций, несмотря общность названия, отличаются.

Важно отметить, что различные изменения в уголовном законе очень быстро отражаются на языке (дискурсе, коммуникативном поле) отечественной криминологии. Так, в 2003 г. из УК РФ была исключена ст. 16 «Неоднократность преступлений» и признак неоднократности был исключён из большинства составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Осуществленные законодателем изменения трансформировали уголовно-правовой смысл неоднократности¹. И хотя упоминание о неоднократности все же сохранилось в некоторых статьях уголовного кодекса, криминологи стали значительно реже использовать в своих работах понятия «неоднократное совершение преступлений» и/или «многократное совершение преступлений», заменив их выражением «повторное преступление». В этой связи исследователи обоснованно заявляют о необходимости «определенной коррекции границ предмета криминологии и выводе ее из-под безоговорочно ограничивающей опеки уголовного закона»².

Чаще всего российские криминологи используют различные уголовно-правовые конструкты количества преступлений. Это связано с тем, что многие

¹ См.: Кругликов Л.Л. Профессиональные черты преступника и уголовный закон. С. 52.

² Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 139.

криминологи «вышли из науки уголовного права и не сумели превратить криминологию из отрасли юридической науки в подлинную социологию преступности»¹. В литературе обоснованно отмечается, что использование в криминологических исследованиях «исключительно законодательных конструкций, дефиниций и уголовно-правовых понятий и категорий» часто приводит не только к резкому сужению рамок научного поиска, но и к «застойным» явлениям в этой области знания².

Криминологи, исследуя связи между преступлением как социальным явлением и преступлением как юридической абстракцией, пытаются соединить несколько подходов, в частности, социальный и правовой³. «Исследование преступления как юридической абстракции и исследование общественных отношений, являющихся высшей ступенью социологического подхода, - это подходы, имеющие один и тот же предмет изучения, но постигающие его с разной глубиной проникновения в сущность»⁴. При этом «социологический анализ, призванный определять место в борьбе с преступностью уголовно-правовых средств, должен предшествовать чисто юридическому анализу»⁵.

Криминологи стремятся разработать собственный терминологический аппарат, способный обеспечивать успешную реализацию криминологией своего предназначения как социально-правовой науки. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что наряду с уголовно-правовым понятием «преступление» криминологи активно используют понятие «преступное поведение».

Теоретической основой использования в работе понятия преступного поведения выступают положения отечественной криминологии, согласно которым «преступное поведение есть процесс, развертывающийся в пространстве и времени и включающий внешние объективированные действия, образующие состав

¹ Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991. С. 202.

² См.: Корсаков К.В. Концепты, категории и понятия современной науки о преступном поведении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 25.

³ См.: Мацкевич И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации. С. 526.

⁴ Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. С. 201.

⁵ Там же.

преступления, и предшествующие им психологические явления и процессы, которые детерминируют их совершение»¹. Достоинством указанного понятия является то, что преступное поведение рассматривается как динамический процесс взаимодействия внешней среды и преступника (его личности). Соответственно, личность преступника признается основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения².

Ю.М. Антонян обращает внимание на необходимость разграничения терминов «преступление» и «преступное поведение», выражающегося в том, что «оба термина подразумевают одно и то же явление социальной жизни. Разница между ними состоит лишь в том, что первый описывает и оценивает его с правовых, а второй – с криминологических, точнее криминологико-психологических позиций. Но речь всегда идет об одном и том же»³. Не случайно А.М. Яковлев определял криминологию как науку о противоправном поведении⁴. Понятие «преступное поведение» отражает криминологический подход к рассмотрению преступления. Хотя в диссертационной работе понятия преступления и преступного поведения применяются в качестве синонимов, тем не менее, уголовно-правовые и/или криминологические особенности (аспекты) их использования определяются контекстом работы.

В свою очередь, понятие «интенсивное преступное поведение» имеет особое коннотативное значение, поскольку отражает необходимость обязательного учета и измерения криминологами количества совершенных лицом преступлений, точное число которых является важной криминологической характеристикой меры (степени, силы, напряженности и т.п.) их преступного поведения (криминальной карьеры), а также акцентирует специальное внимание исследователей на существовании группы преступников, в том числе и несовершеннолетних, выделя-

¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 359.

² См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. С. 11.

³ Антонян Ю.М. Понятие преступного поведения / Криминологические проблемы преступного поведения. Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 3.

⁴ См.: Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения (социально-психологический аспект). С. 42.

ющихся большим индивидуальным количеством совершаемых преступлений. Вопрос о криминологическом значении и содержании понятия «несовершеннолетний интенсивный преступник» рассматривается в параграфе 2.1 работы.

Следует отметить, что слова «интенсивный» и «интенсивность» активно используются российскими учеными. Например, в медицине интенсивные показатели характеризуют частоту явления в среде, в которой оно происходит за определенный период времени¹. Криминологи также употребляют указанные слова для характеристики преступной деятельности. Например, А.И. Долгова, Г.И. Забрянский, О.В. Старков, Д.А. Шестаков и С.Я. Лебедев говорили об интенсивности преступности², В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев и А.В. Наумов – о степени интенсивности преступлений³, В.Д. Филимонов – об интенсивности преступления⁴, А.Н. Бабенко – об интенсивности преступности и коэффициентах интенсивности лиц, совершивших преступления⁵, В.О. Касимов – об интенсивности преступного поведения, интенсивности криминальной активности и интенсивной преступной деятельности⁶, В.И. Терехин и В.В. Чернышов – об интенсивности рецидивных преступлений⁷, Ю.М. Антонян, Н.В. Ольховик и Л.М. Прозументов – об интенсивности рецидива⁸ и т.д.

¹ См.: Относительные величины: учебно-методическое пособие / Под ред. В.С. Лучкевича. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2014. С. 8.

² См.: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 133, 134; Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография. М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2013. С. 56; Старков О.В. Криминопенология: Учебное пособие. М.: Экзамен, 2014. С. 22; Криминология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 64-70.

³ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Организованная преступность и коррупция в России (1997-1999) / РАН. ИНИОН и др. М., 2000. С. 144.

⁴ См.: Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 43.

⁵ См.: Бабенко А.Н. Криминологическая классификация регионов по уровню интенсивности преступности несовершеннолетних (украинский опыт исследования) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 14. С. 88.

⁶ См. Касимов В.О. Возраст преступника как криминологическая проблема. С. 38, 39, 60, 61, 150.

⁷ См.: Терехин В.И., Чернышов В.В. Статистический анализ и прогнозирование рецидивных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 18.

⁸ См.: Многократный рецидив преступлений. 2009. С. 33; Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидив преступлений в уголовном праве и криминологии // Деятельность правоохра-

Несмотря на то, что российские криминологи по-разному трактовали содержание указанных понятий¹, несложно заметить, что категория «интенсивность» в отечественной криминологии в той или иной мере связывается с категорией «количество» и его оценкой.

Гносеологическая сущность категории интенсивности как раз и проявляется в том, что она представляет собой синтез качественности, количественности и меры². Н.В. Карповская констатирует: «Называя объективную количественную определенность того или иного признака, интенсивность отражает разную (большую или меньшую) проявленность признака»³. И.И. Туранский также обращает внимание на то, что понятие «интенсивность» означает количество, степень, меру экспрессивности⁴. И.А. Бодуэн де Куртенэ указывает, что интенсивность является величиной, которую можно измерить количественно⁵. Ш. Балли связывает понятие «интенсивность» с количественным различием вне зависимости от того, идет

нительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. С. 65.

¹ См.: Фоменко О.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение устойчивого общественно опасного поведения несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 11; Гончарова М.В. Особенности современной криминальной ситуации, связанной с рецидивом корыстных преступлений // Вестник ВИ МВД России. 2013. №1. С. 102; Старков О.В. Криминология. С. 22; Терехин В.И., Чернышов В.В. Криминальный потенциал рецидивных преступлений: экономическое измерение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 124; Артемьев Н.С., Панкратов В.А. Прогнозирование индивидуального преступного поведения рецидивиста // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 51; Антонян Е.А. Личность рецидивиста: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 15; Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления. С. 43; Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидив преступлений в уголовном праве и криминологии. С. 65; Перемолотова Л.Ю. Специфические черты современной рецидивной преступности // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 20. С. 133.

² См.: Бельская Е.В. Проблема интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского ун-та. 2004. № 282. С. 202-210; Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб., 2005. С. 150-168; Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217.

³ Карповская Н.В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1 (61). С. 177.

⁴ См.: Туранский И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. С. 6-7.

⁵ См.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. М., 1963. С. 323.

ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях¹. По мнению В.Н. Егоровой, «в широком смысле слова под интенсивностью сегодня понимается количественное изменение признака»².

Важно отметить, что уголовно-правовые концепции понятия «количество преступлений» имеют более узкое содержание в отличие от его фактического понимания. В теории уголовного права были разработаны различные конструкции, связанные с количеством преступлений (совокупность, множественность, неоднократность, повторность, рецидив, систематичность, промысел и т.п.), которые получали противоречивое закрепление в уголовном законодательстве. Уже много десятилетий не утихают споры о содержании этих понятий и их соотношении³. Так, по мнению Ю. Мельникова и Н. Алиева, «задача понятия множественности преступлений состоит в том, чтобы подчеркнуть случаи совершения лицом двух, трех и более преступлений»⁴.

В.П. Малков, отмечая, что повторность и неоднократность по количественному признаку не различаются⁵, считает, что более широким является понятие повторности⁶. Неоднократность является одной из разновидностей повторной преступности, не связанной с предшествующим осуждением виновного⁷, а систематичность - частный случай неоднократности⁸. Чаще всего считают, что систематичность предполагает совершение деяния три раза и более, иногда – более трех раз⁹. Не вдаваясь в дискуссию о различных формах (видах) множественности

¹ См.: Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 202.

² Егорова В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 224.

³ См., например: Цыганков А.Ю., Грошев А.В. Актуальные предложения по решению проблемы рецидивной преступности в Российской Федерации // Актуальные вопросы политики и права. 2018. Т. 1. № 6 (22). С. 746; Пархоменко Д.А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 73.

⁴ Мельникова Ю., Алиев Н. Понятие множественности преступлений // Советская юстиция. 1981. № 12. С. 23-24.

⁵ См.: Малков В.П. Множественность преступления и ее формы по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 62.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: там же. С. 63.

⁹ См.: там же. С. 64.

преступлений, совершаемых несовершеннолетними, В.П. Малков предлагал исходить не из юридического критерия разграничения этих форм, а социального, т.е. фактического поведения лица при совершении двух или более преступлений¹.

И.И. Горелик полагает, что повторным является второе преступление, а неоднократным - совершенное в третий раз².

В свою очередь, Н.В. Ольховик и Л.М. Прозументов считают, что рецидив и повторность – тесно связанные, но самостоятельные понятия³.

В задачи исследования не входит всесторонний анализ понятия и содержания рецидива, трактовки которого отличаются большим разнообразием, на что еще в 1923 г. обращал внимание М.М. Гродзинский⁴. Отметим лишь, что в отечественной юридической литературе наряду с уголовно-правовым (легальным) рецидивом также выделяют фактический, криминологический, пенитенциарный и постпенитенциарный рецидивы, содержание и соотношение которых также являются крайне противоречивыми. Так, распространено понимание криминологического рецидива как совершение лицом повторного преступления⁵; любая повторная преступная деятельность, осуществляемая лицом, достигшим возраста уголовной ответственности⁶; «повторность совершения преступления»⁷, «совершение уголовно наказуемых деяний как лицами, к которым применялось уголовное наказание либо меры, его заменяющие (независимо от снятия или погашения су-

¹ См.: Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 183.

² См.: Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 128.

³ См.: Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 32.

⁴ См.: Гродзинский М.М. Рецидив и привычная преступность // Право и жизнь. 1923. Книга 5 и 6. С. 51.

⁵ См.: Рудый Н.К., Шильников И.А. Профилактика и детерминанты рецидивной преступности среди осужденных, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: региональный аспект // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 6. С. 31.

⁶ См.: Кобец П.Н., Власов Д.В. Предупреждение рецидивной преступности в России: Монография / Под ред. проф. С.М. Кочои. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С.7, 12-13.

⁷ Малков В.Д., Мацкевич И.М. Глава 19. Рецидивная и профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. С. 382.

димости за прежние преступления), так и лицами, к которым уголовно-правовые меры воздействия не применялись»¹ и т.д.

По мнению М.Н. Сипягиной, «криминологический (фактический) рецидив практически не изучен ни в теоретическом, ни в практическом ракурсе². «В целом следует отметить очень слабую изученность этой темы. В научной литературе криминологическому рецидиву уделяется крайне мало внимания. И, как правило, оно сводится только к определению термина криминологического рецидива, сформулированного еще во времена советской криминологии, и приводится при перечислении видов рецидива как нечто для практики не особо нужное и важное, но, тем не менее, зачем-то существующее»³.

Считаем недопустимым отождествлять понятия «криминологический рецидив» и «фактический рецидив»⁴. Понятие «фактический рецидив» включает все факты действительного (реального) совершения лицом преступлений независимо от того, известны ли они правоохранным органам или нет, а также имели ли с их стороны меры реагирования на эти преступления или нет. Различные криминологические концепты рецидива – это конструкции фактического рецидива, отображающие разнообразие существующих в литературе мнений относительно содержания используемого понятия, объем которого определяется включением или исключением из него отдельных разновидностей повторно совершаемых преступлений. Изложенное имеет важное значение, поскольку обращает внимание на различные варианты порядка исчисления и учета общего количества совершаемых несовершеннолетними преступлений. Чем уже понимается содержание понятия криминологического рецидива, тем меньшее количество фактически совершенных несовершеннолетним повторных преступлений учитывается при определении их общего количества.

¹ Малков В.Д., Мацкевич И.М. Глава 19. Рецидивная и профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология. С. 386.

² См.: Сипягина М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020. С. 5-6.

³ Там же. С. 73.

⁴ См., например: Писаревская Е.А. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее профилактика: монография. Казань: Бук, 2019. С. 58; Сипягина М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений и др.

Основополагающим для уголовных наук является уголовно-правовое понятие преступления, выработанное наукой уголовного права и закрепленное в уголовном законе. «Человек, совершивший преступление, объективно, независимо от свойств воли и знания об этом правоохранительных органов вступает с государством в уголовные правоотношения»¹. Совершение преступления является юридическим фактом, определяющим возникновение уголовно-правового отношения между его субъектами². Соответственно, уже в момент совершения общественно опасного, виновного деяния, признаваемого уголовным законом преступным, лицо становится преступником.

Однако не каждый факт совершения лицом преступления официально признается таковым компетентными государственными органами и влечет соответствующие правовые последствия. В частности, часть 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации закрепляет следующее положение: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»³.

К тому же не каждое преступление становится известным органам уголовной юстиции, не каждое из них раскрывается, поэтому количество фактически совершенных лицом преступлений, может отличаться от числа, ставшего известным компетентным органам, а также от числа преступлений, в совершении которых лицо было признано виновным приговором суда.

В результате этого правовое содержание понятия «лицо, совершившее преступление впервые» может не совпадать с его реальным состоянием. Д.А. Пархоменко обоснованно констатирует, что правовое понятие лица, впервые совершившего преступление, «имеют не бытовую, не фактическую, а юридическую

¹ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие: [для студентов, курсантов, магистров юридических вузов и факультетов]. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 99.

² См.: Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов/ под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 11.

³ Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 14.

окраску; ... акцентируется внимание не столько на количестве совершенных преступлений, сколько на сохранении или утрате уголовно-правовых последствий совершенных ранее преступлений»¹. Имеют место случаи, когда лицо, ранее совершавшее преступление, может юридически признаваться лицом, впервые совершившим преступление. Лицами, впервые совершившими преступления, признавались и те, кто ранее совершал преступления, но имел снятые или погашенные судимости, либо совершившие несколько преступлений, ни за одно из которых они не осуждались. Аннулирование судимости не делает факт совершения преступления, как события, несостоявшимся².

По верным словам М.Б. Костровой, содержание уголовно-правового термина «лицо, впервые совершившее преступление» позволяет признать впервые совершившим преступление, в том числе и человека, относимого криминологией к злостному типу преступника³.

Н.Н. Коротких обращает внимание на то, что «существуют ситуации, когда фактически повторное преступное поведение наличествует, в то время как юридически его нет»⁴.

Поскольку фактическое (реальное) совершение лицом преступления и его официальное (правовое) признание могут не совпадать, криминологические исследования многократной преступности несовершеннолетних должны учитывать все возможные факты совершения ими преступления, даже когда несовершеннолетний может юридически признаваться лицом, впервые совершившим преступление. Криминология должна исходить из существования двух реальностей мно-

¹ Пархоменко Д.А., Бычков А.В. Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 743.

² См.: Нечепуренко А.А., Бабурин В.В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 30. С. 74.

³ См.: Кострова М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление», в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex Russica. 2015. № 8 (Том CV). С. 78.

⁴ Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 3.

гократной преступности несовершеннолетних – фактической и юридически установленной - и тщательно их исследовать.

Будучи самостоятельной социально-правовой наукой, криминология не может ограничиваться использованием только уголовно-правовых конструкций, а должна разрабатывать собственный научный язык и научную терминологию, в том числе связанную с определением и операционализацией криминологического понятия «количество совершенных преступлений». В противном случае затрудняется реализация криминологией ее социальной функции.

В уголовном законе получили закрепление и такие категории, как «совершение двух или более преступлений» (ст. 17 «Совокупность преступлений» УК РФ), и «лицо два или более раз было осуждено» (ч. 2 ст. 18 «Рецидив преступлений» УК РФ). Отечественные криминологи активно используют конструкции «два и более раз», «три и более раз» и т.п. при проведении криминологических исследований, что не ориентирует их на установление точного количественного значения совершенных лицом преступлений. Тем самым затрудняется познание взаимосвязей между количеством преступлений и личностью преступника, определение степени его общественной опасности, выявление специализации или универсализации преступной деятельности и т.д.

При изучении многократной преступности несовершеннолетних фактическая преступность часто подменяется ее зарегистрированной частью; количество фактически совершенных преступлений – их различными уголовно-правовыми конструкциями; многократная преступность – кратностью судимостей и т.п., что угрожает получением неточных криминологических результатов. Необходимо совершенствовать методики изучения не только официально зарегистрированной преступности, но и фактической.

В современной зарубежной криминологии количество совершенных лицом преступлений рассматривается как одна из важнейших характеристик его индивидуальной криминальной карьеры. Будучи самостоятельным объектом криминологических исследований, количество преступлений четко разграничивается на

фактически совершенные преступления и «официальные преступления»¹. От выбора способа подсчета совершенных преступлений напрямую зависит и его количественное значение. Чаще всего подсчет количества преступлений осуществляется посредством учета обвинительных приговоров или полицейских арестов. Как справедливо отмечает Дж. Уолш, официальные источники данных о состоянии преступности должны дополняться другими источниками сведений (данными самоотчетов преступников, сведениями из исправительных учреждений и школ, продольными измерениями криминальных карьер, результатами интервью и т.д.), способными обеспечивать глубину, широту и особенности измерения преступности. Каждый из этих способов измерения имеет свои сильные и слабые стороны, но в целом они способны дать всеобъемлющее представление о преступности².

Залогом успешности познания многократной преступности несовершеннолетних является наличие о ней достоверной информации. Речь, в частности, идет о статистических показателях, отражающих количество преступлений и совершивших их несовершеннолетних лиц, которые представлены в общедоступной официальной статистике. К их числу в нашей стране относятся такие показатели, как «предварительно расследовано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии» и «выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления»³. Последний показатель отражает количество лиц, совершивших преступления в отчетном периоде, не достигших на момент совершения преступления совершеннолетия.

Показатель «выявлено лиц, ранее совершавших преступления» отражает количество лиц, ранее совершавших преступления, и совершивших преступление в течение отчетного периода⁴. Лицо считается ранее совершавшим преступление, если оно за ранее совершенное им преступление привлекалось к уголовной ответ-

¹ Erickson M.L. Delinquency in a Birth Cohort: A New Direction in Criminological Research // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1973. Vol. 64. Iss. 3. P. 363

² Walsh J.P. Measuring Delinquency // *The Encyclopedia of Juvenile Delinquency and Justice* / ed. by C.J. Schreck, M.J. Leiber, H.V. Miller and K. Welch. NY: Wiley, 2017. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118524275.ejdj0153> (дата обращения: 22.07.2021).

³ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ См.: там же.

ственности (уголовное дело направлялось в суд, либо прекращалось по нереабилитирующим основаниям)¹. Имеется и такой показатель как «ранее судимые несовершеннолетние».

В России остается высокой доля несовершеннолетних преступников, прежде имевших криминальный опыт: примерно каждый 4-й несовершеннолетний преступник ранее уже совершал преступление². Анализ динамики абсолютного числа несовершеннолетних лиц, ранее совершавших преступления в 2010-2021 гг., как и ранее судимых несовершеннолетних, характеризуется устойчивой тенденцией снижения значений показателей (на 48 % и 72 % соответственно). При этом динамика удельного веса несовершеннолетних лиц, ранее совершавших преступления, несмотря на волнообразный характер показателей, характеризуется ростом. Если принять значение удельного веса несовершеннолетних лиц, ранее совершавших преступления в 2010 г. в качестве базового уровня (100 %), тогда значение этого показателя в 2021 г. составляет 129,8 % от базового показателя³.

Существенным недостатком официальной уголовной статистики является то, что общедоступными в ней являются лишь указанные показатели повторной преступности несовершеннолетних без дифференциации данных по точному количеству совершенных преступлений. Российская статистика оперирует широкими категориями учета («лица, ранее совершавшие преступление»; «лица, ранее судимые»), а несовершеннолетние, совершившие три, четыре, пять, шесть и более преступлений, отдельно не учитываются, значения таких статистических показателей отсутствуют в свободном доступе.

¹ См.: Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/ (дата обращения: 22.05.2020).

² См.: Сокол Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы: монография. Краснодар, 2020. С. 106; Состояние преступности / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 19.05.2022).

³ См.: Сокол Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы. С. 106.

К тому же официальная статистика формирует сведения только за «отчетный период», т.е. за год. В распоряжении исследователей нет доступных агрегированных данных, отражающих сведения об индивидуальном количестве совершенных несовершеннолетними преступлений за два/три года или за весь период их несовершеннолетия. Например, несовершеннолетний З. совершил в 2016 г. 3 преступления, а в 2017 г. - 4¹, т.е. за два года - 7 преступлений.

Статистическая «картина», не отражающая точное индивидуальное количество совершенных несовершеннолетними преступлений, формирует неадекватный образ гомогенного (однородного) множества несовершеннолетних преступников, совершающих два/три и более преступлений, и скрывает существование в составе многократных несовершеннолетних преступников разных подгрупп, отличающихся индивидуальным количеством преступлений. Отсутствие развернутых, четко дифференцированных по количеству совершенных преступлений статистических данных о многократной преступности несовершеннолетних в России является одной из причин того, что ни ученые, ни практики «не видят» актуальности проблемы, связанной с необходимостью целенаправленного изучения группы несовершеннолетних преступников, отличающихся повышенным индивидуальным количеством преступлений, которых мы называем несовершеннолетними интенсивными преступниками (НИПами).

Фиксируя повышенную преступную активность части несовершеннолетних преступников, российские исследователи наряду с понятием «несовершеннолетний многократный преступник» также использовали следующие выражения: «несовершеннолетние лица, повторно совершившие преступление», «несовершеннолетние, систематически совершающие преступления»²; «несовершеннолет-

¹ Приговор Славянского городского суда Краснодарского края от 24.11.2017 г. (дело № 1-176/2017); приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 10.04.2018 г. (дело № 1-70/2018).

² В прокуратуре Камчатского края обсудили вопросы состояния преступности несовершеннолетних 14.06.2016 [Электронный ресурс]. URL <http://www.kamprok.ru/v-prokurature-kamchatskogo-kрая-obsudili-voprosy-sostoyaniya-prestupnosti-nesovershennoletnih/> (дата обращения: 15.05.2018).

ний преступник-рецидивист»¹, несовершеннолетний «преступник-рецидивист с выраженными психопатологическими чертами, склонный к продолжению преступной деятельности»²; несовершеннолетние преступники, совершающие преступления в результате антиобщественной ориентации или в соответствии с преступной установкой личности³; подростки с высокими показателями (высоким уровнем) делинквентного поведения⁴ и т.п. При этом не осуществлялся точный подсчет индивидуального количества совершенных ими преступлений.

При формировании таких типологий несовершеннолетних преступников, как «злостный», «особо злостный»; «опасный», «особо опасный», «профессиональный», «криминогенный», «последовательно-криминогенный» и т.п., имеющих преимущественно оценочно-интуитивный характер, как правило, не производился точный количественный подсчет совершенных ими преступлений.

Таким образом, ни в отечественной уголовной статистике, ни в криминологической науке не производилась четкая дифференциация несовершеннолетних по количеству совершенных преступлений, что препятствовало проведению целенаправленных исследований взаимосвязей между количеством преступлений и личностью преступника, что негативно сказывалось на эффективности профилактической деятельности.

В свою очередь, имеется зарубежный опыт статистического учета несовер-

¹ Новикова Ю.В. Влияние криминальной субкультуры на мотивацию несовершеннолетних преступников-рецидивистов // Санкт-Петербургский университет МВД России. 2009. № 1 (41) С. 90-95.

² Главатских Л.В. Реабилитация личности несовершеннолетних правонарушителей из семей, находящихся в социально опасном положении // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27-28 марта 2014 г.) / под общ. ред. А.В. Волкова, З.П. Замараевой. Пермь: ОТ и ДО, 2014. С. 30.

³ См., например: Ильяшенко А.Н. Типология лиц, совершивших насильственные преступления в семье // Российский следователь. 2003. № 3. С. 19-22; Криминология. Учебник для ВУЗов. / Под ред. В.Н. Бурлакова и Н.М. Кролачева. СПб.: Питер, 2003. С. 323-324; Потапов А.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника. М., Траст, 2007. С. 90-92 и др.

⁴ См.: Купченко В.Е., Ратанина О.В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 39.

шеннолетних преступников, выделяющихся большим индивидуальным количеством преступлений. С 1974 г. в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ) ведется статистический учет «несовершеннолетних интенсивных преступников (jugendliche Intensivtäter)», которыми признаются несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет включительно, дважды попавшие в течение отчетного года в поле зрения правоохранительных органов и совершившие не менее 5 преступлений¹. Полицейская статистика Кельна (ФРГ) дифференцирует общее индивидуальное количество совершенных несовершеннолетними преступлений вплоть до выделения такого показателя как «совершение более 49 преступлений»².

Кроме этого, с 1983 г. лица, совершившие несколько преступлений в течение календарного года, регистрируются только один раз. После перехода в 2009 г. на индивидуальный набор данных, немецкая полицейская статистика на федеральном уровне стала производить «реальный» подсчет преступников, занося в учеты только один раз сведения о тех лицах, которые совершали преступления в нескольких федеральных землях.

Доля молодых многократно подозреваемых в совершении преступлений в возрасте от 8 лет до 21 года, начиная с 90-х годов прошлого столетия, остается относительно стабильной и составляет от 5 % до 7 %³. Так, доля

¹ Bericht der Gemeinsamen Projektgruppe der UA FEK [Unterarbeitsgruppe Führung, Einsatz, Kriminalitätsbekämpfung], der AG Kripo und der Justiz zur «Intensivierung der Bekämpfung von Mehrfach- und Intensivtätern», Beschluss des Arbeitskreises II «Innere Sicherheit». Koblenz, 2003. S. 12; Bartz S. Die besondere polizeiliche Erfassung von "Intensivtätern". Berlin: mbv, Mensch- und Buch-Verl, 2008. S. 12.

² Jugendkriminalität 2021. Auswertebereicht für das Polizeipräsidium Köln. S. 12. URL: <https://polizei.nrw/sites/default/files/2022-02/Jugendkriminalita%CC%88tsbericht%202021.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

³ Junge Mehrfachtatverdächtige in NRW. Eine Auswertung der Polizeilichen Kriminalstatistik 1994-2003. Kriminalistisch-Kriminologische Forschungsstelle Forschungsberichte. Nr. 1. Düsseldorf, 2005; Naplava T. Junge Mehrfachtatverdächtige in der Polizeilichen Kriminalstatistik Nordrhein-Westfalen. Entwicklung und individueller Verlauf der Mehrfachauffälligkeit junger Tatverdächtiger // Bewährungshilfe. 2006. Jahrgang 53. Heft 3. S. 260-273; Boers K. Kontinuität und Abbruch persistenter Delinquenzverläufe // Jugendliche Mehrfach- und "Intensivtäter". Entwicklungen, Strategien, Konzepte / Hrsg. G. Bindel-Kögel, K.M. Karliczek. Münster: LIT, 2009. S. 41-86; Walsh M. Der Umgang mit jungen "Intensivtäter". Ein Review zu kriminalpräventiven Projekten in Deutschland unter Wirksamkeitsgesichtspunkten // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2017. Heft 1. S. 28-46; Walsh M. Der Einfluss von Intensivbewährungshilfe auf die kriminelle Karriere junger Mehrfach- und Intensivtäter in Bayern // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2019. Heft 3.

несовершеннолетних в возрасте до 21 года, совершивших 5 и более преступлений, в г. Кельне (ФРГ) составила в 2021 г. 4,7 % их возрастной группы; в 2020 г. – 4,3 %; в 2019 г. – 4,6 %; в 2018 г. – 5,6 %; в 2017 г. – 5,1 %¹.

Необходимо тщательно изучить, адаптировать и внедрить в российскую практику немецкий опыт самостоятельного статистического учета многократных и интенсивных несовершеннолетних преступников. Количество совершенных несовершеннолетними преступлений должно получить адекватное отражение в общедоступной отечественной статистике, а также обрабатываться с использованием современных математических и компьютерных методов.

Наличие в России несовершеннолетних преступников, совершающих большое количество преступлений, подтверждается результатами проведенного нами изучения следственно-судебной практики Краснодарского края. Так, несовершеннолетний М. совершил 15 преступлений²; Г. – 16 преступлений³; С. – 10 преступлений⁴; трижды судимый А. – 16 преступлений⁵; трижды судимый И. – 6 преступлений⁶; дважды судимый В. – 15 преступлений¹; дважды судимый Н. – 12 пре-

S. 241-246 и др.

¹ Jugendkriminalität 2021. Auswertebereicht für das Polizeipräsidium Köln. URL: <https://polizei.nrw/sites/default/files/2022-02/Jugendkriminalita%CC%88tsbericht%202021.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

² Приговор Центрального районного суда г. Сочи от 12.03.2020 г. (дело № 1-714/19); приговор Адлерского районного суда г. Сочи от 26.06.2019 г.; приговор Центрального районного суда г. Сочи от 12.02.2020 г. (дело №1-714/19).

³ Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 16.02.2016 г. (дело № 1-15/16).

⁴ См.: Постановление № 1/1 от 28 марта 2019 г. «О состоянии преступности среди несовершеннолетних по итогам 2018 года и мерах по ее предупреждению» Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации Краснодарского края. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-28-marta-2019-goda.php> (дата обращения 21.05.2021).

⁵ Приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 21.01.2014 г. (дело №1-7/2014,1-184/2013); приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 11.08.2015 г. (дело № 1-130/2015); приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 22.01.2016 г. (дело № 1-22/2016); приговор от 29 сентября 2016 г. мирового судьи (судебный участок № 228 г. Белореченска по делу № 1-40/2016); приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 11.05.2018 г. (дело № 1-105/2018); приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 02.02.2021 (дело № 1-79/2021); уголовное дело Тихорецкого городского суда Краснодарского края №1-5/2021 (1-71/2020).

⁶ Приговор Кушевского районного суда Краснодарского края от 06.12.2018 г. (дело № 1-271/2018); приговор Кушевского районного суда Краснодарского края от 30.05.2019 г. (дело № 1-85/2019); приговор Кушевского районного суда Краснодарского края от 04.02.2020 г. (дело

ступлений²; ранее несудимый Г. – 19 преступлений³; ранее несудимый Е. – 10 преступлений⁴; ранее несудимые З. и Ш. – 17 преступлений⁵ и т.д. При этом З., Ш. и Т., составляя 13 % от общего числа несовершеннолетних преступников Динского района Краснодарского края, в 2014 г. совершили 21 преступление или 48,8 % всех преступлений несовершеннолетних в этом районе.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что отдельные отечественные исследователи обращали внимание на существование группы несовершеннолетних преступников, отличавшихся совершением многочисленных преступлений и/или имевших многократные судимости. Так, Н.П. Добрынин в 1898 г. фиксировал преступную деятельность малолетних, «у которых она обращается в привычку»⁶. А.А. Жижиленко в 1900 г. говорил о несовершеннолетних рецидивистах, «по-видимому, еще новичков на жизненном пути, но уже зарекомендовавших себя не раз на преступном поприще»⁷, а также выделял в их составе «наиболее опасных индивидов»⁸. Е.Н. Тарновский отмечал в 1909 г.: «Рассмотрение этих выдающихся случаев многократного рецидива может составить предмет особой работы, с целью выяснить некоторые из условий развития профессиональной преступности»⁹. Д.Н. Радонежский в 1912 г. среди воспитанников исправительных приютов для малолетних преступников выделял «профессионалов» или

№ 1-21/2020).

¹ Приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 28.06.2017 г. (дело № 1-102/2017); приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 20.02.2018 г. (дело № 1-20/2018).

² Приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 28.06.2017 г. (дело № 1-102/2017); приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 20.02.2018 г. (дело № 1-20/2018); приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 20.02.2018 г. (дело № 1-20/2018).

³ Приговор Красноармейского суда Краснодарского края от 16.02.2016 г. (дело № 1-15/16 (1-339/2015)).

⁴ Приговор Красноармейского суда Краснодарского края от 16.02.2016 г. (дело № 1-15/16 (1-339/2015)).

⁵ Материалы уголовного дела № 14360345 СО ОМВД России по Динскому району.

⁶ Добрынин Н.П. О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1898. № 3. С. 139.

⁷ Жижиленко А.А. Меры к исправлению несовершеннолетних рецидивистов. Право, 1900. № 21. С. 1036.

⁸ Там же.

⁹ Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за повторение преступлений (1901-1905 гг.) // Журнал министерства юстиции. СПб., 1909. № 2 (Февраль). С. 67.

«привычных преступников»¹.

А.И. Зак приводил пример Р., мальчика 12 лет, который за два года (1908-1909 гг.) привлекался к судебной ответственности восемь раз, а всего имел до 50 судимостей². А. Емельянов говорил о малолетнем Р. в возрасте до 10 лет, который совершил не менее 500 краж³, а также о таких «опытных рецидивистах», как малолетние Ф. и К., имевших четырех и семикратную судимость⁴. По словам А. Емельянова, в «массе преступных детей» было много таких, которые неоднократно привлекались к ответственности⁵, «из которых 18,8 % привлекались по два раза, 3,2 % - по 3 раза и 1,5 % - четыре и более раз»⁶.

М.Н. Гернет отмечал в 1922 г., что среди 12-14-летних несовершеннолетних «более одной пятой части были наказаны не менее чем по два раза и даже по пяти и шести раз»⁷. В 1924 г. М.Н. Гернет вновь обращал внимание на то, что некоторые представители «современной юной преступности» имеют многократную судимость⁸.

В.И. Куфаев в 1923 г. на основе изучения 5500 индивидуальных статистических карточек детей, совершивших преступления в Москве и других городах РСФСР пришел к выводу, что «среди подростков от 14 и старше встречаются привлеченные даже до 15 раз. Всего было привлеченных по 2 раза – 264, по 3 раза – 130, по 4 раза – 61, по 5 раз – 32, от 6 до 10 раз – 35, свыше 10 раз – 17»⁹. В

¹ Радонежский Д.Н. Малолетние преступники Москвы. По данным Рукавишниковского приюта за 1902-1907 годы и Отделения малолетних городского работного дома и Дома трудолюбия за 1908-1909 годы. Ярославль: Типография губернского правления, 1912. С. 21-22

² См.: Зак А.И. Характеристика детской преступности // Дети-преступники. Сб. статей. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. С. 117.

³ См.: Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам Москвы // Дети-преступники. Сб. статей. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. С. 139.

⁴ См.: там же. С. 196.

⁵ Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам Москвы // Дети-преступники. Сб. статей. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. С. 190.

⁶ Там же. С. 193.

⁷ Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). Пособие для статистов и криминалистов. М.: 14-я государственная типография, 1922. С. 100-101.

⁸ См.: Гернет М. Предисловие // Преступный мир Москвы. Сборник статей. М.: Право и жизнь, 1924. С. XXXIX.

⁹ Куфаев В.И. Повторные правонарушения несовершеннолетних // Право и Жизнь. М., 1923. Книга 1. С. 37.

1924 г. В.И. Куфаев вновь отмечал несовершеннолетних преступников в возрасте 16-17 лет, «имеющих уже 4-7, 8 и более судебных приговоров»¹.

Б.С. Утевский в 1930 г. писал о юных правонарушителях, которые «неоднократно попадают в милицию, а главное - воруют изо дня в день, из года в год. Большинство из них фактически потеряли счет совершенным кражам»². По результатам проведенного им обследования воспитанников Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей, «воровали на воле: ежедневно – 33 %; 2-3 раза в неделю – 58 %; в разные промежутки – 9 %»³.

Современные исследователи также отмечают наличие несовершеннолетних преступников, выделяющихся большим количеством преступлений или судимостей. Так, С.В. Федяев выявил многократный рецидив несовершеннолетних у 66 % лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы⁴. Д.Р. Казакова отмечала, что 5,5 % несовершеннолетних женщин ранее осуждались 3 и более раз⁵. В.А. Лелеков и Е.В. Кошелева указывали, что «одно лицо зачастую совершает несколько преступлений»⁶ или «серию преступлений»⁷. По результатам проведенного ими опроса воспитанников Новооскольской и Бобровской воспитательных колоний, 18,2 % девушек и 25,3 % юношей совершили свыше десяти преступлений⁸.

Г.И. Забрянский приводил данные о том, что среди воспитанников воспитательных колоний 28,1 % имели две непогашенные и неснятые судимости, 12,3 % – три, 4,6 % – четыре, 0,2 % – пять и более судимостей⁹.

¹ Куфаев В.И. Рецидивисты (Повторно-обвиняемые) // Преступный мир Москвы. Сборник статей. М.: Право и жизнь, 1924. С. 109.

² Утевский Б.С. Возраст и грамотность рецидивистов // Современная преступность. Выпуск II. Социальный состав, профессии, возраст, грамотность. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1930. С. 80.

³ Там же.

⁴ См.: Федяев С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива насильственных преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С.74.

⁵ См.: Казакова Д.Р. Несовершеннолетние преступницы, лишённые свободы, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008 С. 10.

⁶ Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Ювенальная криминология: учебник. Воронеж: ВИ МВД России, 2012. С. 62.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Ювенальная криминология. С. 78.

⁹ См.: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 269.

По данным А.М. Евстигнеева, 40 % опрошенных несовершеннолетних женского пола, содержащихся в воспитательной колонии УФСИН РФ по Рязанской области, на вопрос «Сколько раз вы совершали преступления до момента осуждения?», ответили «3 и более раз»¹.

Е.В. Демидова-Петрова отмечала по результатам опроса 347 осужденных несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России в 72 субъектах страны, что 12 % опрошенных имели вторую судимость, 3 % – третью судимость, а 2 % – четвертую судимость².

А.Р. Филиппов выявил у 4 % несовершеннолетних преступников 3 и более судимости³, а Ю.Е. Пудовочкин – подростка, совершившего 10 преступлений⁴.

Таким образом, о существовании относительно небольшой по численности группе несовершеннолетних преступников, отличающихся совершением большого количества преступлений, отечественным ученым и практикам было известно давно вплоть до настоящего времени. Однако имеющиеся у них эмпирические данные не послужили основанием для их целенаправленного криминологического изучения в качестве самостоятельного объекта. Чаще всего к таким несовершеннолетним преступникам относились как к очень редким (случайным, нетипичным) случаям (проявлениям) многократного рецидива несовершеннолетних. Следует также признать, что, если многократному рецидиву взрослых уделялось специальное внимание отечественных исследователей⁵, то у многократного рецидива несовершеннолетних оно практически отсутствует.

Сложилась ситуация, хорошо описываемая фразеологизмом «за деревьями

¹ Евстигнеев А.М. Современное состояние и основные тенденции повторной преступности несовершеннолетних // Публичное и частное право. 2015. № 3 (27). С. 119.

² См.: Демидова-Петрова Е.В. Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках (часть первая) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1 (22). С. 8.

³ См.: Филиппов А.Р. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними членами смешанных организованных преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 159.

⁴ См.: Пудовочкин Ю.Е. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Уголовное право. 2021. № 3. С. 22.

⁵ Например: Многократный рецидив преступлений. 2009. С. 6.

леса не видно». Самые активные несовершеннолетние преступники не признавались отечественными криминологами в качестве обособленного объекта криминологического изучения, не имели специального наименования и не рассматривались в качестве самостоятельного криминологического типа. Отсутствие общедоступной и достоверной статистической информации о реальном объеме выборки этой относительно малочисленной группы несовершеннолетних интенсивных преступников способствовало формированию мнения о них, как о некоей статистической «погрешности измерения» в пределах рецидивной или многократной преступности несовершеннолетних, не требующей их самостоятельного выделения, учета и изучения.

В зарубежной литературе количественные значения распространенности (доли) этой группы преступников чаще всего варьируются в пределах от 5 % до 10% популяции несовершеннолетних соответствующей возрастной группы¹. Так, М. Вон, М. ДеЛиси, Т. Гюнтерб, К. Фу, К. Бивер, Б. Перрон и М. Ховард констатируют, что эмпирический вывод о том, что примерно 5% выборки (популяции) составляют патологические преступники, был настолько задокументирован, что стал почти аксиоматичным². По мнению названных исследователей, 5 % выборки на практике означает, что в среднем в каждом классе есть ребенок, который явля-

¹ Farrington D., Ohlin L., Wilson J.Q. *Understanding and Controlling Crime*. NY: Springer-Verlag, 1986; Hagell A., Newburn T. *Persistent Young Offenders*. London: Policy Studies Institute, 1994; Piquero A.R., Lawton B. Individual risk for crime is exacerbated in poor familial and neighborhood contexts: The contribution of low birth weight, family adversity, and neighborhood disadvantage to life course-persistent offending // *Advances in Life Course Research*. 2002. Vol. 7. P. 263-295; Blokland A.A.J. *Crime over the lifespan: Trajectories of criminal behaviour in Dutch offenders*. Netherlands Institute for the Study of Crime and Law Enforcement: Leiden University, 2005; Moffitt T.E. *Life-course persistent versus adolescent limited antisocial behaviour* / ed. by D. Cicchetti, D. Cohen // *Developmental psychotherapy*. 2nd ed. NY: Wiley, 2006. P. 570-598; Piquero A.R., Daigle L.E., Gibson C., Piquero N.L., Tibbetts S.G. Research note: Are life-course persistent offenders at risk for adverse health outcomes? // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2007. Vol. 44. P. 185-207; Piquero A.R., Farrington D.P., Blumstein A. *Key issues in criminal career research: New analysis of the Cambridge study in delinquent development*. NY: Cambridge University Press, 2007; Farrington D.P., Piquero A.R., Jennings W.G. *Offending from childhood to late middle age*. London: Springer, 2013; Nagin D.S. Group-based trajectory modeling: an overview // *Annals of nutrition and metabolism*. 2014. Vol. 65 (2-3). P. 206.

² Vaughn M.G., DeLisi M., Gunterbh T., Fu Q., Beaver K.M., Perron B.E., Howard M.O. The Severe 5%: A Latent Class Analysis of the Externalizing Behavior Spectrum in the United States // *Journal of criminal justice*. 2011. Vol. 39 (1). P. 75-80.

ется частью этой подгруппы¹. Важно подчеркнуть, что конкретные значения размера группы НИПов напрямую зависят от избранных критериев отнесения к ней соответствующих несовершеннолетних преступников.

В советский период отсутствие у исследователей интереса к изучению наиболее активных несовершеннолетних преступников имело идеологический характер. «Характерная для советского общества цензура, создавая многочисленные информационные барьеры, делала подчас невозможным серьезное исследование действительно проблемных сторон жизни советской молодежи»². В настоящее время действует «инерция» прежнего мышления.

Необходимо преодолевать имеющуюся в российской криминологии недооценку важности точного учета индивидуального количества совершенных несовершеннолетними преступлений. По нашему мнению, категория «количество преступлений» должна получить статус самостоятельной категории в отечественной криминологии, отличающейся от различных уголовно-правовых конструкций. Криминологическое значение индивидуального количества совершенных несовершеннолетними преступлений проявляется в том, что оно выступает в качестве признака (основания) группирования несовершеннолетних преступников, позволяя фиксировать неоднородность (гетерогенность) состава многократной преступности несовершеннолетних и наличие в ней «твердого ядра» в лице тех представителей, которые выделяются наибольшим количеством преступлений.

¹ Hawkins J.D., Catalano R.F., Brewer D.D. Preventing serious, violent, and chronic juvenile offending: Effective strategies from conception to age 6 // *A Sourcebook: Serious, Violent, and Chronic Juvenile Offenders* / ed. by J.C. Howell, B.A. Krisberg, J.D. Hawkins, J.J. Wilson. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 47-60; Howell J.C., Krisberg B., Jones M. Trends in juvenile crime and youth violence // *A Sourcebook: Serious, Violent, and Chronic Juvenile Offenders* / ed. by J.C. Howell, B.A. Krisberg, J.D. Hawkins, J.J. Wilson. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 1-35; DeLisi M., Piquero A.R. New frontiers in criminal careers research, 2001–2011: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. 2011. Vol. 39. P.289-301; Vaughn M.G., DeLisi M., Gunterbh T., Fu Q., Beaver K.M., Perron B.E., Howard M.O. The Severe 5%: A Latent Class Analysis of the Externalizing Behavior Spectrum in the United States. P. 79; Vaughn M.G., Christopher P. Salas-Wright, DeLisi M., Maynard B.R. Violence and externalizing behavior among youth in the United States: Is there a severe 5%? // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2014. Vol. 12 (1). P. 3-21.

² Ядова М.А. Молодежь перед вызовами современности: Актуальные проблемы социологических исследований. Предисловие. Молодежь перед вызовами XXI века: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. М.А. Ядова. М., 2018. С. 10.

Выяснение содержания взаимосвязей между индивидуальным количеством совершенных несовершеннолетними преступлений и особенностями их личности будет способствовать познанию и объяснению причинного механизма возникновения и развития их интенсивного преступного поведения, его прогнозированию, а также разработке специальных мер по его эффективному предупреждению.

1.3. Парадигма криминальной карьеры как количественная теория преступности

В 80-е годы прошлого столетия в зарубежной криминологии сформировалась «парадигма криминальной карьеры (criminal career paradigm)»¹, определившая направление дальнейшего развития этой науки в последующие десятилетия². М. ДеЛиси и А. Пикеро называли парадигму криминальной карьеры «главным исследовательским центром внимания в криминологии» и «глобальным научно-исследовательским предприятием»³. Доказав свою научную и практическую состоятельность, эта парадигма используется в настоящее время при проведении криминологических исследований в большинстве развитых стран⁴. Хотя у этой парадигмы были и противники, в частности, М. Готфредсон и Т. Хирши⁵.

Будучи количественной теорией преступности, парадигма криминальной карьеры позволяет исследователям производить тщательный количественный анализ индивидуальной преступной деятельности, устанавливать корреляты и причины преступной деятельности, модели и различные параметры криминальной карьеры, траектории ее развития, различные типологии преступников и т.п. К

¹ Criminal Careers and «Career Criminals». Vol. I. P. 12; Piquero A., Farrington D., Blumstein A. The Criminal Career Paradigm // Crime and Justice. 2003. Vol. 30. P. 359-506.

² Visher C.A. Unintended Consequences: Policy Implications of the NAS Report on Criminal Careers and Career Criminals // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2016. Vol. 53 (3). P. 306-320

³ DeLisi M., Piquero A. New frontiers in criminal careers research, 2000–2011: A state-of-the-art review // Journal of Criminal Justice, 2011. Vol. 39. Iss. 4. P. 289.

⁴ Ibid. P. 290.

⁵ Gottfredson M., Hirshi T. The true value of lambda would appear to be zero: an essay on career criminals, criminal careers, selective incapacitation, cohort studies, and related topics // Criminology. 1986. Vol. 24. P. 213-234.

сожалению, названная теория не получила распространения в нашей стране преимущественно по идеологическим причинам, хотя на русский язык переводились отдельные работы¹. Хотя в России отсутствуют серьезные разработки, посвященные изучению криминальной карьеры², положения зарубежной парадигмы криминальной карьеры не используются. Такую ситуацию необходимо изменить.

Слово «карьерера» в криминологии стали использовать еще в конце XIX-начале XX вв. для описания преступной деятельности лиц, которые активно, на постоянной основе занимались совершением преступлений и получали средства для своего существования. В частности, этот термин позволял отграничивать профессиональных или устойчивых преступников от тех, кто совершал преступления случайно или эпизодически. При этом понимание криминальной карьеры производилось по аналогии с понятием профессии вообще, с поведением человека в области трудовой (профессиональной) деятельности.

Слова «карьерера», «криминальная карьерера», «преступная карьерера» и т.п. активно применялись в работах дореволюционных, советских и постсоветских криминологов. Так, Я.Л. Берман говорил об «уголовной карьере»³, а Д.Н. Радонежский – о «воровской карьере» несовершеннолетних⁴, Л.М. Василевский – об «уголовной карьере в детстве»⁵ и о «тюремной карьере»⁶; П.И. Люблинский – о карьере преступника⁷.

С.В. Познышев указывал в 1926 г., что «как и всякая профессия, преступная

¹ Например: Фокс. В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1985; Криминология. Пер. с нем. / Шнайдер Г.Й.; Под ред.: Иванов Л.О. (Предисл.); Пер.: Неподаев Ю.А. М.: Прогресс-Универс, 1994; Кларк Р. Преступность в США. М.: Книжная находка, 2002; Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003; Сокол Ю.В. Парадигма криминальной карьеры в зарубежной криминологии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3. С. 48-52 и др.

² См.: Жмуров Д.В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 6. С. 146.

³ Берман Я.Л. Рецидив в детской преступности // Дети-преступники. Сб. ст. с предисл. и под ред. М.Н. Гернета. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. С. 325.

⁴ Радонежский Д.Н. Малолетние преступники Москвы. 1912. С. 23.

⁵ Василевский Л.М. Детская «преступность» и детский суд. Тверь: Октябрь, 1923. С. 44.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ См.: Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки). М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. С. 102.

профессия с течением времени налагает на человека определенный отпечаток, и по этому отпечатку взгляд опытного наблюдателя может догадаться о профессии его носителя, особенно если наблюдение производится в тюрьме»¹. Наряду с преступной профессией С.В. Познышев оперировал и термином преступной карьеры, связывая профессионального преступника с избранием им преступной карьеры².

В 1969 г. Н.Ф. Кузнецова отмечала, что в капиталистических странах профессиональный преступник занимается преступлениями как бизнесом³.

В современной отечественной литературе достаточно активно используются термины «преступная карьера» или «криминальная карьера»⁴, а также отмечается, что «криминальная карьера является одной из важнейших характеристик личности преступника»⁵.

За последние 40-50 лет в зарубежной криминологии первоначальное содержание понятия «криминальная карьера» существенно трансформировалось, сместившись от упрощенного его понимания по аналогии с профессией⁶ в сторону продольной (длящейся) последовательности совершения индивидами череды пре-

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 27-28.

² См.: там же. С. 117.

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 225.

⁴ Например: Шигина Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. С. 13; Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. 2003. С. 83-84, 373 и др.; Многократный рецидив преступлений. 2009. С. 20; Забрянский Г.И. Рецидивная преступность: взгляд сквозь призму криминологии несовершеннолетних // Рецидивная преступность и пути ее преодоления: материалы выездного заседания Региональной общественной организации "Союз криминалистов и криминологов" (Рязань, 15 апреля 2011 г.). Рязань: Акад. ФСИН России, 2011. С. 22; Харламов В.С., Смирнов Л.В. Личность постпенитенциарного рецидивиста // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 145, 146, 147; Милуков С.Ф. Существует ли особо опасный тип несовершеннолетнего преступника? // Преступность несовершеннолетних и её профилактика: материалы Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 мая 2020 года / под общ. ред. В.Ю. Сморгуновой, С.У. Дикаева. – СПб.: «Печатный Цех», 2021. С. 39.

⁵ Жмуров Д.В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры. С. 146.

⁶ См., например: Филиппова О.В. Криминологические аспекты профессиональной преступности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2016. № 01. С. 132-135; Репецкая А.Л. Характеристика трансформаций криминальных профессий постсоветского периода // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 56-60; Артемьев Н.С., Забелич А.А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 1. С. 32-37 и др.

ступлений, что позволило перейти к целенаправленному количественному изучению особенностей индивидуальной преступной деятельности.

Классическими в зарубежной криминологии признаются исследования криминальных карьер, проведенные К. Шоу, Э. Сатерлендом, супругами Ш. и Э. Глюк и др.¹. Одним из первых исследований криминальной карьеры было описание преступлений Клиффордом Шоу в «Джеке Роллере»².

Э. Сатерленд совместно с профессиональным преступником написал книгу «Профессиональный вор»³, описав в ней навыки, необходимые для преступника высокого уровня, зарабатывающего на жизнь преступлениями.

Ш. и Э. Глюк изучили и сравнили 500 несовершеннолетних недelinквентов с 500 несовершеннолетними делинквентами в целях выявления причин их преступного поведения⁴. Их работа «500 криминальных карьер» (1930)⁵ и последующее исследование «Раскрытие преступности несовершеннолетних» (1950)⁶, предоставили криминологам подробный источник сведений о корреляциях преступности делинквентов.

Ш. и Э. Глюк описывали каждого несовершеннолетнего с помощью 402 факторов, разделенных на пять основных групп: семейное и личное происхождение, типы телосложения, здоровье, интеллект, темперамент и структура характера. Использовались различные официальные и неофициальные данные, включая интервью с родителями, учителями, местной полицией, социальными работниками, опросы и тестирования несовершеннолетних и т.д.

Ученые изучили корреляты начала, продолжения и прекращения делинквентности; установили прочные отношения между возрастом и преступностью;

¹ Petras H., Nieuwbeerta P., Piquero A.R. Participation and frequency during criminal careers across the life span // *Criminology: An Interdisciplinary Journal*. 2010. Vol. 48. Iss. 248 (3). P. 607-637.

² Shaw C. *The Jack Roller: A Delinquent Boy's Own Story*. University of Chicago Press, 1930.

³ Conwell C. *The Professional Thief: by a Professional Thief / Annotated and Interpreted by Edwin H. Sutherland*. Chicago: University of Chicago Press, 1937.

⁴ Glueck S., Glueck E. *Unraveling juvenile delinquency*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950. P. 27.

⁵ Glueck S., Glueck E. *500 criminal careers*. New York: Knopf, 1930.

⁶ Glueck S., Glueck E. *Unraveling juvenile delinquency*.

зафиксировали, что ранний возраст начала делинквентности связан с продолжительностью криминальной карьеры; обнаружили, что многие несовершеннолетние продолжали участвовать в преступной деятельности во взрослом возрасте; нашли подтверждения того, что лучшим предсказателем будущего антисоциального (преступного) поведения является прошлое антисоциальное поведение; провели анализ влияния семейных отношений на делинквентность несовершеннолетних; создали общий портрет делинквента в сравнении с не-делинквентом, раскрывающий его разнообразные отличительные черты и т.д. Спустя десятилетия криминологи продолжают обращаться к эмпирическим данным, полученным Ш. и Э. Глюк, анализируя их с помощью современных методологических подходов, статистических и математических методов.

Статус классического в зарубежной криминологии приобрело исследование М. Вольфганга, Р. Фиглио и Т. Селлина, связанное с изучением делинквентности 9945 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 10 до 18 лет, которые родились в 1945 г. и проживали в Филадельфии¹. В ходе этого исследования были получены эмпирические данные о несовершеннолетних преступниках, выделяющихся повышенной криминальной активностью. Был эмпирически подтвержден криминологический вывод о том, что ранний возраст начала делинквентной деятельности подростка последовательно связан с их устойчивой и серьезной (тяжкой) преступностью в будущем. Полученные результаты вызвали огромный интерес у криминологов, стимулировали теоретические и методологические споры, а также проведение дальнейших эмпирических исследований. В 1990 г. П. Трейси, М. Фольфганг и Р. Фиглио опубликовали результаты второго эмпирического изучения несовершеннолетних, родившихся в Филадельфии в 1958 г.²

Хотя концепт «криминальная карьера» имеет внушительную историю, зарубежные криминологи признают, что именно идеи А. Блумштейна о необходимости специального изучения индивидуальных показателей преступности и об отли-

¹ Wolfgang M.E., Figlio R.M., Sellin T. Delinquency in a birth cohort. Chicago: University of Chicago Press. 1972.

² Tracy P.E., Wolfgang M.E., Figlio R.M. Delinquency careers in two birth cohorts. Plenum Press, 1990.

чии причин совершения преступления от причин интенсивности индивидуальной преступной деятельности заложили основы парадигмы криминальной карьеры и ее различных измерений¹. Основные положения парадигмы криминальной карьеры в наиболее полном и систематизированном виде были изложены в отчете «Криминальные карьеры и «карьерные преступники»², который получил оценку «эмпирического шедевра»³.

В отчете отмечалось, что криминальная карьера – это характеристика «лонгитюдной последовательности преступлений, совершенных индивидуальным преступником»⁴. Парадигма криминальной карьеры призвала исследователей изучать криминальную карьеру в качестве последовательности преступлений, представляющих собой секвенцию (цепочку) связанных действий, в отличие от учета преступлений как отдельных, изолированных событий⁵. Любой преступник, у которого был некоторый уровень активной преступной деятельности в течение определенного периода времени, мог быть подвергнут целенаправленному изучению с использованием парадигмы криминальной карьеры⁶.

В зарубежной криминологии предлагают различать криминальную карьеру («criminal career») и карьерного (профессионального) преступника («career criminal»). Если первое понятие делает акцент на активном периоде совершения лицом преступлений и связывает «криминальную карьеру» с продольной последовательностью поддающихся выявлению преступлений, то второе понятие обращает основное внимание на существование преступников, которые совершают

¹ Blumstein A. Analysis of Criminal Careers (From Punishment, Places and Perpetrators: Developments in Criminology and Criminal Justice Research, P 215-231, 2004, Gerben Bruinsma, Henk Elffers, et al., eds. -- See NCJ-206450) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/analysis-criminal-careers-punishment-places-and-perpetrators> (дата обращения: 12.06.2021).

² Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I.

³ Posick C., Rocque M. Great Debates in Criminology. New Yourk: Routledge, Taylor and Francis, 2019. P. 82.

⁴ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 12.

⁵ Albrecht H.-J., Kriminelle Karriere // Kleines kriminologisches Wörterbuch / G. Kaiser, H.J. Kerner, F. Sack., H. Schellhoss. 3. Auflage. Heidelberg, 1993. S. 302.

⁶ Blumstein A., Cohen J., Farrington D. Criminal career research: its value for criminology // Criminology. 1988. Vol. 26 (1). P. 2.

преступления с высокой частотой в течение длительного периода времени¹. Тем самым обосновывается наличие подлежащих изучению тесных взаимосвязей между количеством преступлений, из которых состоит криминальная карьера, и особенностями личности совершившего их преступника.

Следует признать, что, в отличие от категории криминальной карьеры, понятия профессионального преступника и профессиональной преступности в отечественной криминологии получили значительно больше внимания исследователей², хотя по-прежнему относятся к числу наиболее спорных и наименее изученных. Отечественные исследователи нередко игнорируют тесную связь криминальной карьеры, как последовательности (совокупности) преступлений, с профессиональными преступниками. Например, О.В. Филиппова считает, что «отдельная совокупность даже большого количества преступлений, не связанных между собой, не представляющих собой единой, целостной системы в виде деятельности, криминального профессионализма не образует (например, совершение одним человеком в течение месяца таких преступлений, как кража, убийство, изнасилование, сбыт наркотических средств, получение взятки, халатность, нарушение правил дорожного движения)»³. Подобная позиция преуменьшает значение криминальной карьеры как совокупности конкретных преступлений, но преувеличивает значение криминальной специализации профессионального преступни-

¹ Blumstein A., Cohen J., Farrington D. Criminal career research: its value for criminology. P. 2.

² См., например: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990; Шигина Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001; Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности: Учеб. пособие. М-во внутр. дел Рос. Федерации, Тюм. юрид. ин-т. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2004; Забелич А.А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юриди. наук. Рязань, 2013; Тулегенов В.В. Криминальный профессионализм и его выражение в местах лишения свободы (теоретические и методологические аспекты): монография / Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2013. С. 119-120; Репецкая А.Л. Криминальный профессионализм постсоветского периода: трансформация признаков и ее детерминация // Библиотека криминалиста. 2013. № 4 (9). С. 228-235; Крюкова Н.И. Профессиональная преступность: причины, условия и меры предупреждения // Российский следователь. 2014. № 15. С. 28-33; Репецкая А.Л. Характеристика трансформаций криминальных профессий постсоветского периода. С. 56-60 и др.

³ Филиппова О.В. Криминологические аспекты профессиональной преступности. С. 132.

ка. Тогда как специализация (или ее отсутствие) – это лишь одна из характеристик индивидуальной криминальной карьеры.

Зарубежная парадигма криминальной карьеры обнажила недостатки прежних исследований, которые сосредотачивались на обобщенных (совокупных) показателях преступности, а не на различных образцах индивидуальной преступной деятельности. Предлагается четко разделять совокупные показатели преступности на два основных компонента: 1) участие (распространенность), т.е. различие между теми, кто совершает и кто не совершает преступления, 2) частоту, т.е. уровень интенсивности активных преступников¹. При этом индивидуальная частота преступлений объявлялась фундаментальной особенностью криминальной карьеры², позволявшей разделять низко- и высоко-уровневых преступников³.

Было доказано, что обобщенная кривая, отражающая взаимосвязь между возрастом и преступностью, свидетельствует о снижении с возрастом участия (распространенности) людей в совершении преступлений, но не частоты совершения преступлений наиболее активной частью преступников. Если количество преступлений с возрастом у большинства людей снижается, то у некоторых (интенсивных преступников) – нет. Таким образом, общее снижение преступности может происходить как за счет уменьшения участия (распространенности) индивидов в совершении преступлений, так и вследствие снижения интенсивности их преступной деятельности. При этом численность наиболее активных преступников может оставаться примерно постоянной.

В свою очередь, ограниченные объяснительные возможности совокупных показателей преступности сильно преувеличиваются в российской криминологии. Так, Г.И. Забрянский отмечал важность такого детализированного показателя интенсивности лиц, совершивших преступления, как показатель криминогенной активности преступников, в числителе которого – количество преступлений, а в знаменателе – число лиц, их совершивших⁴. Возможен расчет показателя и в об-

¹ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 12.

² Ibid. P. 55.

³ Ibid. P. 76.

⁴ См.: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 74-75.

ратном соотношении: в числителе – число лиц, совершивших преступления, а в знаменателе – количество совершенных ими преступлений. По словам Г.И. Забрянского, в первом случае «показатель характеризует устойчивость, а в обратном соотношении – сплоченность преступной деятельности. Если пользоваться терминологией уголовного права, то первый показатель отражает множественность преступлений, а второй – распространенность групповой преступности»¹.

С этим мнением Г.И. Забрянского трудно согласиться, поскольку указанный им совокупный показатель зависит от влияния многих факторов, прежде всего, от группового характера преступности несовершеннолетних и различной индивидуальной частоты совершения преступлений. Требуются целенаправленные криминологические исследования различных образцов индивидуальной преступной деятельности российских несовершеннолетних с обязательным точным измерением частоты преступлений.

Необходимость четкого разграничения участия и частоты также обусловлена тем, что эти компоненты криминальной карьеры могут быть подвержены различным влияниям и иметь разные причинные комплексы. К тому же у различных государственных органов (уголовной юстиции, образования, социального обеспечения, здравоохранения и т.д.) имеются разные сферы ответственности в области контроля за преступностью. Так, сокращение участия связано с проведением социальной политики и стратегий предотвращения преступности, которые направлены на все население, тогда как сокращение частоты совершения преступлений требует специальных усилий, направленных на конкретное подмножество наиболее активных преступников².

В дополнение к указанным двум основным компонентам криминальной карьеры (участие и частота) выделяются и такие ее самостоятельные элементы, как возраст начала индивидуальной карьеры; ее продолжительность; возраст прекращения карьеры; тяжесть совершаемых преступлений и т.д. Целенаправленное ис-

¹ Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 75.

² Blumstein A., Cohen J., Farrington D. Criminal career research: its value for criminology. P. 7.

следование указанных элементов криминальной карьеры обеспечивает более высокую «разрешающую способность» в поиске факторов, оказывающих влияние на преступность несовершеннолетних, в сравнении с другими подходами, допускающими смешивание различных компонентов криминальной карьеры.

Многочисленные факторы, способные оказывать влияние на различные компоненты криминальной карьеры, имеют динамический характер, отличаются в разном возрасте и могут приводить к различным путям (траекториям) ее развития. Так, тот или иной фактор может объяснять начало карьеры, но не ее продолжительность или частоту и т.д. Всесторонние знания о каждом компоненте индивидуальной криминальной карьеры являются фундаментальными для понимания того, как различные факторы и государственная политика могут поощрять или сдерживать преступность¹.

У каждого активного преступника есть начальный возраст совершения первого преступления, фиксированная продолжительность криминальной карьеры, частота совершения преступлений и возраст ее прекращения. Необходим динамический подход к изучению индивидуальных криминальных карьер. «Преступников часто воспринимают как некую постоянную величину: «кто совершил преступление, тот навсегда становится преступником». Однако такое восприятие не отражает реалий жизненного пути. Преступность и преступная карьера - динамические величины: они начинаются, продолжаются, могут активизироваться или прекращаться»². Парадигма криминальной карьеры настаивает на тщательном изучении комплекса проблем, связанных с развитием и прекращением криминальной карьеры, в целях повышения эффективности противодействия интенсивному преступному поведению.

Индивидуальные криминальные карьеры существенно различаются у преступников. На одной стороне находятся преступники, карьеры которых состоят только из одного преступления, на другой стороне располагаются интенсивные

¹ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 12.

² Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых (на примере несовершеннолетних юношей 1958 года рождения города Филадельфия) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т 12. № 1. С. 117.

(профессиональные, привычные) преступники, которые совершают различные по тяжести преступления с высокой частотой в течение длительного периода времени. «Оба из этих крайних карьерных типов имеют политический интерес»¹. Если «средний преступник» совершает лишь несколько преступлений в год, то высокоактивные преступники – более 100 преступлений в год. «Этот вывод, очевидно, особенно важен при разработке политики по сокращению преступности, концентрируясь на преступниках с высоким уровнем преступлений или «профессиональных преступниках»². Для этого необходимо выявлять свойственные им причинные факторы и особенности проведения в отношении них государственной политики³. Так, преступники с высоким уровнем частоты совершения преступлений, чаще всего, являются приоритетными кандидатами на лишение свободы⁴, чем достигается существенное снижение количественных значений его индивидуальной частоты.

Измерение разнообразных параметров индивидуальной криминальной карьеры является трудной задачей, требующей использования широкого круга официальных и неофициальных источников информации. Так, Д. Фэррингтон пришел к выводу, что официальные сведения могут быть более точными для оценки участия (распространенности), времени начала карьеры, ее прекращения и продолжительности, но менее точными - для оценки частоты преступной деятельности⁵. При сравнении официальных данных и сведений, полученных по результатам опроса 808 несовершеннолетних преступников, частота индивидуальных преступлений несовершеннолетних увеличивалась с возрастом по их самоотчетам, но оставалась постоянной на основе официальных данных⁶.

¹ Posick C., Rocque M. *Great Debates in Criminology*. P. 82.

² *Criminal Careers and "Career Criminals"*. Vol. I. P. 4.

³ *Ibid.* P. 13-14.

⁴ Canela-Cacho J., Blumstein A., Cohen J. Relationship between the offending frequency (λ) of imprisoned and free offenders // *Criminology*. 1997. Vol. 35 (1). P. 133-171; Blumstein A. From Incapacitation to Criminal Careers // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2016. Vol. 53 (3). P. 291-305.

⁵ Farrington D. Criminal career research in the United Kingdom // *British Journal of Criminology*. 1992. Vol. 32. No. 4. P. 523.

⁶ Farrington D.P., Jolliffe D., Hawkins J.D., Catalano R.F., Hill K.G., Kosterman R. Comparing delinquency careers in court records and self-reports // *Criminology*. 2003. Vol. 41. P. 933-958.

Частота преступлений обозначается в зарубежной криминологии греческой буквой лямбда (λ)¹. Этот символ в 1973 г. предложили Б. Ави-Ицхак и Р. Шиннар². Чаще всего индивидуальная частота измеряется количеством преступлений, совершенных в течение года³. Нужно различать общее количество (сумму) совершенных индивидом преступлений за всю его криминальную карьеру и частоту преступлений в течение года или иного промежутка времени. Важно помнить, что частота преступлений характеризует количественную сторону преступности и может абстрагироваться от разнородности совершаемых преступлений. Так вычисляется частота всех совершенных индивидом преступлений. Наряду с этим можно производить и подсчет частоты совершения различных видов преступлений, например, по их тяжести.

При подсчете количественных значений частоты преступлений нужно учитывать то фактическое время, когда у преступника была возможность совершать преступления, т.е. когда он «был на улице»⁴. Так, несовершеннолетний Т., ранее трижды судимый, в период с 1 по 4 ноября 2014 г. совершил 4 преступления (2 угона, 1 грабеж и 1 кражу)⁵. Несовершеннолетние З. и Ш. в период с 9 февраля по 17 мая 2014 г. совершили 17 краж⁶. Несовершеннолетний С. в период с июня

¹ Например: Criminal Careers and "Career Criminals" / ed. by A. Blumstein, J. Cohen, J.A. Roth, C.A. Visher. Washington, DC: The National Academies Press, 1986. Vol. II. P. 12; Blumstein A. Analysis of Criminal Careers (From Punishment, Places and Perpetrators: Developments in Criminology and Criminal Justice Research, P 215-231, 2004, Gerben Bruinsma, Henk Elffers, et al., eds. -- See NCJ-206450) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/analysis-criminal-careers-punishment-places-and-perpetrators> (дата обращения 21.05.2021); MacLeod J.F., Grove P., Farrington D. Explaining Criminal Careers: Implications for Justice Policy. New York: Oxford University Press, 2012. P. Viii.; Blumstein A. From Incapacitation to Criminal Careers. P. 291-305.

² Avi-Itzhak B., Shinnar R. Quantitative models in crime control // Journal of Criminal Justice. 1973. Vol. 1. Iss. 3. P. 185-217.

³ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 4.

⁴ Horney J., Marshall I. Measuring lambda through self-reports // Criminology. 1991. Vol. 29. Iss. 3. P. 471-495; Piquero A., Brezina T. Testing Moffitt's account of adolescence-limited delinquency // Criminology. 2001. Vol. 39 (2). P. 353-371; Bushway S., Piquero A., Broidy L., Cauffman E., Mazerolle P. An empirical framework for studying desistance as a process // Criminology. 2001. Vol. 39 (2). P. 491-513.

⁵ См.: Материалы уголовного дела № 14360889 СО СУ СК России по Динскому району в Краснодарском крае за 2014 г.

⁶ См.: Материалы уголовного дела № 14360345 СО МВД России по Динскому району в Краснодарском крае за 2014 г.

2017 г. по май 2018 г. совершил 10 краж¹. Нахождение преступника под стражей (в местах лишения свободы)² существенно ограничивает его возможности для совершения преступлений. Средняя лямбда у преступников, отбывающих наказание, связанное с лишением свободы, выше, чем у преступников, находящихся на свободе. Это объясняется тем, что интенсивное преступное поведение повышает риск задержания (ареста) правоохранительными органами наиболее активных преступников. По самосообщениям заключенных в Калифорнии и Мичигане, до заключения в тюрьму активные грабители совершали в среднем 15-20 грабежей в год, а активные воры – 45-50 краж в год³.

Зарубежные исследования свидетельствуют об относительном постоянстве средней лямбды на индивидуальном уровне у тех преступников, которые остаются активными после достижения ими пика своей преступной деятельности⁴. Так, в ходе изучения выборки из 8834 мужчин, совершивших 26650 преступлений в возрасте от 8 до 17 лет, было установлено, что лямбда не связана с возрастом первого преступления, а средняя лямбда была удивительно постоянной на индивидуальном возрастном уровне⁵. Изложенное подтверждает вывод о том, что индивидуальные показатели частоты совершения преступлений у активных преступников сохраняют стабильность на протяжении всей их криминальной карьеры.

В настоящее время зарубежные криминологи проводят активные исследования в области криминальной карьеры, результаты которых неизвестны широкому кругу российских ученых. Игнорирование отечественными криминологами положений парадигмы криминальной карьеры и результатов ее эмпирических исследований приводит не только к тому, что они смешивают различные компонен-

¹ Постановление № 1/1 от 28 марта 2019 г. «О состоянии преступности среди несовершеннолетних по итогам 2018 года и мерах по ее предупреждению» Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации Краснодарского края. С. 12.

² Canela-Cacho J.A., Blumstein A., Cohen J. Relationship between the offending frequency (λ) of imprisoned and free offenders. P. 133-176.

³ Criminal Careers and «Career Criminals». Vol. I. P. 4.

⁴ Criminal Careers and «Career Criminals». Vol. I. P. 9; Loeber R., Snyder H.N. Rate of offending in juvenile careers: findings of constancy and change in lambda // Criminology. 1990. Vol. 28. P. 97-109.

⁵ Loeber R., Snyder H.N. Rate of offending in juvenile careers: findings of constancy and change in lambda. P. 97-109.

ты (элементы) криминальной карьеры, но и применяют весьма неопределенные концепты устойчивости преступной деятельности, ее активности, «злостности» и т.п., имеющие преимущественно субъективно-оценочный характер и не поддающиеся четкому количественному измерению.

Например, Г.И. Забрянский говорил об устойчивости преступного поведения несовершеннолетних¹, для раскрытия содержания которой он использовал данные о несовершеннолетних, ранее совершавших преступления. В частности, Г.И. Забрянский отмечал, что «самостоятельным показателем, характеризующим устойчивость преступного поведения, является абсолютное и относительное число осужденных, которые совершили два и более преступлений»². Г.И. Забрянский признавал судимость несовершеннолетнего «существенным фактором устойчивости преступного поведения несовершеннолетнего»³.

Проявляя осведомленность о зарубежной парадигме криминальной карьеры⁴, Г.И. Забрянский, тем не менее, не использовал эти знания для характеристики криминальной карьеры несовершеннолетних в России и сформулировал собственную концепцию трех типов криминальных карьер несовершеннолетних: 1) «краткосрочная карьера характерна для несовершеннолетних осужденных, имеющих две и более судимости, которые не сняты и не погашены в установленном законом порядке»⁵; 2) «о существовании среднесрочной карьеры свидетельствует присутствие среди несовершеннолетних осужденных юридически ранее не судимых, т.е. подростков, с которых судимость была снята или погашена в установленном законом порядке»⁶; 3) «долгосрочная криминальная карьера характеризуется вкладом ранее судимых несовершеннолетних во взрослый рецидив»⁷.

¹ См.: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 268.

² Забрянский Г.И. Преступность несовершеннолетних: направленность, сплоченность, устойчивость (взгляд сквозь призму статистики) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 4 (27). С. 72; Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 131.

³ Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 270.

⁴ См.: там же. С. 268.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 270.

Несложно заметить, что обоснование краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной карьеры несовершеннолетних Г.И. Забрянский формировал на основе категории «судимость», а не «продолжительность преступной карьеры», под которой в парадигме криминальной карьеры понимается период времени, в течение которого совершались преступления¹. Существование криминальной карьеры Г.И. Забрянский признавал только у несовершеннолетних осужденных (ранее судимых). По логике Г.И. Забрянского, если несовершеннолетний совершил ряд преступлений, за которые не был осужден и у него не было судимостей, то нельзя говорить о наличии у него криминальной карьеры. Такую трактовку криминальной карьеры следует признать узкой.

Г.И. Забрянский также делает вывод о том, что «наличие судимости в несовершеннолетнем возрасте является значимым фактором формирования преступной карьеры взрослого человека»². Указанная формулировка может трактоваться таким образом, что у человека может быть две криминальные карьеры: одна – в несовершеннолетнем возрасте, а другая – во взрослой жизни. Хотя криминальная карьера у человека всегда одна на протяжении всей его жизни, она начинается с совершения им первого преступления (независимо от возраста) и завершается с последним преступлением. Поэтому криминальная карьера может быть начата в несовершеннолетнем возрасте и продолжена во взрослой жизни.

Г.И. Забрянский выделял три стадии «процесса зарождения криминальной карьеры»³. Первую стадию он связывал с совершением подростками общественно опасных деяний до достижения ими возраста уголовной ответственности, вторую стадию – с совершением преступлений, за которыми не следовала уголовная ответственность, а третью стадию – с совершением преступлений, за которыми не следовало уголовное наказание⁴.

Фиксируя тесную связь между совершением общественно опасных деяний подростками, не достигшими возраста уголовной ответственности, с последую-

¹ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 1.

² Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних ... С. 270.

³ Там же.

⁴ См.: там же.

щим совершением ими преступлений, содержание «процесса зарождения криминальной карьеры» у Г.И. Забрянского нуждается в уточнении. Если подросток не достиг возраста уголовной ответственности, то нет и преступлений, соответственно, не может быть и криминальной карьеры. Тогда как совершение несовершеннолетним преступлений (независимо от того, последовала или нет уголовная ответственность либо уголовное наказание) – это и есть реальная криминальная карьера, а не «процесс ее зарождения».

С одной стороны, изложенные выше взгляды Г.И. Забрянского свидетельствуют об огромной важности, которую он придавал исследованию преступной карьеры несовершеннолетних. С другой стороны, нельзя не отметить его противоречивое понимание ее содержания, которое существенно отличалось от известных ему положений зарубежной парадигмы криминальной карьеры.

В отечественной криминологии доминирует упрощенное понимание криминальной карьеры по аналогии с профессией (трудовой деятельностью). Криминальная карьера часто ассоциируется с преступной иерархией, т.е. движением преступника по пути к получению статуса «вора в законе», «продвижением по ступеням криминальной иерархической лестницы»¹, занятием «авторитетного положения в обществе профессиональных преступников»² и т.п., что находит отражение в ст. 210.1. «Занятие высшего положения в преступной иерархии» УК РФ³.

Такой подход имеет право на существование, но он является продолжением традиции ранних исследований преступности, которые начинались с качественных наблюдений и почти исключали количественные исследования. Следуя этой традиции, отечественные криминологи применяют и такие понятия как «активность», «упорство», «злость», «устойчивость» и т.п. для описания преступного поведения, связанного с повторным и/или неоднократным совершением пре-

¹ Сухов А.Н. Криминальная карьера: дискуссионный аспект // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 15.

² Жмуров Д.В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры. С. 146-147.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 01.04.2019 № 46-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/ (дата обращения: 15.05.2022).

ступлений¹. При этом понимание индивидуальной криминальной карьеры, как последовательности совершенных преступлений, трактуется как узкое, тогда как «постоянство преступной деятельности», «константность криминального самосознания» и т.п. рассматриваются как характеристики широкого (сущностного) понимания криминальной карьеры².

Можно констатировать, что изучение преступной карьеры российскими криминологами реализуется преимущественно в рамках качественной стратегии, тогда как зарубежными исследователями – в рамках количественной стратегии. «Вопрос выбора той или иной стратегии исследования — это не просто решение о том, какие методы сбора и анализа данных будут применяться. Это вопрос построения логики исследования в целом»³. Если основным приемом работы с данными в рамках количественной стратегии является формализация (представление в числовом выражении), то в рамках качественной стратегии - интерпретация (выявление смысла)⁴. «В качественной методологии проявляется специфический способ познания - через понимание, т.е. установление связи между действиями субъекта и его намерениями, потребностями, ценностями, мотивами»⁵.

По нашему мнению, характеристики преступной карьеры, используемые российскими криминологами, хотя и направлены на выявление ее смысла (сущности), имеют преимущественно субъективно-интуитивный, оценочный характер;

¹ Например, Курс советской криминологии: Предупреждение преступности. М.: Юрид. лит., 1986. С. 243-244; Карпец И.П. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. С. 293; Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. 2003. С. 266; Фоменко О.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение устойчивого общественно опасного поведения несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004; Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 48; Дегтярева О.Л., Казаринова Л.В. Криминальная активность осужденных к альтернативным наказаниям и мерам уголовно-правового характера в структуре преступности Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1-4). № 3. С. 434-438 и др.

² Например: Жмуров Д.В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры. С. 146.

³ Методология и методы социологического исследования: учебник / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой; С-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 44.

⁴ См.: там же. С. 45.

⁵ Рахманова Ю.В. Методы социологического исследования: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 8-9.

существуют в форме текстов, страдающих лингвистической неопределенностью; напрямую не связаны с четкой дифференциацией индивидуального количества совершенных преступлений; требуют дополнительных (формализованных) критериев для отграничения от смежных понятий. В свою очередь, зарубежные криминологи (в дополнение к качественному подходу к изучению криминальной карьеры) стали активно использовать количественные методы исследования, которые получили статус предпочтительных методов анализа.

Зарубежные криминологи стремились избавиться от субъективной интерпретации наблюдений, исключить субъективизм и повысить объективность (беспристрастность) эмпирических данных, а также обеспечить их повторяемость, перепроверку, а также сравнение с другими результатами. В этих целях в рамках парадигмы криминальной карьеры и были разработаны простые, понятные и поддающиеся количественному измерению (числовому выражению) понятия. Полученная количественная информация представляла собой ценный эмпирический материал об элементах криминальной карьеры, отличавшийся большей объективностью, чем основанные на субъективной интерпретации качественные данные.

Названные подходы (стратегии) взаимосвязаны, их нельзя противопоставлять. Ценность для российских исследователей парадигмы криминальной карьеры, как количественной теории преступности, заключается в ее способности существенно расширить методолого-методический арсенал криминологического исследования интенсивного преступного поведения несовершеннолетних. Использование положений этой парадигмы при проведении исследований индивидуальных криминальных карьер несовершеннолетних в России позволит получать менее субъективные и поддающиеся количественному измерению и сравнению результаты, а также рассматривать и изучать НИПов в качестве одного из приоритетных объектов криминологического изучения и целенаправленного предупредительного воздействия.

Глава 2. Понятие и особенности личности несовершеннолетнего интенсивного преступника

2.1. Понятие несовершеннолетнего интенсивного преступника

В российской криминологии широко распространена позиция, согласно которой «успешное предупреждение преступлений возможно лишь только в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения»¹. Применительно к тематике нашего исследования – это личность несовершеннолетнего интенсивного преступника (НИПа).

Уделяя значительное внимание изучению рецидива несовершеннолетних преступников, российские криминологи, тем не менее, целенаправленно и систематически не изучали ту их часть, которая отличалась наибольшим количеством совершенных преступлений, и не рассматривали их в качестве самостоятельного типа несовершеннолетних преступников. В свою очередь, благодаря проведению лонгитюдных исследований развития индивидуальных криминальных карьер несовершеннолетних факт существования такой самостоятельной группы несовершеннолетних преступников является в зарубежной криминологии общепризнанным и эмпирически доказанным. К числу спорных относятся вопросы, связанные с их наименованием, а также с содержанием и операционализацией их понятия при проведении криминологических исследований².

Одним из первых эмпирических исследований, связанных с выявлением и изучением указанной группы несовершеннолетних преступников, было «Исследование преступности в когорте рождения», которое провели М. Вольфганг, Р. Фиглио и Т. Селлин³. Американские криминологи собрали разнообразную ин-

¹ Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. С. 11.

² Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Disentangling Operationalizations of Persistent Offending // Journal of Criminal Justice. 2017. Vol. 52. P. 22-33.

³ Wolfgang M.E., Figlio R.M., Sellin T. Delinquency in a birth cohort. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

формацию о 9945 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 10 до 18 лет, родившихся в 1945 г. и проживавших в Филадельфии, проследив за ними до 18-летнего возраста, с целью выяснения обстоятельств, которые привели их к совершению преступлений. В частности, была получена эмпирическая информация о распространенности преступлений среди несовершеннолетних, а также о количестве совершаемых ими преступлений. Так, приблизительно 35 % лиц, родившихся в одном и том же году, имели хотя бы один контакт с полицией в возрасте до 18 лет, а 46,4 % несовершеннолетних совершили только одно преступление. Пик преступности приходился на возраст 16 лет.

В зависимости от количества совершенных преступлений М. Вольфганг, Р. Фиглио и Т. Селлин подразделили всех несовершеннолетних преступников на следующие основные группы: 1) совершившие одно преступление; 2) совершившие 2-4 преступления; 3) совершившие 5 и более преступлений.

Выдающимся открытием проведенного исследования, получившим международное признание, стало выявление небольшой группы наиболее активных несовершеннолетних преступников, которых исследователи назвали «хроническими преступниками». Каждый из них (всего 627 человек, 6,3 % возрастной когорты или 18 % от общего числа несовершеннолетних преступников) совершил пять или более преступлений. Они были ответственны за совершение 52 % всех преступлений своей когорты и показали более высокие доли при совершении тяжких преступлений: 69 % нападений при отягчающих обстоятельствах, 71 % убийств, 73 % изнасилований и 82 % грабежей¹.

П. Трейси, М. Вольфганг и Р. Фиглио в стремлении расширить результаты прежних исследований вскоре обследовали вторую когорту детей (13160 мальчиков и 14000 девочек), родившихся в Филадельфии в 1958 г. В 1990 г. они опубликовали результаты своего ретроспективного изучения, сравнив криминальные карьеры несовершеннолетних 1958 года рождения с карьерой их предшественников

¹ Wolfgang M.E., Figlio R.M., Tracy P.E. The 1945 and 1958 Birth Cohorts: A comparison of the Prevalence, Incidence, and Severity of Delinquent Behavior. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, Center for Studies in Criminology and Criminal Law, 1982. P. 17.

1945 года рождения¹.

Хотя распространенность преступлений среди несовершеннолетних второй филадельфийской когорты в целом была аналогична показателям первого исследования, был обнаружен более высокий уровень хронических преступников во втором исследовании. Так, несовершеннолетние хронические преступники мужского пола представляли уже 7,5 % своей возрастной когорты или 23 % от общего несовершеннолетних преступников. Они также были ответственны за совершение 61 % всех преступлений, включая 61 % убийств, 76 % изнасилований, 73 % грабежей и 65 % нападений при отягчающих обстоятельствах².

Дж. Лауб назвал результаты исследования М. Вольфганга, Р. Фиглио и Т. Селлина «поворотным пунктом» в криминологии³. Эмпирическое подтверждение существования несовершеннолетних хронических преступников вызвало значительный интерес у зарубежных криминологов, актуализировало задачу целенаправленного изучения их индивидуальных криминальных карьер, способствовало разработке теорий, объясняющих и предсказывающих развитие их криминальных траекторий⁴. Исследователи также стали направлять свои усилия на раннее распознавание несовершеннолетних хронических преступников. Полученные результаты имели четкие уголовно-политические рекомендации: сосредоточьте внимание на хронических преступниках и преступность, особенно тяжкая, будет существенно сокращена⁵.

Таким образом, усилиями М. Вольфганга, Р. Фиглио и Т. Селлина в зарубежную криминологию был введен и стал активно использоваться как сам термин

¹ Tracy P.E., Wolfgang M.E., Figlio R.M. Delinquency careers in two birth cohorts.

² Wolfgang M.E., Figlio R.M., Tracy P.E. The 1945 and 1958 Birth Cohorts: A comparison of the Prevalence, Incidence, and Severity of Delinquent Behavior. P. 17, 19.

³ Laub J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology 2003 Presidential Address // Criminology. 2004. Vol. 42. P. 12.

⁴ Farrington D. Developmental and Life-Course Criminology: Key Theoretical and Empirical Issues - The Sutherland Award Address // Criminology. 2003. Vol. 41. P. 221-225; Laub J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology 2003 Presidential Address. P. 1-26; Block C.R., Blokland A.A.J., van der Werff C. van Os R., Nieuwebeerta P. Long-Term Patterns of Offending in Women // Feminist criminology. 2010. Vol. 5. Iss. 1. P. 73-107.

⁵ Laub J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology 2003 Presidential Address. P. 12.

«хронический несовершеннолетний преступник (chronic juvenile offender)», так и его содержание, которое раскрывалось посредством указания на совершение лицом пяти или более преступлений¹. Такое понятие хронического преступника признается классическим в зарубежной криминологии².

П. Каррингтон с коллегами также различал повторных и хронических преступников: повторные преступники имели два-четыре обвинительных приговора в своей преступной карьере, а хронические - пять и более³.

Д.М. Каркин и П.Е. Трейси сохранили прежнюю трактовку понятия хронического преступника, но изменили группировку несовершеннолетних. Если М. Вольфганг, Р. Фиглио и Т. Селлин включали в одну группу лиц, совершивших от двух до четырех преступлений, то Д.М. Каркин и П.Е. Трейси разделили эту категорию преступников, предложив следующую классификацию: 1) «ограниченные» преступники – совершившие одно или два преступления; 2) «частые» преступники – совершившие три или четыре преступления; 3) «хронические» преступники – совершившие пять или более преступлений⁴.

Необходимость указанного подразделения несовершеннолетних преступников Д.М. Каркин и П.Е. Трейси мотивировали неэффективностью мер воздействия на большинство несовершеннолетних преступников уже после совершения ими третьего преступления: «Чтобы снизить количество преступлений во взрослом возрасте, необходимо воздействовать на несовершеннолетних преступников до

¹ Wolfgang M.E., Thornberry T.P., Figlio R.M. From boy to man, from delinquency to crime. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987; Carrington P., Matarazzo A., de Souza P. Court Careers of a Canadian Birth Cohort. Ottawa: Statistics Canada, 2005. P. 17; Kennedy T.D., Edmonds W.A., Millen D.H., Detullio D. Chronic Juvenile Offenders: Exploring Risk Factor Models of Recidivism // Youth Violence and Juvenile Justice. 2019. Vol. 17 (2). P. 174-175.

² Hamparian D.M., Schuster R., Dinitz S., Conrad J. The violent few. Lexington, MA: Lexington Books, 1978; Shannon L.W. A Longitudinal Study of Delinquency and Crime. Quantitative Studies in Criminology. Papers presented at the 1977 meetings of the American Society of Criminology. Beverly Hills, CA: Sage, 1978; McGloin J., Stickle W. Influence or Convenience? Rethinking the Role of Peers for Chronic Offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2011. Vol. 48. P. 419-447.

³ Carrington P., Matarazzo A., de Souza P. Court Careers of a Canadian Birth Cohort. P.17.

⁴ См.: Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 121.

совершения ими третьего преступления»¹. В свою очередь, «совершение пятого преступления переводит преступника в категорию хронических преступников, для которых характерны совершенно иные показатели как в отношении рецидивизма несовершеннолетних, так и в отношении вероятности совершения преступных действий во взрослом возрасте»². Д.М. Каркин и П.Е. Трейси констатируют: «Все исследования на материале когорты 1958 года рождения подтверждают, что лица, совершившие пять или более преступлений, демонстрируют длительную и отягощенную криминальную карьеру в подростковом или взрослом возрасте или в обоих»³. Таким образом, совершение несовершеннолетним пяти и более преступлений чаще всего выступает в зарубежной криминологии в качестве основания для его отнесения в категорию хронических преступников и рассматривается в качестве надежного предсказателя продолжения им криминальной карьеры, в том числе и во взрослой жизни.

Следует отметить, что наряду с классическим определением хронического несовершеннолетнего преступника, как совершившего пять и более преступлений, в США распространены криминологические исследования, использующие и такой показатель, как совершение лицом четырех и более преступлений⁴. Так, в 1989-1990 гг. отдел пробации округа Ориндж (Калифорния, США) при содействии Калифорнийского бюро криминальной статистики провел два анализа развития преступной деятельности двух групп несовершеннолетних преступников: одной с 3304 несовершеннолетними, обвиненными в преступлениях в течение первых 6 месяцев 1985 года, а другой – с 3164 несовершеннолетними, обвиненными в совершении преступлений за первые 6 месяцев 1987 года⁵. Все несовершеннолетние преступники были разделены на две возрастные группы (от 15 лет и

¹ Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 124.

² Там же С. 118.

³ Там же. С. 121.

⁴ Frazer M., Norman M. Chronic juvenile delinquency and the "suppression effect": An exploratory study // Journal of Offender Counseling, Services, and Rehabilitation. 1988. Vol. 13. Iss. 1. P. 55-73.

⁵ Schumacher M.A., Kurz G.A. The 8% solution: Preventing serious, repeat juvenile crime. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 1999. P. 4.

младше, а также от 16 лет и старше) и наблюдались в течение 3 и 6 лет. Было установлено, что большинство несовершеннолетних (70 %) совершили только одно преступление за время 3-летнего периода наблюдения. 22% несовершеннолетних обвинялись за это же время еще в одном или двух преступлениях (с учетом первого преступления они совершили два или три преступления). Тогда как оставшиеся 8 % несовершеннолетних, имевших до начала наблюдения только одно преступление, неоднократно арестовывались в течение 3-х последующих лет за совершение новых преступлений. Каждый из них совершил, как минимум, по четыре преступления в течение трех лет. На эти 8 % несовершеннолетних пришлось 55 % всех совершенных несовершеннолетними преступлений¹. В ходе семилетнего наблюдения было также установлено, что, начав преступную деятельность в несовершеннолетнем возрасте, более половины из них продолжили криминальную карьеру во взрослом возрасте, попав в систему криминальной статистики в среднем восемь раз².

Исследователи пришли к выводу, что установленные ими 8 % несовершеннолетних существенно отличаются от несовершеннолетних, которые совершили одно преступление и больше не попадали в систему юстиции³. Такие несовершеннолетние имели сложный набор (систему) различных проблем (факторов риска), наличие которых намного повышало вероятность совершения ими дальнейших преступлений⁴.

Г. Снайдер установил, что из 151209 несовершеннолетних преступников 14,6% подвергались уголовному преследованию четыре и более раз⁵.

М. Багливио, К. Джаковски, М. Гринвальд и Дж. Хауэлл опубликовали в

¹ Schumacher M.A., Kurz G.A. The 8% solution: Preventing serious, repeat juvenile crime. P. 4.

² Ibid. P. 5.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Snyder H.N. Serious, violent and chronic juvenile offenders: An assessment of the extent of and trends in officially recognized serious criminal behavior in a delinquent population // Serious and violent juvenile offenders: risk factors and successful interventions / ed. by R. Loeber, D.P. Farrington. Thousand Oaks, CA: Sage, 1999 [Электронный доступ]. URL: <https://sk.sagepub.com/books/serious-and-violent-juvenile-offenders#f95> (дата обращения: 21.07.2021).

2014 г. результаты исследований выборки 222640 несовершеннолетних хронических преступников, к которым они относили подростков, совершивших четыре и более преступлений¹.

Как уже отмечалось, А. Блумштейн и его коллеги вместо термина «хронический преступник» использовали понятие «карьерного (профессионального) преступника (career criminal)», понимая под ним преступника, который совершил большое количество преступлений². Поэтому термины «карьерного» и «хронического» преступника стали использоваться как синонимы³.

Хотя понятие «хронический преступник» получило широкое распространение в англо-американской криминологической литературе, зарубежные исследователи отмечают изначально неудачный выбор слова «хронический» для определения лиц, совершающих большое количество преступлений. Такой вывод основан на том, что слово «хронический» в обычном и специальном употреблении, например, в медицинском, имеет темпоральное (временное) значение, которое может быть количественно определено отрезком (промежутком) времени⁴. Была предпринята попытка заменить слово «хронический» на «персистентный (устойчивый)», в результате чего указанные термины также стали использоваться как взаимозаменяемые. Вместе с тем, и слово «персистентность» также относится к темпоральным понятиям.

В настоящее время в англоязычной криминологии предпринимаются активные усилия, чтобы устранить смысловые противоречия при использовании слов «хронический» и «персистентный» преступник⁵. В частности, Т. Виттен,

¹ Baglivio M.T., Jackowski K., Greenwald M.A., Howell J.C. Serious, Violent, and Chronic Juvenile Offenders // *Criminology and Public Policy*. 2014. Vol. 13. Iss. 1. P. 90.

² Blumstein A., Cohen J., Farrington D. Criminal career research: its value for criminology. P. 1-2.

³ Hagell A., Newburn T. Persistent young offenders. London: Policy Studies Institute, 1994. P. 98; Bliesener T. Persistent juvenile offenders // *Antisocial behaviour and crime: contributions of developmental and evaluation research to prevention and intervention* / ed. by T. Bliesener T.A. Beelmann, M. Stemmler. Hogrefe Publishing, 2012. P. 53-68.

⁴ Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Disentangling operationalizations of persistent. P. 22-33.

⁵ Piquero A.R. Methodological issues in the study of persistence in offending // *The development of persistent criminality* / ed. by J. Savage. NY: Oxford University Press, 2009. P. 271-287; Jol-

Т. МакГи, Р. Хомель, Д. Фэррингтон и М. Ттофи предложили различать следующие относительно самостоятельные категории преступников: 1) преступников, совершающих много преступлений (хронические преступники); 2) преступников с самой продолжительной криминальной карьерой (персистентные преступники); 3) преступников, совмещающих длительную продолжительность криминальной карьеры с совершением большого количества преступлений (персистентно-хронические преступники)¹. Указанное предложение получает распространение и поддержку в криминологическом сообществе, поскольку стремится к однозначности в употреблении терминов и их четкой операционализации при проведении криминологических исследований.

В Германии для наименования несовершеннолетних преступников, отличающихся большим индивидуальным количеством преступлений, вместо слова «хронические» чаще всего используют слово «интенсивные». Первоначально термин «интенсивный преступник» нашел применение среди немецких полицейских, т.е. практических, а не научных работников. Заинтересовавшись результатами эмпирического исследования М. Вольфганга, Р. Фиглио и Т. Селлина (1972), немецкие полицейские отказались от использования термина «хронический преступник» из-за его неопределенности и заменили его словоупотреблением «интенсивный преступник». Немецкая полицейская статистика стала производить дифференциацию преступников по количеству совершенных ими преступлений, выделяя среди них лиц, которые в течение календарного года регистрировались в качестве неоднократно подозреваемых в совершении преступлений, а также многократных и интенсивных преступников².

liffe D., Farrington D.P., Piquero A.R., MacLeod J.F., van de Weijer S. Prevalence of life-course-persistent, adolescence-limited, and late-onset offenders in prospective longitudinal studies: A systematic review of prospective longitudinal studies // *Aggressive and Violent Behavior*. 2017. Vol. 33. P. 4-14; Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Disentangling operationalisations of persistent offending. P. 22-33; Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Comparing the criminal careers and childhood risk factors of persistent, chronic, and persistent–chronic offenders // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2019. Vol. 52 (2). P. 151-173.

¹ Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Comparing the criminal careers and childhood risk factors of persistent, chronic, and persistent–chronic offenders. P. 156-157.

² Kopp A. Die Genese des Begriffs „Intensivtäter“ in der kriminologischen Forschung // *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. 2012. Heft 3. S. 267; Backes U., Haase A.-M.,

По мнению немецкой полиции, выделение «интенсивных преступников» также способствовало развитию нового подхода в организации деятельности по раскрытию преступлений: наряду с «ориентированным на место преступления» расследованием развивалось и «ориентированное на преступника» расследование¹. Знание особенностей индивидуальной криминальной карьеры и личности несовершеннолетнего интенсивного преступника способствовало повышению раскрываемости совершенных им преступлений.

Получив широкое распространение в немецкой полицейской практике, термин «интенсивный преступник» лишь спустя некоторое время был воспринят немецкими академическими криминологами. Впервые в немецкой криминологической науке этот термин был использован Х.-Ю. Кернером в 1986 г.². Примечательно, что в переведенном в 1998 г. на русский язык словаре-справочнике по криминологии, составителем которого являлся Х.-Ю. Кернер, раскрывалось содержание немецкого понятия «Intensivtäter»³.

В настоящее время немецкие криминологи рассматривают несовершеннолетних интенсивных преступников (*jugendliche Intensivtäter*) в качестве самостоятельной криминологической группы (типа) несовершеннолетних преступников⁴. Составляя долю от 3 % до 10 % когорты, они совершают от

Logvinov M., Mletzko M., Stoye J. Rechts motivierte Mehrfach- und Intensivtäter in Sachsen. Berichte und Studien Nr. 69. 1. Auflage. Göttingen: V&R unipress, 2014. S. 44.

¹ Kriminalität in Berlin 2019. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2020. S. 144.

² Kerner H.-J. Mehrfachtäter, "Intensivtäter" und Rückfälligkeit. Eine Analyse der Strukturen neuerer kriminalistisch-kriminologischer Erhebungen // Rückfallkriminalität / Führerscheinenzug: Bericht über die 23. Tagung der Gesellschaft für die gesamte Kriminologie vom 10.-12. Oktober 1985 in Salzburg / Hrsg. H. Göppinger, R. Vossen. Stuttgart: Enke, 1986. S. 103-135.

³ См.: Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер. Перевод с немецкого. Отв. ред. перевода – А.И. Долгова. М.: Изд-во НОРМА, 1998. С. 275.

⁴ Daltge A., Levander S. Twelve thousand crimes by 75 boys: A 20-year follow-up study of childhood hyperactivity // Journal of Forensic Psychiatry and Psychology. 1998. Vol. 9. P. 39-57; Posiege P., Steinschulte-Leidig B. Intensivtäter. Eine Übersicht zu aktuellen Entwicklungen. Wiesbaden: ВКА, 1999; Hausam J., Seewald K., Mannert A.L., Dahle K.-P. Junge Intensivtäter als besondere Herausforderung für Jugendstrafvollzug und Sozialtherapie // Forensische Psychiatrie Psychologie Kriminologie. 2002. Nr. 14. S. 67, 70; Walter M. Mehrfach- und Intensivtäter: Kriminologische Tatsache oder Erfindung der Medien? // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2003. Jg. 14. S. 159-163; Schumann K. F. Delinquenz im Lebenslauf. Bremer Längsschnittstudie zum Übergang von der Schule in den Beruf bei ehemaligen Hauptschülern. Band 1. Weinheim, München: Juventa,

одной трети до двух третей всех зарегистрированных преступлений своей возрастной группы¹.

Как отмечают М. Хольтерхофф, Я. Браукманн, З. Мор и К. Реснишек, из 20 исследованных ими интенсивных преступников, каждый в среднем совершил по 82 преступления; 6 - более 100 преступлений; при этом 15 из них совершали не менее 20 преступлений в год².

В 2019 г. в Германии полицией было зарегистрировано 684 несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет, подозреваемых в совершении в течение года более 20 преступлений³.

Следует признать, что в Германии отсутствует единое и общепризнанное определение понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника, как и нет

2003; Schumann K.F. Delinquenz im Lebenslauf. Bremer Längsschnittstudie zum Übergang von der Schule in den Beruf bei ehemaligen Hauptschülern. Band 2. Weinheim, München: Juventa, 2003; Wolfgang H. Härtere Sanktionen im Jugendstrafrecht = weniger Jugend-kriminalität! Stimmt diese Gleichung? // AJS-Informationen. Fachzeitschrift der Aktion Jugendschutz. 2008. Nr. 2/44. S. 4-17; Steffen W. Junge Intensiv- und Mehrfachtäter - eine „neue“ Herausforderung? Überblick über kriminologische Befunde zu intensiv und dauerhaft auffälligen jungen Menschen // Das Jugendkriminalrecht vor neuen Herausforderungen? Jenaer Symposium 9.-11. September 2008 veranstaltet vom Bundesministerium der Justiz gemeinsam mit der Friedrich-Schiller-Universität Jena Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie. 1. Auflage, Juli 2009. S. 90; Block T, Brettfeld K, Wetzels P. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter in Hamburg. Neue Wege zur Beschreibung eines alten Problems // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2009. Heft 2. S.129-140; Walsh M. Intensive Bewährungshilfe und junge Intensivtäter: eine empirische Analyse des Einflusses von Intensivbewährungshilfe auf die kriminelle Karriere junger Mehrfachauffälliger in Bayern // Schriftenreihe des Max-Planck-Instituts für ausländisches und internationales Strafrecht : Kriminologische Forschungsberichte. Berlin: Duncker und Humblot, 2018. Band 181. S. 14; и др.

¹ Göppinger H. Die Tübinger Jungtäter-Vergleichsuntersuchung. - Ansatz, Ergebnisse und Folgerungen für weitere kriminologische Forschungen // Kriminologisches Bulletin. 1977. Nr. 3. S. 2-9; Wolfgang S., Thomas J. Kriminalität im Lebenslauf: eine Reanalyse der Tübinger-Jungtäter-Vergleichsuntersuchung (TJVU). Tübingen: Inst. für Kriminologie der Univ. Tübingen, 2005; Bliesener T., Glaubitz C., Hausmann B., Klatt T., Riesner L. Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen" – Abschlussbericht der Wirkungsevaluation. Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Januar 2015 [Электронный доступ]. URL: https://kfn.de/wp-content/uploads/downloads/Abschlussbericht%20Wirkungsevaluation_240215.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

² Hölterhoff M., Braukmann J., Mohr S., Resnischek C. Abschlussbericht - Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". 2016 [Электронный доступ]. URL: https://polizei.nrw/sites/default/files/2017-09/2016-05-20%20KNA%20Kurve%20kriegen_Endbericht.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

³ PKS 2019 Bund - Tatverdächtige insgesamt [Электронный доступ] URL: <https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2019/PKSTabellen/BundTV/bundTV.html?nn=131006> (дата обращения: 22.07.2021).

его уголовно-правового понятия¹. Немецкие полицейские в их повседневной практической деятельности используют так называемые «рабочие определения» интенсивных преступников, которые могут отличаться от различных научных определений, формируемых учеными. Однако отсутствие унифицированного определения НИПа не всегда оценивается отрицательно, поскольку позволяет органам полиции учитывать специфические для каждой федеральной земли ФРГ особенности и ресурсы (плотность населения, поло-возрастной состав, преобладание городской/сельской местности, состояние преступности, имеющиеся в наличии организационные, персональные и другие ресурсы полиции и т.д.), а также принимать во внимание размер ущерба, который причиняется местному сообществу такими несовершеннолетними².

Так, в Берлине к несовершеннолетним интенсивным преступникам относили тех, кто в течение одного года совершил минимум 10 преступлений и в отношении которых существовала опасность укрепления криминальной карьеры³; в Бремене – совершивших в течение года не менее 5 насильственных преступлений или преступлений против собственности, привычно или

¹ Walsh M. Der Umgang mit jungen „Intensivtätern“. Ein Review zu kriminalpräventiven Projekten in Deutschland unter Wirksamkeitsgesichtspunkten // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2017. Jahrgang 28. Heft 1. S. 26.; Сокол Ю.В. Понятие несовершеннолетних интенсивных преступников в Германии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 132-135; Walsh M. Intensive Bewährungshilfe und junge Intensivtäter : eine empirische Analyse des Einflusses von Intensivbewährungshilfe auf die kriminelle Karriere junger Mehrfachauffälliger in Bayern // Schriftenreihe des Max-Planck-Instituts für ausländisches und internationales Strafrecht : Kriminologische Forschungsberichte. Berlin: Duncker und Humblot, 2018. Band 181. S. 17; Sokol Y. Kriminalitätsprävention jugendlicher Intensivtäter // [Элек-тронный ресурс]. URL: https://krimg19.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/k_krimg19/Paneluebersicht_mit_Abstracts_Stand_4.9._2019_endgueltig-1.pdf (дата обращения: 21.06.2021); Sokol Y. Kriminalitätsprävention bei jugendlichen Intensivtätern // "Sag, wie hast du's mit der Kriminologie?" – Die Kriminologie im Gespräch mit ihren Nachbardisziplinen. Neue Kriminologische Schriftenreihe der Kriminologischen Gesellschaft e.V. / Hrsg. C. Grafl, M. Stempkowski, K. Beclin, I. Haider. Band 118. Mönchengladbach: Forum Verlag Godesberg. 2020. S. 625-641; Сокол Ю.В. О содержании понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3 (98). С. 108-114 и др.

² Polizeiliche Kriminalstatistik 2008. Kriminalität in Berlin. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2009.; Block T., Brettfeld K., Wetzels P. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter in Hamburg. Neue Wege zur Beschreibung eines alten Problems // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2009. Heft 2. S. 129-140; Schwind J.-V. Intensivtäter und Intensivtäterprogramme der Polizei – bezogen auf Gewalttätigkeiten junger männlicher Rechtsbrecher. Unveröffentlichte Masterarbeit. Bochum, 2012.

³ Polizeiliche Kriminalstatistik 2008. Kriminalität in Berlin. Berlin. S. 16, 113.

профессионально совершающих преступления, а также имеющих негативный прогноз совершения дальнейших преступлений¹. Например, в Берлине в 2020 г. было выявлено 82 НИПа (в 2019 г. – 73; в 2018 г. - 87; в 2017 г. - 84; в 2016 г. - 83; в 2015 г. – 95, в 2014 г. - 130; в 2013 г. - 141)².

Хотя в России не рассматриваются в качестве самостоятельной криминологической группы несовершеннолетние, выделяющиеся большим индивидуальным количеством преступлений, тем не менее, не отрицается их существование. Соответственно, такие несовершеннолетние преступники должны не только подлежать изучению в России, но и нуждаются в самостоятельном наименовании.

Учитывая наличие в зарубежной криминологии множества терминов, обозначающих группу несовершеннолетних, совершающих большое количество преступлений в несовершеннолетнем возрасте (хронические, персистентные, интенсивные, устойчивые, активные, высоко-частотные, привычные, рецидивирующие, профессиональные, карьерные, устойчивые на протяжении жизни, криминальные психопаты, «хищники» и т.д.), мы пришли к выводу о целесообразности использования в отечественной криминологии термина «несовершеннолетние интенсивные преступники (НИПы)», как это принято в немецкоязычной криминологии³, по следующим соображениям.

Учитывая, что слово «интенсивный» тесно связано с количественной харак-

¹ Schwind J.-V. Intensivtäter und Intensivtäterprogramme der Polizei – bezogen auf Gewalttätigkeiten junger männlicher Rechtsbrecher. Unveröffentlichte Masterarbeit. Bochum, 2012.

² Kriminalität in Berlin 2020. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2021. S. 146; Kriminalität in Berlin 2019. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2020. S. 146; Kriminalität in Berlin 2018. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2019. S. 149; Kriminalität in Berlin 2017. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2018. S. 147; Kriminalität in Berlin 2016. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2017. S. 144; Kriminalität in Berlin 2015. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2016. S. 142; Kriminalität in Berlin 2014. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2015. S. 135; Kriminalität in Berlin 2013. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2014. S. 141.

³ Например: Bliesener T., Riesner L. Evaluation der polizeilichen Kriminalprävention bei Mehrfach- und Intensivtätern in NRW // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2012. Nr. 6. S. 111-118.

теристикой какого-либо признака, считаем, что термин «несовершеннолетний интенсивный преступник» позволяет достаточно четко обозначать (именовать) тех несовершеннолетних преступников, которые отличаются большим индивидуальным количеством совершенных преступлений.

Несовершеннолетние интенсивные преступники – это наиболее активная часть многократных несовершеннолетних преступников, её «твердое ядро». Таким образом, в составе многократных несовершеннолетних преступников необходимо выделять, как минимум, преступников, совершивших 3-4 преступления, и тех, кто совершил 5 и более преступлений. Тем самым обеспечивается необходимая дифференциация гетерогенного состава многократных несовершеннолетних преступников, в состав которых входят НИПы. Изложенное для большей наглядности может быть изображено в виде следующего рисунка (рисунок 1).

Рисунок 1. Состав несовершеннолетних преступников по количеству совершенных преступлений.

Проведенное нами исследование, а также использованные в работе результаты отечественных и зарубежных криминологических исследований преступности несовершеннолетних свидетельствуют о реальном существовании относительно небольшой по численности группы несовершеннолетних преступников, которые выделяется среди других несовершеннолетних большим индивидуальным количеством совершенных преступлений. Результаты исследований свидетельствуют об их существенном отличии от

несовершеннолетних, которые совершили 1-2 преступления или 3-4 преступления и больше не попадали в поле зрения органов уголовной юстиции. Однако в отечественной криминологии изучение взаимосвязей между большим количеством совершенных преступлений и личностью несовершеннолетнего преступника еще не стали самостоятельным предметом целенаправленных криминологических исследований, поскольку НИПа не рассматриваются в нашей стране в качестве самостоятельной криминологической группы (типа) несовершеннолетних преступников.

Как уже отмечалось, в зарубежной криминологии отсутствует единое (общепризнанное, универсальное) определение НИПа. Сложность проявляется в том, что формально-логическим путем очень трудно раскрыть и закрепить всё «диалектическое» содержание этого социального понятия, а также дать строгое определение (дефиницию) НИПа. Поэтому разные варианты определений, как правило, содержат указание на различные признаки. Отсутствие у зарубежных ученых и практиков единого (однозначного) определения НИПа приводит к вариативности при его практической реализации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что основными критериями для отнесения несовершеннолетнего преступника в категорию НИПа должны признаваться следующие:

- 1) большое количество преступлений, совершенных несовершеннолетним в течение определенного периода времени;
- 2) негативный прогноз продолжения несовершеннолетним дальнейшей криминальной карьеры.

Названные признаки являются существенными, а также позволяют не только дать общее описание НИПов, но и способствуют их выделению среди повторных и многократных несовершеннолетних преступников.

Вместе с тем, следует признать, что указанное определение (дефиниция) НИПа, раскрывая его общее содержание, не может выступать в качестве операционального определения. Как отмечают Ю.П. Адлер и В.Л. Шпер, «операциональным называют определение, передающее значение некоторого

понятия, конкретизируя как способ измерения той или иной величины, так и условия применения соответствующих результатов»¹. Поэтому для использования понятия НИПа при проведении эмпирических криминологических исследований требуется его четкая операционализация в качестве «рабочего инструмента». Соответственно, операционализация смысла слов «большое индивидуальное количество преступлений» предполагает его четкое количественное измерение применительно к конкретным обстоятельствам исследования.

Чаще всего количество преступлений, совершение которых позволяет отнести несовершеннолетнего преступника к числу интенсивных, составляет 5 и более преступлений. Это количество было установлено эмпирическим путем в ходе многочисленных лонгитюдных исследований и признается «классическим» в зарубежной криминологии.

От выбора минимального количественного значения первого критерия НИПа напрямую зависят и последующие размеры (численность) соответствующей группы несовершеннолетних преступников. Так, по результатам анализа базы данных ProDES в Филадельфии доля несовершеннолетних преступников, совершивших пять и более преступлений, составляла порядка 9 %; четыре и более преступлений – 17 %; три и более – 31 %². Важно также учитывать, что существуют различные способы подсчета совершенных преступлений.

В зарубежной криминологии получил распространение еще один подход к вычислению количественного значения первого критерия НИПа, который основан на характеристике НИПов как группы наиболее активных несовершеннолетних преступников, совершающих не менее половины всех преступлений своей возрастной когорты³. С использованием метода многомерной статистики можно рассчитать соответствующее условиям конкретного региона среднее индивидуальное статистическое количество (частоту) совершения наиболее активными несовер-

¹ Адлер Ю.П., Шпер В.Л. Практическое руководство по статистическому управлению процессами. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 45.

² Jones P.R., Harris P.W., Fader J.J., Grubstein L. Identifying chronic juvenile offenders // Justice Quarterly. 2001. Vol. 18 (3). P. 491.

³ Boers K. Delinquenz im Altersverlauf // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2019. Vol. 102. No. 1. S. 9-10.

шеннолетними преступниками 50% от всех преступлений несовершеннолетних. Смоделированное таким образом среднее количество преступлений, совершенных наиболее активными несовершеннолетними преступниками, представляет ту количественную границу, преодоление которой позволит относить несовершеннолетних преступников к НИПам.

Если первый подход к определению нижней границы количественного значения совершенных НИПом преступлений основывается на эмпирических результатах зарубежных лонгитюдных исследований о совершении несовершеннолетним 5 и более преступлений, то второй - на том показателе, что НИПы совершают примерно половину всех преступлений своей возрастной группы¹.

Для определения количественного критерия НИПа в России требуется проведение соответствующих исследований в условиях российской действительности. Однако в ходе проведенного нами исследования не представилось возможным рассчитать среднее индивидуальное количество преступлений, совершаемых российскими НИПами, поскольку в нашей стране нет соответствующего исходного материала для такого анализа. Трудности также заключаются в отсутствии общедоступных агрегированных статистических данных, отражающих четкую дифференциацию несовершеннолетних по индивидуальному количеству совершенных ими преступлений до достижения совершеннолетнего возраста независимо от наличия судимости. Выбор количественного значения рассматриваемого критерия не может быть произвольным, а должен быть теоретически обоснован и эмпирически установлен. Обоснованность обеспечивается познанием криминологически значимых взаимосвязей между количеством преступлений и особенностями личности НИПа.

Второй критерий (негативный прогноз продолжения преступной карьеры) относится к области криминологического прогнозирования индивидуального преступного поведения и связан с пониманием того, что несовершеннолетний преступник, скорее всего, продолжит совершать преступления в будущем, несмотря на наложенные на него санкции и иные меры воздействия.

¹ Boers K. Delinquenz im Altersverlauf. S. 9.

Прогнозирование чаще всего опирается на профессиональный опыт и интуицию¹. Важное значение при прогнозировании придается анализу разнообразных факторов риска индивидуального и микросоциального уровня, обуславливающих активное преступное поведение несовершеннолетнего. Несмотря на сложности прогнозирования, его механизмы и методики постоянно совершенствуются.

А. Барнетт и А. Лофасо подтвердили, что лучшим предсказателем будущей индивидуальной частоты совершения преступлений является их прошлая индивидуальная частота². Имеются многочисленные зарубежные эмпирические доказательства того, что индивидуальные показатели частоты совершения преступлений у активных преступников способны сохранять стабильность на протяжении всей их преступной карьеры.

Зарубежные криминологи рассматривают возраст совершения первого преступления в качестве одного из важнейших предикторов последующей частоты совершения преступлений, их серьезности (тяжести), а также продолжительности криминальной карьеры. Существуют убедительные эмпирические доказательства того, что несовершеннолетние, которые начинают совершать общественно опасные деяния в детстве, т.е. до достижения ими возраста уголовной ответственности, будут совершать большее количество преступлений на протяжении длительного периода времени, в том числе и во взрослой жизни.

Названные два критерия НИПа определяют основные признаки, которые являются общими у всей группы исследуемых нами несовершеннолетних преступников. Они являются простыми, ясными и удобными для научного и практического применения, позволяют отграничивать НИПов от менее проблемной части многократных несовершеннолетних преступников, т.е. от совершивших меньшее количество преступлений и не имеющих негативного

¹ Например: Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с правонарушениями в войсках. Учебное пособие / Лунев В.В.; Ред.: Тер-Акопов А.А. М.: Изд-во Воен. ин-та, 1979; Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. Учебное пособие. М.: Изд-во Воен. ун-та, 1980; Петровский А.В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи / Науч. ред.: Милюков С.Ф. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005 и др.

² Barnett A., Lofaso A.J. Selective incapacitation and the Philadelphia Cohort data // Journal of Quantitative Criminology. 1985. Vol. 1. P. 3-36.

прогноза продолжения преступной карьеры. Именно эти два основных признака использовались нами при отборе и последующем изучении НИПов (см. приложение 1). В частности, по аналогии с зарубежными исследованиями в качестве нижней границы количественного критерия НИПа использовалось совершение несовершеннолетним не менее 5 преступлений.

Представленный на основе указанных ключевых характеристик абстрактный образ НИПа рассматривается в качестве прототипа, воплощающего в себе репрезентативный пример исследуемого объекта, гештальт, «реалистичный сценарий», «стандартный случай» или «лучший образец»¹. Прототип – это «образ объекта, закрепленный в сознании носителей языка, который служит «точкой отсчета» при описании объектов данного класса»². С учетом этого, категория «несовершеннолетний интенсивный преступник» выступает дескриптором четко определенной (относительно однородной) группы несовершеннолетних преступников, способом описания их основного смыслового содержания.

Результаты зарубежных исследований индивидуальных криминальных карьер НИПов свидетельствуют о том, что они различаются между собой по возрасту начала совершения преступлений, их тяжести, продолжительности, криминальной специализации и по многим другим признакам³. Так, НИПы могут подразделяться на различные подгруппы по характеру и тяжести совершаемых ими преступлений. Этот вывод подтверждается проведенным нами комплексным изучением российских НИПов (см.: приложение 1).

Как и для всей преступности несовершеннолетних в России⁴, для НИПов

¹ Abschlussbericht. Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein- Westfalen. Düsseldorf/Berlin, 2016. S. 14; Мжельских М.К. Репрезентация категории человек в прототипической картине мира (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. С. 48.

² Урысон Е.В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 348.

³ van Koppen M.V. Criminal Career Dimensions of Juvenile- and Adult-Onset Offenders // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. Vol. 4. No. 1. P. 113.

⁴ Sokol Y. Features of crime prevention for minor intensive offenders // Criminal justice and security in Central and Eastern Europe: from common sense to evidence-based policy-making: confer-

характерно преобладающее совершение преступлений против собственности, чаще всего краж, грабежей, разбоев, угонов транспортных средств и умышленного уничтожения, повреждения имущества. При этом у 16 (76 %) изученных нами НИПов криминальная карьера включала совершение краж наряду с совершением других преступлений. Лишь у 5 НИПов (24 %) их индивидуальная криминальная карьера состояла исключительно из краж.

Изложенное свидетельствует о том, что большинство изученных нами НИПов совершало различные преступления. Этот вывод соответствует зарубежным оценкам о том, что хотя имеются некоторые доказательства специализации, большая часть преступной карьеры все же отмечена разнообразными преступлениями¹. Изложенное делает актуальным вопрос о необходимости целенаправленного изучения степени индивидуальной специализации или разносторонности преступной деятельности различных подгрупп НИПов, а также выделения среди них подгруппы наиболее опасных несовершеннолетних, криминальная карьера которых включает совершение многочисленных тяжких и особо тяжких преступлений, включая насильственные.

Таким образом, описанный нами выше прототип (общее понятие НИПа) охватывает множество конкретных подтипов НИПов, выявление и описание которых в России станет возможным только при проведении соответствующих криминологических исследований. Задача выявления существующих подвидов (подтипов) НИПов требует установления тех существенных признаков различной природы и их совокупностей, которые могут выступать в качестве реальных оснований для дальнейшей дифференциации НИПов. В любом случае, такие признаки будут иметь дополнительный (субсидиарный, производный) характер по отношению к двум основным (базовым) критериям НИПов.

ence proceedings / editors Gorazd Mesko ... [et al.]; [Twelfth Biennial International Conference Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe, Ljubljana, Slovenia, 25-27 September]. 1st ed. Maribor; University of Maribor Press: Faculty of Criminal Justice and Security, 2018. P. 539-547; Сокол Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы: монография. Краснодар, 2020. С. 64-67.

¹ Piquero A.R., Farrington D.P., Blumstein A. The criminal career paradigm // Crime and justice: A review of research / ed. by M. Tonry. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003. Vol. 30. P. 455.

Важно отметить, что использование понятия «несовершеннолетний интенсивный преступник» не должно превращаться в навешивание такого ярлыка на конкретного несовершеннолетнего преступника со всеми вытекающего из этого негативными последствиями, не должно усиливать эффект его стигматизации. В противном случае его неправильное использование может способствовать не прекращению, а дальнейшему продолжению несовершеннолетним преступной деятельности.

Таким образом, реально существующие в России НИПы должны отграничиваться от других групп несовершеннолетних преступников и подлежать целенаправленному и систематическому изучению отечественными криминологами.

2.2. Особенности изучения личности несовершеннолетнего интенсивного преступника и его типологии

Поскольку НИПы не рассматриваются отечественными криминологами в качестве самостоятельного объекта криминологических исследований, постольку в России отсутствуют систематизированные сведения о результатах изучения их личностных особенностей, в том числе и позволяющих отличать их от других групп (типов) несовершеннолетних преступников. При этом повышенное внимание отечественных криминологов к изучению личности несовершеннолетних рецидивистов¹, не способно ликвидировать названный пробел.

¹ Например: Таганцев Н.С. О повторении преступлений. Исследование. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1867; Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1872; Утевский Б.С. Преступность и рецидив // Современная преступность. Выпуск I (преступление, пол, репрессия, рецидив). М.: Изд-во НКВД, 1927. С. 39-49; Утевский Б.С. Возраст и грамотность рецидивистов // Современная преступность. Выпуск II. Социальный состав, профессии, возраст, грамотность. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1930. С. 74-87; Баженов А.В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999; Денисов Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.; Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Томский государственный университет, 2004; Забрянский Г.И. Рецидивная преступность: взгляд сквозь призму криминологии несовершеннолетних. С. 18-32; Лелеков В.А.

Одним из недостатков методологического характера, присущих отечественным криминологическим исследованиям рецидивной преступности несовершеннолетних, является недооценка разнородности (гетерогенности) их состава, прежде всего, по количеству совершенных преступлений. Имеющиеся в отечественной литературе характеристики личности несовершеннолетнего рецидивиста зачастую носят чрезвычайно общий характер, поскольку представляют собой обобщенную характеристику очень широкой, но, на самом деле, крайне разнородной группы преступников, которых исследователи объединяют под общим названием «несовершеннолетние рецидивисты». Такое множество лиц состоит из ряда более или менее однородных групп несовершеннолетних преступников, среди которых есть и НИПы. Например, Г.И. Забрянский в целях «изучения образа несовершеннолетнего правонарушителя» приводил результаты сопоставительного анализа только двух групп несовершеннолетних: подростков, впервые совершивших преступления, и рецидивистов, причем последних он рассматривал как гомогенную группу¹.

Ф.Р. Хисамутдинов и А.Е. Шалагин под личностью рецидивиста (рецидивного преступника) понимают «лицо, неоднократно совершающее преступления (корыстного, насильственного, корыстно-насильственного и иного характера), отличающееся повышенной тревожностью, эмоциональной возбудимостью, хорошей приспособляемостью в криминальной среде, а также в местах лишения свободы, придерживающееся обычаев и традиций преступного мира»². При этом содержание понятия «неоднократно совершающее преступления» не содержало дифференциации количества совершенных преступлений.

С учетом изложенного, к результатам изучения личности несовершеннолетних рецидивистов, рассматриваемых в качестве широкой, суммативной системы (однородного множества) необходимо относиться критично, поскольку они способны предоставлять лишь общую, а потому неполную или одностороннюю ин-

Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 4. С. 15-23.

¹ См.: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних ... С. 272.

² Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 34.

формацию о них, неприменимую к личности НИПа, как не отражающую только им присущие особенности. Безусловно, НИПы, будучи частью рецидивных (повторных) и многократных несовершеннолетних преступников, обладают отдельными признаками общего. Но, несмотря на то, что определенные личностные характеристики повторных (рецидивных, ранее судимых и т.п.) преступников и НИПов могут совпадать и быть у них общими, существенное значение может иметь не только факт их общего наличия, но и степень их проявления (выраженности), которая может существенно отличаться у разных групп несовершеннолетних преступников.

Традиционно отечественным криминологическим исследованиям личности преступника свойственна направленность на выявление и изучение признаков, которые являются общими для всех (или многих) преступников и отличают их от не-преступников. Так, А.Б. Крайненко верно обращает внимание на то, что «многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что значительное количество преступников обладают однородными психологическими свойствами, среди которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, гиперчувствительность в межличностных взаимоотношениях, отчужденность и плохая социальная приспособленность, а сочетание этих свойств с негативным содержанием ценностно-нормативной системы имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников»¹.

Е.А. Антонян к особенностям личности преступника-рецидивиста относит и такие черты как агрессия к окружающим, импульсивность, несдержанность, жестокость, эгоизм, стремление к самоутверждению, отсутствие сопереживания (эмпатии) к другим людям, обидчивость, мстительность, завышенное самомнение, наличие невротических расстройств психики².

Наряду с целенаправленным выявлением и изучением тех существенных

¹ Крайненко А.Б. О взаимосвязи мотивационных и ауторегуляторных особенностей несовершеннолетних осужденных // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 1. С. 14.

² См.: Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГЮА, 2014. С. 10.

признаков, которые отличают преступников от не-преступников, необходимо познавать и те криминологически значимые особенности, которые позволяют отграничивать различные группы (типы) преступников друг от друга и устанавливать их существенные отличительные особенности. Перед отечественными криминологами стоит задача определить и изучить широкую совокупность биосоциальных, психологических и т.п. признаков, а также степень их проявления, которые отличают личность НИПа (и его подтипов) от личности других групп (типов) несовершеннолетних преступников.

Личность преступника - одна из центральных проблем всех отечественных наук криминального профиля, поскольку рассматривается как носитель причин совершения преступлений, важнейшее звено механизма преступного поведения¹, «служит ключом к пониманию сущности преступности»².

Как справедливо отмечает В.В. Городнянская, личность человека, совершившего преступление, – это целостное образование, обладающее определенной структурой, состоящей из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой позитивных и негативных элементов, раскрыв совокупность которых (структурных элементов, признаков) в определенном соотношении можно охарактеризовать особенности его личности³.

В различного рода биологических, психологических, социологических, культурологических и т.п. концепциях описываются и объясняются особенности личности преступника и причины преступного поведения.

Существуют различные варианты структур личности преступника, которые, по мнению их авторов, представляют собой разнообразные совокупности (системы) значимых в криминологическом отношении свойств личности. Чаще всего в них включаются социально-демографические и уголовно-правовые признаки; со-

¹ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. С. 11; Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 107.

² Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 254.

³ См.: Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 100.

циальные проявления в различных сферах общественной жизни; нравственные свойства, психические особенности и т.д.

А.Ф. Федоров верно констатирует, что «традиционно большинство ученых все эти признаки условно разделяют на три группы – социально-демографические (пол, возраст, гражданство, образование, профессия, род занятий, семейное положение и др.), нравственно-психологические (интеллект, сила воли, эмоциональная сфера, ценностные ориентации и установки, зависимость от алкоголя и наркотиков и др.) и уголовно-правовые (объект посягательства, форма вины, наличие или отсутствие рецидива и др.)»¹. Такую же позицию разделяют С.А. Корягина и Д.В. Синьков².

Вместе с тем, в отечественной криминологии широко распространено мнение, что «криминологическое исследование ведется только на социологическом и социально-психологическом уровнях с одновременным этико-правовым изучением личности»³. Соответственно, для многих отечественных криминологических конструкций структуры личности несовершеннолетнего преступника характерно отсутствие биологических и/или биосоциальных компонентов, имеющих криминологическое значение.

Наиболее полной следует признать структуру личности, состоящую из следующих основных подструктур: биологический фундамент; черты характера; навыки, умения, знания; представления об окружающем мире, отношение к нему; нравственные особенности и ориентации, нравственные позиции; представления о себе, отношение к себе; психологические аспекты пола, возраста, состояния здоровья⁴. Как верно отмечается, «предлагаемая структура не отражает специфику личности преступника и является статистической структурой личности вообще»⁵.

¹ Федоров А.Ф. Особенности личностных качеств осужденных при рецидиве преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 156.

² См.: Корягина С.А., Синьков Д.В. Несовершеннолетние преступники: некоторые современные социально-демографические и нравственно-психологические характеристики // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 3. С. 74

³ Долгова А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение. 2018. С. С. 5.

⁴ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. С. 33.

⁵ Там же.

Однако при раскрытии содержания личности НИПа целесообразно придерживаться изложенной выше структуры личности преступника, предполагая, что названные подструктуры личности НИПа в процессе дальнейшего криминологического изучения будут наполнены конкретным содержанием. Важно обратить особое внимание и на то, что указанная структура включает в себя биологическую и психологическую подструктуры.

Поскольку отечественная статистика не содержит общедоступные дифференцированные количественные показатели интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, соответственно, в распоряжении отечественных криминологов в настоящее время нет обобщенных данных ни о социально-демографических, ни об уголовно-правовых признаках НИПов. Имеющиеся обобщенные статистические данные о несовершеннолетних преступниках; лицах, ранее совершавших преступления; ранее судимых несовершеннолетних; осужденных к лишению свободы и т.п. непригодны для характеристики НИПов, поскольку не отражают их специфические особенности. Как уже отмечалось, отсутствие указанных статистических данных сдерживает изучение НИПов и разработку эффективных мер по предупреждению преступной деятельности этой категории несовершеннолетних преступников. К сожалению, изучение материалов уголовных дел и приговоров в отношении несовершеннолетних, соответствующих критериям НИПов, также свидетельствует об их ограниченной (низкой) ценности для познания особенностей их личности.

Часть 1 статьи 89 УК РФ закрепляет: «При назначении наказания несовершеннолетнему кроме обстоятельств, предусмотренных статьей 60 настоящего Кодекса, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц»¹. Однако, как обоснованно констатирует В.А. Номоконов, «в последнее время в судебной и следственной практике борьбы с преступностью всё более отчёт-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.05.2022).

ливо обнаруживается явное обезличивание, выражающееся в слабом учёте либо вообще игнорировании особенностей личности преступника»¹. Многие материалы уголовных не являются источником всесторонних сведений о личности НИПа, а содержат неполные и нередко противоречивые сведения о них, в лучшем случае, имеющие только уголовно-правовое значение.

Например, в материалах уголовного дела в отношении несовершеннолетнего М. имеются противоречивые сведения². Согласно характеристике, несовершеннолетний «ведет аморальный образ жизни, матери не помогает, на замечания старших реагирует не всегда адекватно». Тогда как в показаниях школьного социального педагога отмечается, что М. является исполнительным, «на просьбы взрослых реагирует нормально», «подросток подрабатывает, помогает матери по хозяйству».

Противоречивая информация встречается и в отношении несовершеннолетнего А.³ Так, в заключении судебно-психиатрической экспертизы отражено, что у А. имеется «ограниченный запас знаний и представлений, снижение уровня обобщения и абстрагирования, трудности категориального обобщения, снижение интеллектуально-познавательных функций в легкой степени». Также имеются сведения о том, что у А. диагностированы легкая умственная отсталость, отставание в психофизическом развитии от сверстников, «признаки умственной отсталости легкой степени с нарушениями поведения». Однако в характеристике по результатам психологического обследования осужденного зафиксировано, что его «интеллект соответствует возрастному развитию».

Пандемия коронавируса COVID-19 способствовала ограничению доступа исследователей к материалам уголовных дел, открытым судебным разбирательствам, а также к самим НИПам. В процессе сбора эмпирической информации

¹ Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под ред. проф. А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 21.

² Приговор Славянского городского суда Краснодарского края от 24.11.2017 г. (дело № 1-176/2017).

³ Приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 19.04.2018 г. (дело № 1-66/2018).

пришлось столкнуться с сопротивлением со стороны отдельных должностных лиц, которые рассматривают предоставление исследователю какой-либо информации как угрозу для себя, полагая, что само существование НИПов – это индикатор неэффективности или низкого качества исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей.

По понятным причинам наибольшее количество НИПов находится в воспитательных колониях и специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, представляющих собой традиционные «места концентрации» НИПов. Нами был обследован 21 НИП мужского пола из числа воспитанников Белореченской воспитательной колонии, каждый из которых соответствовал основным критериям НИПов, т.е. имел криминальную карьеру, состоящую из 5 и более преступлений и негативный прогноз ее продолжения. Однако полученные нами результаты имеют ограничения, обусловленные гендерной моделью (подходом) при изучении преступности¹. Соответственно, результаты изучения НИПов мужского пола нельзя автоматически распространять на НИПов женского пола.

Результаты изучения указанных НИПов подтверждают неоднородность их состава. Различие между НИПами, прежде всего, проявилось в их личностных особенностях. Так, нами было проведено бланковое тестирование НИПов по опроснику исследования уровня общей самооценки СО-2 и опроснику оценки уровня личностной агрессивности ЛА-1 (см. приложение № 1). Исходя из полученных результатов, было установлено, что 14 из 21 опрошенного НИПа имели низкий уровень самооценки; 1 человек – уровень самооценки ниже среднего; 4 – средний уровень самооценки; 1 - уровень самооценки выше среднего; 1 – высокий уровень самооценки. Таким образом, большинство обследованных НИПов (67%), но не все, имели низкую самооценку.

Были получены данные об уровне общей агрессивности НИПов. Так, 1 НИП

¹ См., например: Хачак Б.Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 36; Сокол Е.В., Сокол Ю.В. О необходимости гендерного подхода в уголовной политике // Общество и право. 2015. №2 (52). С. 87-92; Гендерная криминология: понятие, структура, содержание / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред.: А.Э. Набатовой, Т.П. Афонченко. Минск: Экоперспектива, 2020. С. 67 и др.

имел низкий уровень общей агрессивности; 1 - уровень агрессивности ниже среднего; 8 - средний уровень агрессивности; 4 - уровень агрессивности выше среднего; 7 - высокий уровень агрессивности. Таким образом, 11 человек (52,38 %) имели уровень общей агрессивности высокий или выше среднего. Среди испытуемых, имевших средний уровень общий агрессивности, отмечался повышенный уровень ее отдельных разновидностей, чаще всего вербальной и/или физической агрессии. Несмотря на то, что НИПы содержались в условиях изоляции от внешнего мира и круглосуточного контроля со стороны администрации колонии, включающего меры психолого-педагогического характера, число несовершеннолетних осужденных с агрессивным поведением оставалось достаточно высоким.

Проведенное нами исследование подтвердило наличие взаимосвязи между самооценкой и агрессивностью НИПов. Так, из 14 НИПов, имевших низкий уровень самооценки: 5 человек имели высокий уровень общей агрессивности, 3 - уровень общей агрессивности выше среднего; 5 - средний уровень общей агрессивности; 1 - низкий уровень общей агрессивности.

Главный результат, полученный в ходе исследования, несмотря на имеющиеся ограничения, заключается в том, что он свидетельствует о неоднородности личностных особенностей НИПов, что подтверждает тезис о гетерогенности (неоднородности) их состава, требующей целенаправленного изучения.

Важной проблемой, настоятельно требующей своего безотлагательного разрешения, является всесторонний выбор тех криминологически значимых признаков личности НИПа, которые могут выступать в качестве оснований для формирования их типологий. Так, супруги Ш. и Э. Глюк изучали несовершеннолетних с помощью 402 факторов, охватывающих семейное и личное происхождение, типы телосложения, здоровье, интеллект, темперамент, структуру характера и т.д.¹

Анализ оснований отечественных типологий несовершеннолетних преступников свидетельствует о довольно ограниченном числе тех критериев, которые используются в качестве типологических признаков. Так, в 80-е годы прошлого

¹ Glueck S., Glueck E. Unraveling juvenile delinquency. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950. P. 27.

столетия исследователи под руководством Г.М. Миньковского выделяли порядка 26 различных признаков, характеризующих личность преступника¹. В СССР был разработан классификатор из 121 показателя (47 негативных условий среды и 74 негативных межличностных особенностей), в котором «систематизировались в основном те причины и условия, которые в криминологической литературе оценивались как имеющие повышенную распространенность либо повышенную криминогенную значимость для контингента несовершеннолетних»². Однако эти исследования в дальнейшем были свернуты и не получили развития. Как результат, Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер обоснованно заявили «о слабой разработанности критериев типологии преступников»³.

Авторы «Курса советской криминологии» обоснованно отмечали в 1985 г., что типологический подход в криминологии имеет множество вариантов решения рассматриваемой проблемы, «поскольку в их основе лежат различные теоретические посылки и методические приемы»⁴. При этом подчеркивалось, что «советскую криминологическую школу всегда отличал подход к типологии с точки зрения последовательного признания социальной обусловленности преступного поведения и на базе юридического понятия «преступление»⁵.

Значение типологии определяется тем, что она «может фиксировать то главное, что характеризует специфику определенного типа, вскрыть внутренние устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретной личности»⁶.

¹ См.: Миньковский Г. М. Разработка оснований классификации личности преступника и значение этой классификации для совершенствования мер борьбы с преступностью // Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений. М., 1979. С. 5-6.

² Панкратов В.В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 46. М.: Юрид. лит., 1988. С. 33.

³ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 117.

⁴ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 293.

⁵ См.: там же. С. 293-294.

⁶ Давыдов Н.А., Аминов И.И. Криминологическое изучение личности серийного насильственного преступника // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конф.: в 3 ч. Часть 3. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 602.

В отечественной криминологии в основание криминологической типологии «традиционно закладывались три группы признаков: а) отражающие степень криминогенного искажения личностных характеристик; б) отражающие характер такого искажения; в) раскрывающие социальный генезис становления личности на преступный путь»¹.

Среди традиционных типологических признаков в отечественной криминологии чаще всего использовались следующие: степень криминогенной запущенности; глубина деформации личности; криминогенная установка; степень общественной опасности, криминогенной зараженности, ее выраженности и активности; причины и условия неблагоприятного формирования личности; длительность и степень упорства преступной деятельности; глубина, стойкость, интенсивность антисоциальной (антиобщественной) направленности; глубина и стойкость криминогенной мотивации личности преступников; длительность и устойчивость преступного поведения; характер антисоциальной направленности, отражающий особенности мотивационной сферы; характер антиобщественной направленности и ценностных ориентаций; деформация ценностно-нормативной системы личности и т.д. Несмотря на имевшиеся заявления о том, что «в зависимости от тех конкретных научных и практических целей, ради которых применяется типологический подход, учитываются разные группы признаков и с разной степенью полноты»², круг типологических признаков ограничивался перечисленными выше.

Следует отметить, что отечественные криминологи в качестве оснований типологий несовершеннолетних преступников предпочитали использовать преимущественно правовые или оценочные понятия («общественная опасность», «антиобщественная установка», «антисоциальная направленность», «криминогенная запущенность», «криминогенная деформация» и т.п.). Эти понятия, как и степень их выраженности, не имеют точных, прежде всего количественных характеристик, что затрудняет или делает невозможным четкое распределение кон-

¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. Том I. С. 294.

² Там же.

кретных несовершеннолетних преступников по заявленным типологиям, как и дальнейшую эмпирическую проверку предложенных группирований несовершеннолетних преступников. Выделенные типы (подтипы) зачастую носили общий (абстрактный) характер и часто допускали включение различных представителей в общие группы, которые, на самом деле, нуждались в дальнейшем группировании на более гомогенные подгруппы (подтипы).

Тщательная типизация несовершеннолетних преступников имеет не только чисто познавательное значение. Дело в том, что парадигма криминальной карьеры исходит из возможности существования различных причинных факторов у разных типов преступников¹. У российских криминологов распространенным является мнение о существовании неких единых или общих для всех преступников причин преступлений. В зарубежной криминологии имеется много сторонников иной точки зрения, которые считают, что не одни и те же, а разные причины (механизмы) объясняют преступную деятельность различных типов преступников².

Представляет огромный интерес опыт зарубежных криминологов, связанный с изучением личности несовершеннолетнего интенсивного преступника, который может быть полезным для отечественных криминологов после его проверки и соответствующей адаптации в российских условиях. Однако этот опыт наталкивается на устаревшие российские стереотипы, в том числе и обусловленные прежними идеологическими и методологическими барьерами. Речь, в частности, идет о том, что доминирующим в отечественной криминологии по-прежнему остается преимущественно социологический подход при исследовании личности преступника и его типологий, установлении причин преступности и отдельных преступлений. Ограничение криминологических исследований анализом лишь социальных факторов сдерживает познавательные возможности при изучении преступного поведения несовершеннолетних. В свою очередь, современные зарубежные криминологи при раскрытии особенностей личности НИПов наряду с социальными особенностями его личности придают важное значение изучению и

¹ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 13-14.

² Sampson R.J., Laub J.H. A life-course view of the development of crime. P. 12.

описанию комплекса биосоциальных, психологических, психиатрических и иных особенностей, связанных с преступной деятельностью.

В настоящее время в зарубежной криминологии получила широкое распространение продуктивная научная гипотеза о том, что НИПы отягощены разнообразными биопсихосоциальными факторами риска¹, которые рассматриваются в качестве сложного детерминистского комплекса их высокопроблемного преступного поведения.

Одной из наиболее влиятельных теорий антиобщественного, в том числе и преступного, поведения несовершеннолетних в современной зарубежной криминологии является интегративная теория двойной таксономии Т. Моффитт, которая получила множество высоких оценок: её называли одним из наиболее влиятельных теоретических вкладов в криминологию²; наиболее важной теоретической разработкой за последние 20 лет³; одной из наиболее исследованных и наиболее влиятельных теорий развития антиобщественного поведения⁴ и т.п. Высоко оценивая значение теории Т. Моффитт, М. ДеЛиси даже назвал свою научную статью

¹ Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100 (4). P. 674-701; Lösel F., Bliesener T. Aggression und Delinquenz unter Jugendlichen. Untersuchungen von kognitiven und sozialen Bedingungen. Neuwied: Luchterhand, 2003. S. 9-10; Block T., Brettfeld K., Wetzels P. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter in Hamburg. Neue Wege zur Beschreibung eines alten Problems // *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. 2009. Heft 2. S. 129-140; Bliesener T. Der Umgang mit jungen Mehrfach- und Intensivtätern - Probleme der Definition, Prävention und Intervention // *Bewährungshilfe*. 2010. Jahrgang 57. Heft 4. S. 357-371; Moffitt T.E. Male antisocial behaviour in adolescence and beyond // *Nature Human Behavior*. 2018. Vol. 2. P. 177-186; Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 112-131; Сокол Ю.В. Особенности личности несовершеннолетнего интенсивного преступника // *Актуальные вопросы науки и практики [Электронный ресурс]: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 12 апр. 2018 г. Электрон. дан. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2018. С. 1103-1107.*

² Jolliffe D, Farrington D.P, Piquero A.R, MacLeod J.F., van de Weijer S. Prevalence of life-course-persistent, adolescence-limited, and late-onset offenders ... P. 12.

³ DeLisi M. The Moffittization of Criminology // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2013. Vol. 57 (8). P. 911.

⁴ Piquero A., Gonzalez J., Jennings W. Developmental trajectories and antisocial behavior over the life-course // *The development of criminal and antisocial behavior / ed. by J. Morizot, L. Kazemian. Switzerland: Springer International Publishing, 2015. P. 75-88; Eme R. Life course persistent antisocial behavior silver anniversary // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. Vol. 50. P. 101344.*

«Моффиттизация криминологии»¹.

Т. Моффитт за свои работы по изучению антиобщественного поведения в 2007 г. была удостоена престижной Стокгольмской премии в области криминологии, известной как «Нобелевская премия по криминологии». К сожалению, отечественным криминологам крайне мало известно не только о теории двойной таксономии, но и о самой Т. Моффитт, о которой имеются крайне редкие упоминания в отдельных российских публикациях². Хотя по состоянию на 03.07.2021 г. общее число цитирований работ Т. Моффитт составляет 183326³.

Особенностью теории двойной таксономии Т. Моффитт является стремление объединить психобиологические и социологические теории для объяснения взаимосвязи между возрастом и преступностью, включая начало преступной деятельности, ее распространенность, частоту, длительность и т.д. Кроме того, Т. Моффитт исходит из того, что различные причины (механизмы) объясняют преступную деятельность разных типов преступников.

В 1993 г. Т. Моффитт выдвинула идею о существовании двух отчетливых категорий (подтипов) активных несовершеннолетних преступников, имеющих уникальную этиологию, курс и прогноз развития (продолжения и изменения поведения со временем)⁴. По мнению Т. Моффитт, делинквентность несовершеннолетних скрывает две качественно различные категории людей, «каждая из которых нуждается в собственном отчетливом теоретическом объяснении»⁵.

Для обоснования положений своей теории Т. Моффитт использовала результаты одного из самых долгосрочных лонгитюдных исследований, начатого в 1972 г. в городе Данидин (Новая Зеландия), в ходе которого проводилось многопрофильное изучение жизни 1037 человек, включая развитие их антисоциального

¹ DeLisi M. The Moffittization of Criminology. P. 911-912.

² Например: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. С. 54.

³ Terrie E. Moffitt [Электронный ресурс]. URL: <https://scholar.google.com/citations?user=NR0nMНkAAAAJ&hl=ru&oi=sra> (дата обращения: 03.07.2021).

⁴ Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. P. 674-701.

⁵ Ibid. P. 674.

и преступного поведения с возраста 3-х лет¹.

Каждые два года (в возрасте 3, 5, 7, 9, 11, 13 и 15 лет) дети оценивались по различным параметрам (физическим, психическим, социальным, материальным и т.д.), а также по уровню их антиобщественного поведения, его продолжительности, связи между прошлым антисоциальным поведением детей и их будущей криминальной карьерой. В результате обработки полученных данных все участники были разделены на следующие подтипы или, по словам Т. Моффитт, гипотетические прототипы: 1) демонстрирующие стойкое антисоциальное поведение на протяжении всей жизни, 2) осуществляющие антисоциальное поведение, ограниченное только подростковым возрастом, 3) показывающие отсутствие в анамнезе стойкого антисоциального поведения.

Первую группу детей Т. Моффитт назвала «устойчивые на протяжении жизни (life-course persistent, LCP)», подчеркивая непрерывный курс их антиобщественного поведения². Эти несовершеннолетние показывали чрезвычайное и часто насильственное антисоциальное поведение, которое начиналось в раннем детстве и продолжалось в течение взрослой жизни. С достижением возраста уголовной ответственности это поведение квалифицировалось как преступное. Стабильность антисоциального поведения этой группы несовершеннолетних Т. Моффитт объясняла наличием комплекса биологических и неблагоприятных экологических (социальных) причин. Другими словами, возникновение и развитие устойчивого антисоциального (и преступного) поведения этой группы несовершеннолетних Т. Моффитт связывала с взаимодействием двух групп причин: детских нейропсихологических проблем, развивающихся в раннем младенчестве и даже пренатально, с криминогенной окружающей средой³.

Нейропсихологические проблемы Т. Моффитт трактовала широко, «до сте-

¹ Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. P. 676; Poulton R., Moffitt T. E., Silva P.A. The Dunedin Multidisciplinary Health and Development Study: Overview of the first 40 years, with an eye to the future. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology // The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*. 2015. Vol. 50 (5). P. 679-693.

² Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. P. 676.

³ Ibid. P. 679.

пени, до которой анатомические структуры и физиологические процессы в пределах нервной системы влияют на психологические характеристики, такие как характер, поведенческое развитие, когнитивные способности или на все три»¹. Т. Моффитт даже признавала поведение LCP-несовершеннолетних формой психопатологии². Унаследованные или приобретенные нейропсихологические проблемы, проявляющиеся в виде сложного темперамента, низкого самоконтроля, когнитивных нарушений или гиперактивности могут значительно усугубляться негативной социальной средой, повышая риски антиобщественного поведения ребенка. К числу негативных социальных факторов относились такие, как разорванные семейные связи, плохие отношения с родителями, неадекватное воспитание детей, жестокое обращение с детьми, бедность, плохие взаимоотношения со сверстниками, наркомания, школьные прогулы, делинквентные сверстники и т.п., препятствующие формированию у несовершеннолетних просоциальных навыков.

Траектория жизни LCP-несовершеннолетних преступников может быть представлена следующим образом. Как правило, они начинают свою антиобщественную деятельность в возрасте 8-10 лет³. При этом уже в первые 3 года их жизни будущие хронические преступники имели плохие показатели в нейропсихологических тестах, были более импульсивными, гиперактивными и т.д. Максимум их преступной деятельности достигается в позднем подростковом возрасте и поддерживается на высоком уровне в течение двадцатых лет жизни. Только в тридцатые годы жизни их преступная активность начинает снижаться. Преступная траектория характеризуется высоким разнообразием, частотой и тяжестью совершаемых преступлений.

Вторую более многочисленную группу несовершеннолетних Т. Моффитт назвала «ограниченные подростковым возрастом (adolescence-limited, AL)», подчеркивая кратковременный характер их противоправного поведения. Демонстри-

¹ Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. P. 681.

² Ibid. P. 679, 685.

³ Shaw D.S., Shelleby E.C. Early-starting conduct problems: intersection of conduct problems and poverty // Annual review of clinical psychology. 2014. Vol. 10. P. 503-528.

руя подобный уровень антисоциального поведения, что и представители первой группы, AL-преступники, достигнув взрослой жизни, чаще всего, прекращали свою противоправную деятельность. По мнению Т. Моффитт, индивидуальные нейробиологические или нейропсихологические проблемы, обуславливающие антисоциальное поведение представителей этой группы отсутствуют, тогда как действуют преимущественно социальные причины.

Причины преступного поведения AL-несовершеннолетних Т. Моффитт связывала с механизмом, который она называла «разрыв зрелости (maturity gap)»¹. Будучи биологически зрелыми и способными к сексуальному поведению, подростки неспособны приобрести соответствующий статус взрослого человека. Соответственно, «разрыв зрелости» становится для части подростков, недовольных своим детским зависимым статусом, источником неудовлетворенности и потенциальной мотивации для антиобщественных действий. Такие подростки находят делинквентный образ жизни привлекательным для себя в качестве средства достижения статуса зрелости, «с его последовательной властью и привилегией»². Такое поведение усиливается под влиянием делинквентных сверстников. По мере того, как разрыв между биологической и социальной зрелостью сокращается и «преступники, ограниченные подростковым возрастом», переходят к статусу взрослой жизни, их преступное поведение снижается и прекращается.

Т. Моффитт особо подчеркивает, что в отличие от этиологии преступного поведения LCP-несовершеннолетних, сосредоточенной на биологических уязвимостях индивидов и усугубляемых другими детскими факторами риска, в основе этиологии AL-несовершеннолетних преступников находится «разрыв зрелости», отражающий противоречия между их половым созреванием и степенью социальной автономности (автономии принятия решений), а не с индивидуальными нейробиологическими и нейропсихологическими проблемами.

Произведенное в 1993 г. разделение Т. Моффитт несовершеннолетних пре-

¹ Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. P. 686.

² Ibid.

ступников на названные выше категории в дальнейшем получило эмпирическую поддержку в ходе многочисленных исследований¹.

В 2018 г. Т. Моффитт рассмотрела 25-летнюю историю своей теории и пришла к заключению о том, что она выдержала испытание временем, получила подтверждение и продолжает оказывать существенное влияние на политику в области предупреждения преступности несовершеннолетних². Т. Моффитт настаивает на необходимости дополнительных исследований того, как ее теория связана с нейробиологией, здоровьем, генетикой и изменениями в современной преступности. Т. Моффитт по-прежнему убеждена в том, что у ЛСР-преступников типичным является ранний возраст начала антиобщественной деятельности, а также имеются отличительные детские факторы риска, среди которых особое место занимают нейробиологические и нейропсихологические проблемы³.

В качестве доказательств генетического влияния на антисоциальное поведение ЛСР-преступников Т. Моффитт ссылается на результаты магнитно-резонансной томографии мозга несовершеннолетних преступников. Преступное поведение ЛСР-преступников связывается с нарушениями психических функций их мозга, особенно его вербальных и исполнительных функций.

В 2020 г. в журнале «Ланцет», одном из авторитетных изданий в мире по медицине, международная группа ученых опубликовала статью, в которой выска-

¹ Moffitt T., Arseneault L., Jaffee S.R., Kim-Cohen J., Koenen K.C. [et al.] Research review: DSM-V conduct disorder: research needs for an evidence base // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. Iss. 1. P. 3-33; Jennings W.G., Reingle J.M. On the number and shape of developmental/life-course violence, aggression, and delinquency trajectories: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. Iss. 6. P. 472-489; Bushway S. Life-course-persistent offenders // *Oxford handbook of criminological theory* / ed. by F. Cullen, P. Wilcox. NY: Oxford University Press, 2013; Farrington D., Loeber R. Two approaches to developmental life-course theorizing // *Oxford handbook of criminological theory* / ed. by F. Cullen, P. Wilcox. NY: Oxford University Press, 2013; Fairchild G., van Goozen S.H., Calder A.J., Goodyer I.M. Research review: evaluating and reformulating the developmental taxonomic theory of antisocial behaviour // *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. 2013. Vol. 54. P. 924-940; Chen F.R., Jaffee S.R. The heterogeneity in the development of homotypic and heterotypic antisocial behavior // *Journal of Development and Life Course Criminology*. 2015. Vol. 1. Iss. 3. P. 269-288; Le Blanc M. Developmental criminology: Thoughts on the past and insights for the future // *The development of criminal and antisocial behaviour: Theory, research and practical applications* / ed. by J. Morizot, L. Kazemian. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2015. P. 507-538.

² Moffitt T.E. Male antisocial behaviour in adolescence and beyond. P. 177-186.

³ Ibid.

залась в поддержку теории таксономии Т. Моффитт, определив аномальное развитие мозга в качестве фундаментального аспекта устойчивого на протяжении жизни антисоциального поведения. Исследователи отмечали, что антисоциальное, в том числе и преступное поведение людей, связано с особенностями строения их мозга¹. Ученые просканировали (МРТ) мозг и исследовали серое вещество у 672 участников Данидинского лонгитюдного исследования, которые были разделены на три группы: 1) имеющие устойчивое на протяжении жизни антиобщественное поведение (80 человек, 12 %), 2) имеющие антиобщественное поведение, ограниченное подростковым возрастом (151 человек, 22 %), 3) не имеющие или имеющие низкий уровень антиобщественного поведения (441 человек, 66 %).

Первая группа участников в сравнении с третьей группой имела меньшую среднюю площадь поверхности в 282 из 360 анатомически определенных участков мозга и более низкую среднюю толщину коры мозга в 11 из 360 участков, охватывающих ограниченные лобные и височные области, связанные с исполнительной функцией, регуляцией аффекта и мотивацией².

Первая и вторая группы, связанные с антисоциальным поведением, имели характеристики уменьшенной толщины (плотности) серого вещества при сравнении с третьей группой участников, имевших низкий уровень или не имевших антисоциального поведения, но в различных областях мозга. Хотя у второй группы наблюдались изменения в плотности серого вещества в сравнении с третьей группой, но не было отличий в площади коры.

Проведенное исследование способно оказать влияние на политику ювенальной юстиции в мире, обращая внимание на своевременное выявление детей с ранним началом антисоциального поведения и важность оказания им необходимого лечения и реабилитационной помощи, чтобы избежать усугубления их про-

¹ Carlisi C.O., Moffitt T.E., Knodt A.R., Harrington H., Ireland D., Melzer T.R., Poulton R., Ramrakha S., Caspi A., Hariri A.R., Viding E. Associations between life-course-persistent antisocial behaviour and brain structure in a population-representative longitudinal birth cohort // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. Iss. 3. P. 245-253.

² *Ibid.* P. 250.

блемного поведения в будущем¹.

Научное изучение развития подростков, особенно в области нейробиологии, свидетельствует, что части мозга, чувствительные к поиску ощущений и влиянию сверстников, особенно активны у подростков в период полового созревания, в то время как исполнительные функциональные области не полностью сформированы вплоть до начала 20-х годов жизни².

Т. Моффитт и другие зарубежные исследователи призывают интегрировать современные открытия нейробиологии развития в современные социологические теории преступности, а также учитывать особенности, детерминирующие преступное поведение разных групп несовершеннолетних преступников, в деятельности компетентных органов по предупреждению преступной деятельности разных типов несовершеннолетних преступников.

По мнению зарубежных исследователей, за время, прошедшее с 1993 г., первоначальная теория двойной таксономии Т. Моффитт подверглась определенной ревизии, бросившей вызов «уникальности (однозначности)» этиологии и траектории двух категорий несовершеннолетних преступников³. В частности, исследования, тестирующие теорию Т. Моффитт, пытаются обосновать, что различие между LCP- и AL-группами несовершеннолетних преступников скорее имеет количественные (размерные), а не качественные характеристики⁴. Тем самым утверждается, что, если не принимать во внимание ранний возраст начала преступной деятельности «лиц, устойчивых на протяжении жизни (LCP)», то разли-

¹ Carlisi C.O., Moffitt T.E., Knodt A.R. [et al.] Associations between life-course-persistent antisocial behaviour and brain structure in a population-representative longitudinal birth cohort. P. 245-253.

² См., например: Steinberg L. Age of Opportunity: Lessons from the New Science of Adolescence. NY: First Mariner Books, 2014; The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington, DC: The National Academies Press, 2019. P. 295.

³ Fairchild G., van Goozen S.H., Calder A.J. [et al.] Research review: evaluating and reformulating the developmental taxonomic theory of antisocial behaviour. P. 924-940; Assink M., van der Put C.E., Hoeve M., de Vries S.L., Stams G.J., Oort F.J. Risk factors for persistent delinquent behavior among juveniles: A meta-analytic review // Clinical psychology review. 2015. Vol. 42. P. 47-61.

⁴ Fairchild G., van Goozen S.H., Calder A.J. [et al.] Research review: evaluating and reformulating the developmental taxonomic theory of antisocial behaviour. P. 924-940; Assink M., van der Put C.E., Hoeve M. [et al.] Risk factors for persistent delinquent behavior among juveniles: A meta-analytic review. P. 47-61.

чие между несовершеннолетними преступниками двух вышеуказанных групп заключается в более высоком уровне (степени проявления) факторов риска у ЛСР-преступников, а не в качественно различных характеристиках или факторах риска, которые прежде признавались уникальными для ЛСР-преступников.

Таким образом, современные исследователи признают, что нейробиологические и нейропсихологические факторы играют важную роль в объяснении преступного поведения обеих групп активных несовершеннолетних преступников, отмечая, что ЛСР-преступники имеют более серьезные (тяжелые) нейропсихологические или неврологические нарушения, чем АЛ-преступники¹.

К числу различий между ЛСР- и АЛ-преступников относят и такой физиологический фактор, как низкая частота сердечного ритма у ЛСР-преступников². Предполагается, что низкий уровень сердечного ритма увеличивает риск для антисоциального (противоправного) поведения, поскольку служит указателем низкого уровня страха и беспокойства, что может приводить к увеличенной нечувствительности к наказанию, сниженному беспокойству (тревожности) и вине, связанной с совершением преступления³. «Дети с низкой частотой сердечного ритма чаще инициируют драки и запугивают своих одноклассников, а во взрослой жизни они отличаются чрезмерной вспыльчивостью и склонностью к насилию»⁴. И.М. Мацкевич ранее обращал внимание российских криминологов на выступлении британского ученого, заведующего кафедрой криминологии университета штата Пенсильвания профессора Эдриана Рейна, который в 2011 г. на конферен-

¹ Fairchild G., van Goozen S.H., Calder A.J. [et al.] Research review: evaluating and reformulating the developmental taxonomic theory of antisocial behaviour. P. 924-940; Assink M., van der Put C.E., Hoeve M. [et al.] Risk factors for persistent delinquent behavior among juveniles: A meta-analytic review. P. 47-61.

² Raine A., Fung A.L., Portnoy J., Choy O., Spring V.L. Low heart rate as a risk factor for child and adolescent proactive aggressive and impulsive psychopathic behavior. *Aggressive behavior*. 2014. Vol. 40. Iss. 4. P. 290-299; Assink M., van der Put C.E., Hoeve M. [et al.] Risk factors for persistent delinquent behavior among juveniles: A meta-analytic review. P. 47-61; Choy O., Raine A., Portnoy J., Rudo-Hutt A., Gao Y., Soyfer L. The mediating role of heart rate on the social adversity-antisocial behavior relationship: A social neurocriminology perspective // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2015. Vol. 52. No. 3. P. 303-341.

³ Eme R. Life-course-persistent antisocial behavior // *Journal of Forensic Psychology*. 2016. Vol. 1. Iss. 1. P. 2.

⁴ Венар Ч., Керинг П. Психопатология развития детского и подросткового возраста (под научн. ред. А. Алексеева). СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 198.

ции в Вашингтоне заявил, что ненормальная физическая структура мозга может быть причиной преступного поведения у детей¹. Индикатором возможного противоправного поведения может быть недостаточный страх наказания, который можно измерить у детей еще до того, как проявится их агрессивное поведение².

Всемирная организация здравоохранения отмечает, что поведенческие расстройства в детском возрасте (синдром дефицита внимания и гиперактивности, расстройства поведения с симптомами деструктивного и вызывающего поведения) могут являться причиной противоправного поведения³. Тогда как большинство отечественных криминологов не склонно рассматривать поведенческие расстройства в качестве причины преступного поведения. Например, Н.Е. Медведева считает, что «психические аномалии не следует относить к непосредственной причине противоправного поведения несовершеннолетнего, так как они являются лишь вспомогательными факторами»⁴. Таким образом, отказывая психическим аномалиям в статусе причины, Н.Е. Медведева, тем не менее, все же отмечает их некую роль в качестве «вспомогательных факторов», хотя и уклоняется от раскрытия механизма действия «вспомогательных факторов».

А.С. Шуточкина и Г.Г. Фастович справедливо обращают внимание на то, что «одна из самых важных и плохо изученных тем – это влияние психических аномалий на преступное поведение личности»⁵. ВОЗ отмечает наличие взаимосвязей между психическими расстройствами и совершением преступлений⁶.

¹ См.: Мацкевич И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 16.

² См.: Мацкевич И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность. С. 16.

³ См.: Психическое здоровье подростков. 28.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 21.06.2021).

⁴ Медведева Н.Е. Предупреждение краж, совершаемых группами несовершеннолетних: Монография / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 66.

⁵ См.: Шуточкина А.С., Фастович Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // Universum: экономика и юриспруденция. 2019. №5 (62). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/7126> (дата обращения: 26.07.2021).

⁶ См.: Охрана психического здоровья: проблемы и пути их решения: отчет о Европейской конференции ВОЗ на уровне министров. – Копенгаген: ВОЗ, 2006. С. 89; Необходимо наращивать меры для предупреждения насилия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/10-12-2014-new-study-highlights-need-to-scale-up-violence->

Вывод зарубежных исследователей о том, что рано начинающие антиобщественную деятельность лица мужского пола и продолжающие ее во взрослой жизни должны рассматриваться в качестве одной из важных проблем психического здоровья детей¹, не находит поддержки у большинства отечественных криминологов, но встречается ее у российских психиатров и психологов. Так, М.В. Иванов провел комплексное исследование клинико-социальных и психологических характеристик 155 несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления против личности и проходивших судебно-психиатрическую экспертизу с 2005 по 2007 гг. в Кемеровской областной клинической психиатрической больнице. На основе полученных результатов М.В. Иванов сделал следующий вывод: «В основе развития психических и поведенческих расстройств у подростков лежит комплекс отрицательных биопсихосоциальных факторов: микросоциальных (неработающие и судимые родители, асоциальная обстановка или конфликтные отношения в семье, воспитание в условиях гипоопеки, безнадзорности и жестокости, низкий уровень благосостояния семьи, асоциальное референтное окружение); наследственных (наследственная отягощенность алкоголизмом и психопатиями); личностных (патохарактерологическое развитие личности с преобладающими личностными чертами по неустойчивому, эпилептоидному и истероидному типам), что достоверно отличает правонарушителей от группы сравнения ($p < 0,01$)»².

Российские исследователи отмечают: «Распространенность когнитивных нарушений у детей и подростков недостаточно учтена, есть данные о наиболее негативных состояниях ближе к диагнозам психиатрического спектра, так как в это время доминируют асоциальные моменты когнитивных нарушений. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью отмечен у 7,6 % школьников, дислексия -

prevention-efforts-globally (дата обращения: 26.07.2021); Справочник базовой информации по психическому здоровью, правам человека и законодательству. Женева: ВОЗ, 2005. С. 20-21.

¹ Eme R. Male life-course-persistent antisocial behavior: the most important pediatric mental health problem // Archives of pediatrics and adolescent medicine. 2010. Vol. 164. No. 5. P. 486-487; Patterson G.R., DeBaryshe B.D., Ramsey E. A developmental perspective on antisocial behaviour // American Psychologist. 1989. Vol. 44 (2). P. 329-335.

² Иванов М. В. Сравнительные характеристики подростков-правонарушителей (клинические, социальные и психологические аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 2009. С. 22.

у 5 %, задержка психического развития - у 36 % неуспевающих школьников»¹. Специалисты подтверждают связь когнитивных расстройств у подростков с совершением преступлений². По данным Ю.М. Антоняна, «лишь 15-20% несовершеннолетних могут считаться практически здоровыми»³. По различным данным, от 50 % до 80 % несовершеннолетних правонарушителей страдают психической патологией (психическими расстройствами)⁴.

Профилактика антисоциального и преступного поведения несовершеннолетних, имеющих многочисленные формы нейробиологических и/или нейропсихологических проблем, должна начинаться как можно раньше, возможно, с дошкольных учреждений или даже ранее⁵. Чем раньше они и их семьи получают поддержку специалистов, тем выше шансы того, что удастся скорректировать их поведение и избежать проблем в будущем.

По данным ВОЗ, половина нарушений психического здоровья возникает до наступления 14-летнего возраста, часто не выявляется и остается без лечения⁶.

¹ Маслова О.И., Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Каркашадзе Г.А., Мамедьяров А.М., Лазарев М.Л., Мурадова О.И., Константиныди Т.А., Аникин А.В., Кузенкова Л.М., Лазуренко С.Б., Немкова С.А., Ильин А.Г. Современные аспекты изучения когнитивной сферы в развитии ребенка // Педиатрическая фармакология. 2012. Т. 9. №. 6. С. 75.

² См.: Маслова О.И., Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С. [и др.] Современные аспекты изучения когнитивной сферы в развитии ребенка С. 75.

³ Антонян Ю.М. Личность несовершеннолетнего преступника // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2013. № 2 (26). С. 5.

⁴ См.: Пережогин Л.О. Систематика и коррекция психических расстройств у несовершеннолетних правонарушителей и безнадзорных: Монография. М.: ФГНУ «ЦПВиСППДМ», 2010. С. 175; Пережогин Л.О. Систематика и коррекция психических расстройств у несовершеннолетних с безнадзорностью и криминальной активностью: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 2011. С. 4; Барыльник Ю.Б., Бачило Е.В., Филиппова Н.В., Деева М.А., Кормилицына А.С. К вопросу о факторах преступного поведения среди несовершеннолетних с психическими нарушениями // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. №2. С. 5-9; Григорьева А.А., Афонина Ю.С., Кабанова Т.Н. Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клинко-психопатологические факторы) // Прикладная юридическая психология. 2018. №4. С. 53 и др.

⁵ Tremblay R.E. Prevention of youth violence: why not start at the beginning? // Journal of abnormal child psychology. 2006. Vol. 34. Iss. 4. P. 481-487; Shaw D.S., Hyde L.W., Brennan L.M. Early predictors of boys' antisocial trajectories // Development and psychopathology. 2012. Vol. 24. Iss. 3. P. 871-888; Seguin J.R., Tremblay R.E. Aggression and antisocial behavior: A developmental perspective // Oxford handbook of developmental psychology / ed. by P. D. Zelazo. NY: Oxford University Press, Oxford Library of Psychology, 2013. P. 507-526.

⁶ См.: Психическое здоровье подростков. 28.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения:

Проблема в том, что российские криминологи крайне неохотно привлекают в свою науку современные достижения других наук, в частности, биологии, психиатрии, психологии, когнитивных наук, тем самым необоснованно ограничивая свои познавательные возможности в поиске и объяснении причин преступного поведения различных типов несовершеннолетних преступников.

Изложенное подтверждает необходимость пересмотра прежних стереотипов о значении биосоциальных элементов структуры личности несовершеннолетних преступников и возможности интеграции современных биосоциальных, психологических и социологических подходов в объяснении причин преступности несовершеннолетних интенсивных преступников, а также при определении эффективных направлений противодействия ей. Признание социального характера преступности не может служить основанием для игнорирования иных факторов преступности несовершеннолетних.

Большое количество у НИПов различных индивидуальных проблем (факторов риска) разной природы, которые обуславливают возникновение и продолжение их активного преступного поведения, требует комплексного изучения их личности и среды. Однако существует проблема, связанная с ограниченностью компетенции отечественных криминологов, чаще всего имеющих в качестве базового только юридическое образование, которое не позволяет им, например, устанавливать различные факторы риска нейробиологической природы. Криминологи-юристы не в состоянии выявлять и исследовать криминологически значимые нарушения исполнительских функций, когнитивные нарушения и эмоционально-личностные особенности НИПов, диагностировать у них психопатию¹ и т.д.

21.06.2021).

¹ См., например: Ильяшенко А.Н., Маслов А.В., Харьковский Е.Л., Игнатов Е.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации): пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 18, 27; Sokol Y. Criminality of minor intensive offenders and its prevention // British Society of Criminology Conference Public Criminologies: Community, Conflict and Justice. University of Lincoln, 2019. P. 128-129. [Электронный ресурс]. URL: https://cpb-eu-w2.wpmucdn.com/blogs.lincoln.ac.uk/dist/9/7856/files/2019/07/BSC2019ConferenceProgramme_FINAL_3rdJuly.pdf (дата обращения: 21.06.2021); Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Особенности антисоциального поведения детей и подростков: психопатия и черты холодной бесчувственности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 16-28. URL:

Всестороннее изучение личности НИПа предполагает объединение совместных усилий криминологов-юристов, психологов, социологов, психиатров, представителей когнитивных наук, нейробиологии и иных наук при проведении комплексных криминологических исследований. Только мультипрофессиональные команды способны обеспечить всестороннее изучение и формирование адекватного профиля НИПа и его типологий, учет разнообразных особенностей его личности, имеющих биосоциальный, психологический, психиатрический, правовой и т.д. характер. Объединение усилий представителей различных специальностей позволит обеспечить баланс между достижением целей уголовного наказания НИПов, рассматриваемых в качестве «преступников», и оказанием им необходимой правовой, социальной, медицинской и иной помощи в качестве «пациентов».

Глава 3. Современные практические подходы к предупреждению интенсивного преступного поведения несовершеннолетних

3.1. Особенности зарубежной практики предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних

Тема предупреждения преступности постоянно находится в центре внимания исследователей во всем мире и признается приоритетным направлением политики противодействия преступности (борьбы с преступностью)¹. Так, Чезаре Беккариа в XVIII в. отмечал, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них»². К. Маркс указывал, что «мудрый законодатель сделает все, чтобы предупредить преступление, чем быть вынужденным наказывать за него»³.

Предупреждение преступности несовершеннолетних традиционно относят к системе специального предупреждения⁴. Так, Франц фон Лист в докладе на Мюнхенском юридическом обществе 24 марта 1899 г. отмечал необходимость отнесения «малолетних преступников» к области действия специальной превенции⁵.

Отечественные криминологи проявляют интерес к изучению зарубежного опыта эффективного профилактического воздействия на несовершеннолетних преступников⁶, однако имеют крайне мало сведений об особенностях предупре-

¹ См., например: Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Правоведение. 2016. № 6 (329). С. 136; Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Стохастическая модель репрессивно-превентивного воздействия на преступность: от интуиции к расчетам // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 666.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. С. 230.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 50 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 131.

⁴ См., например: Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 454.

⁵ См.: Письмо из Мюнхена (Доклад Франца ф. Листа в юридическом обществе) // Право. Еженедельная юридическая газета. СПб., 1899. № 14 (4 апреля). С. 720.

⁶ См., например: Ведерникова О.Н. Современные тенденции развития ювенальной юстиции за рубежом // Вестник российской правовой академии. 2005. № 2. С. 68-73; Медведева Н.Е. Предупреждение краж, совершаемых группами несовершеннолетних: Монография / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 87; Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева С.В., Чибисова М.Ю. Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (континентальные модели ювенальной юстиции) // Психологическая наука и образование. 2012. Том 4. № 2. [Электронный ресурс]. URL:

дательной деятельности в отношении такой самостоятельной категории несовершеннолетних преступников как НИПы¹. Лучшие мировые подходы и технологии с доказанной эффективностью профилактической работы с НИПами должны внимательно изучаться, адаптироваться и внедряться в научную и практическую деятельность.

Важно отметить, что в работе мы не исследуем зарубежные модели ювенальной юстиции, хотя и отмечаем наличие взаимосвязи проблематики ювенальной юстиции и предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних. Если интенсивное преступное поведение является объектом криминологического изучения, то ювенальная юстиция – это междисциплинарный объект (сложная система) исследования не только ряда правовых наук, включая криминологию, но и психологии, педагогики и т.д. Исследуя вопросы взаимосвязи ювенальной юстиции и ювенальной криминологии, Э.Б. Мельникова обосновано отмечала, что «ювенальная юстиция - это действующая система правосудия, реализующая свои функции при расследовании и судебном разбирательстве конкретных уголовных дел несовершеннолетних. Криминологические исследования, предметом которых является преступность несовершеннолетних, не являются ча-

https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53454.shtml (дата обращения: 16.07.2021); Дородонова Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 191-197; Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601-608; Шиловская А.Л., Ситдикова Л.Б. Использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 141-151; Беженцев А.А. Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и перспективы его использования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №1 (77). С. 58-64.

¹ См., например: Сокол Ю.В. «Kurve kriegen» - программа предупреждения преступности несовершеннолетних в Северном Рейне-Вестфалии (ФРГ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1. С. 264-268; Сокол Ю.В. Несовершеннолетние интенсивные преступники как криминологическая категория // Общество, государство, право: тенденции и перспективы развития: материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 21–22 октября 2016 г. / БГУ, Юридический фак.; редкол.: Т.А. Червякова (отв. ред.) [и др.] Минск: БГУ, 2017. С. 214-215.; Сокол Ю.В. Особенности повторной преступности несовершеннолетних в Краснодарском крае и Российской Федерации // Общество и право. 2020. № 4. С. 29-33; Сокол Ю.В. О содержании понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника // Юрист-Правоведь. 2021. № 3 (98). С. 108-114 и др.

стью правоохранительного механизма»¹. Поскольку «взаимосвязь ювенальной юстиции и ювенальной криминологии прослеживается с точки зрения специфических для несовершеннолетних причин правонарушений и преступлений, признаков личности несовершеннолетних правонарушителей, комплекса мер по предупреждению правонарушений несовершеннолетних»², постольку именно аспекты предупреждения интенсивного поведения несовершеннолетних исследовались в настоящем разделе работы в традиционном криминологическом ракурсе.

Уже длительный период времени НИПы вызывают у зарубежных криминологов повышенный исследовательский интерес³, признаются «криминологически актуальной проблемной группой с точки зрения их жизненного пути»⁴. Эта высоко-проблемная группа несовершеннолетних преступников привлекает к себе пристальное внимание не только ученых, но и практиков, СМИ и политиков. Их преступная карьера признается в качестве серьезной проблемы не только для органов уголовной юстиции, но и общества в целом.

Концентрация имеющихся ресурсов в направлении предупреждения преступности НИПов рассматривается в качестве оптимального средства снижения общего уровня преступности несовершеннолетних, поскольку на долю этой относительно немногочисленной группы несовершеннолетних преступников приходится непропорционально большое количество совершаемых преступлений⁵. Поэтому предлагается направлять максимум усилий на профилактическую работу именно с этой группой несовершеннолетних, как представляющих наибольшую угрозу для общественной безопасности⁶. Общество получит огромные выгоды,

¹ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М.: Дело, 2001. С. 119.

² Там же. С. 4.

³ Wilson J.J., Howell J.C. Comprehensive strategy for serious, violent, and chronic juvenile offenders. July 1, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/ojjdp/143453.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

⁴ Boers K. Delinquenz im Altersverlauf. P. 9.

⁵ Glaubitz C., Bliesener T., Klatt T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter, persistierende Delinquenz und "callous-unemotional traits" // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2017. Vol. 11. S. 349.

⁶ Seigle E., Walsh N., Weber J. Core principles for reducing recidivism and improving other outcomes for youth in the juvenile justice system. 2014 [Электронный ресурс]. URL:

если даже небольшую часть НИПов удастся вернуть на «правильный путь»¹. Названная идея созвучна «криминологическому принципу экономии профилактических сил», поскольку «эти силы (возможности), как известно, далеко не беспредельны, и их надо не распылять, а концентрировать на тех объектах, которые действительно нуждаются именно в таком специфическом инструменте защиты»².

За рубежом, прежде всего в США, широко распространена идея, что лишение свободы активных преступников способно избавить общество от большого количества преступлений, которые они могли бы совершить, оставаясь «на воле». Другими словами, пока активные преступники находятся в местах лишения свободы, предупреждается значительное число преступлений. Предположение, что более суровые уголовные наказания, применяемые к НИПам, способны побуждать их к исправлению и удерживать их от совершения дальнейших преступлений³, лежит и в основе так называемого подхода «селективной (избирательной) изоляции (selective incapacitation)»⁴ по отношению к НИПам. Его суть заключается в применении более сурового уголовного наказания к НИПам в виде лишения свободы с увеличенными сроками при совершении ими очередного преступления. Чем выше была частота совершения преступлений «на свободе», тем больший эффект достигается от применения «селективной изоляции»⁵. В этом смысле в от-

https://www.njjn.org/uploads/digital-library/CSG_Core-Principles-for-Reducing-Recidivism-Improving-Outcomes-for-Youth-in-the-JJ-System_2014.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

¹ Garrido V., Morales L.A. Serious (Violent or Chronic) Juvenile Offenders: A Systematic Review of Treatment Effectiveness in Secure Corrections // *Campbell Systematic Reviews*. 2007. Vol. 3. Iss. 1. P. 1-46.

² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10. Выпуск 1. С. 145.

³ Lipsey M.W., Cullen F.T. The effectiveness of correctional rehabilitation: A review of systematic reviews // *Annual Review of Law and Social Science*. 2007. Vol. 3. P. 297-320; Bouchard J., Wong J.S. Examining the effects of intensive supervision and aftercare programs for at-risk youth: A systematic review and meta-analysis // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2018. Vol. 62 (6). P. 1509-1534.

⁴ См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018. С. 238-240.

⁵ Abrahamse A., Greenwood P.W. Selective incapacitation. Rand report R-2815-NIJ. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1982. P. x. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R2815.pdf> (дата обращения: 21.07.2021); Greenwood P.W., Turner S. Selective incapacitation revisited. Why the high-rate offenders are hard to predict. Rand report R-3397-NIJ.

ношении НИПов проявляется, по терминологии М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, такое направление уголовной репрессии на правоприменительном уровне, как «концентрация борьбы с преступлениями отдельных лиц»¹.

Таким образом, в отношении НИПов, в отличие от других категорий менее активных несовершеннолетних преступников, на практике отмечается явно карательный подход. Многочисленные эмпирические исследования подтверждают, что несовершеннолетние с несколькими судимостями с большей вероятностью будут подвергнуты лишению свободы на более длительные сроки². По сути, в таких случаях к НИПам относятся также, как и ко взрослым преступникам.

Примечательно, что вплоть до середины 70-х годов прошлого столетия среди криминологов США в целом господствовал оптимистичный подход к предупреждению преступности несовершеннолетних. Были разработаны и реализованы сотни федеральных и местных программ. Однако рост преступности и ее тяжести, несмотря на колоссальные затраты на проведение различного рода программ по ее предупреждению, способствовал формированию у значительной части сотрудников органов уголовной юстиции, криминологов, политиков и представителей общественности пессимистичного настроения к предупреждению преступности НИПов и необходимости усиления в отношении них карательного подхода.

Карательная тенденция усиливается, когда жертвы преступлений, их семьи, СМИ и общественность требуют от властей защиты общества от преступлений и кары (возмездия) преступникам. При этом сторонники карательного подхода к НИПам не отрицают возможности или необходимости проведения в отношении НИПов, находящихся в местах лишения свободы, проведения комплекса «мер интервенции (вмешательства)», направленных, если не на полное прекращение, то, по крайней мере, на снижение их преступной активности в будущем.

Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1987. P. v-vi, 1, 49. URL: http://www.antonioacasella.eu/nume/Rand_1987.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

¹ Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4. С. 109.

² Garrido V.M., Morales L.A. Serious (Violent and Chronic) Juvenile Offenders: A Systematic Review of Treatment Effectiveness in Secure Corrections // Campbell Systematic Reviews. 2007. Vol. 3. Iss. 1. P. 1-46.

Реабилитационная модель, будучи альтернативой карательному подходу, рассматривается в качестве необходимого инструмента, с помощью которого несовершеннолетние преступники, в том числе и НИПы, побуждаются к успешным результатам после контакта с системой уголовного правосудия¹. Наибольшее распространение реабилитационная модель получила в странах Западной Европы, в частности, в Германии. По верным словам О.А. Ляпиной, Германия обладает высокоразвитой теоретически и эмпирически криминологической наукой², а «в последние 25 лет уголовная превенция в Германии развивается разносторонне на всех уровнях – местном, региональном, национальном, интернациональном»³.

Важно отметить, что понятие «реабилитация» возникло в медицине, в которой объектом реабилитации был больной, а сам процесс реабилитации трактовался как восстановление утраченных возможностей и способностей⁴. Криминологи заимствовали медицинскую идею (модель) реабилитации, когда в зарубежной криминологии получила распространение идея о преступнике как о больном (соответственно, преступления – это «социальные болезни»), нуждающемся в лечении. Реализация этой «медицинской» идеи в криминологии позволяла отграничивать карательное (репрессивное) и некарательное (реабилитационное, гуманистическое, терапевтическое и т.п.) воздействие на преступника, требовавшее обязательного учета его потребностей (нужд) и оказания (предоставления) ему необходимой социальной и иной помощи. Феномен «оказание помощи» базируется на потребностях человека, ищущего поддержки⁵.

По мнению значительной части зарубежных исследователей, НИПы, имеющие солидную криминальную карьеру, а также представляющие собой наиболее

¹ Lipsey M.W., Cullen F.T. The effectiveness of correctional rehabilitation: A review of systematic reviews. P. 297-320; Cullen F., Pratt T.C., Turanovic J.J. The failure of swift, certain, and fair supervision: Choosing a more hopeful future // Perspectives. 2017. Vol. 41 (3). P. 66-78.

² См.: Ляпина О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г., Karlsruhe)). С. 15.

³ Там же.

⁴ Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостовой. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. С. 7.

⁵ Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А. Помогающие отношения в теории и практике социальной работы (на материалах зарубежных исследований) // Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 39.

активную и общественно опасную часть несовершеннолетних преступников, остро нуждаются в восстановлении (реабилитации) разрушенных или утраченных социальных связей, а также защите своих прав.

В настоящей работе понятия «реабилитация» и «ресоциализация» рассматриваются в качестве синонимов. Примечательно, что в предметном указателе учебника по криминологии под редакцией Дж.Ф. Шели названы термины «реабилитация» и «социализация», однако отсутствует термин «ресоциализация»¹.

Зарубежные сторонники реабилитационной модели используют разнообразные формальные и неформальные подходы, связанные с оказанием всей необходимой помощи НИПам и в меньшей степени полагаются на необходимость их тюремного заключения, но без ущерба для защиты общества от преступности². Основываясь на принципе «предупреждение перед репрессией», реабилитационная модель предполагает возможность включения НИПов в специальные программы предупреждения без реального лишения свободы. Многочисленные исследования доказали преимущества программ по месту жительства в сравнении с тюремным заключением³. Особая роль принадлежит институту пробации, в рамках которого применяются различные меры, которые «позволяют осуществлять контроль, надзор, социальную, адаптационную, коррекционную психолого-педагогическую работу с несовершеннолетним, оказавшимся в ситуации уголовного преследования»⁴. Однако эффективность профилактической работы с несовершеннолетними преступниками из категории с высоким уровнем риска дальнейшего совершения преступлений может быть эффективной вне исправительных учреждений только при условии, если будет обеспечен достаточный уровень контроля за их поведением в сообществе⁵.

¹ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 853, 855.

² «9 Justice System» / The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth. P. 335.

³ См.: Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 128.

⁴ Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 9. С. 117.

⁵ Krisberg B., Neuenfeldt D., Wiebush R., Rodriguez O. Juvenile intensive supervision: Planning guide. National Criminal Justice Reference Service, 1994 [Электронный ресурс]. URL:

Сторонники реабилитационного подхода к НИПам обвиняют своих противников в том, что те не учитывают возрастные особенности несовершеннолетних, пренебрегают необходимостью позитивного профилактического воздействия на них, не способствуют их реабилитации, преуменьшают стимулы для воздержания от совершения дальнейших преступлений и т.п.¹

Противостояние представителей двух основных подходов (карательного и реабилитационного) в отношении НИПов продолжается и отражается в исследованиях и в политике, а также демонстрирует противоположные позиции в отношении характера, пределов и комплекса мер профилактического вмешательства, избираемых в отношении НИПов. Это противостояние имеет, прежде всего, концептуальный (парадигмальный) характер, поскольку связано с различным толкованием и соотношением представлений о «защите общества от преступлений», «справедливом наказании для НИПа», «достижении социальной справедливости», исправлении НИПа, обеспечении его ресоциализации, соблюдении прав несовершеннолетнего и т.п., а также их приоритетности. При этом Р.В. Чиркина и А.А. Галушкин на основе изучения опыта Германии отмечают, что «реабилитация не означает веру в то, что каждый заключенный после ее проведения исправится, но идея ресоциализации отражает базовый принцип социального государства — право каждого гражданина на базовые свободы и доступ к их обеспечению»².

Существенное влияние на дискуссию об отношении к активным преступникам оказал американский криминолог Р. Мартинсон, который в 1974 г. опубликовал свой знаменитый обзор под заглавием «Что работает?» о состоянии научных знаний в области реабилитации преступников, оценив эффективность более 200 программ против рецидива преступлений³. Р. Мартинсон пришел к выводу о том, что «за немногими и единичными исключениями, реабилитационные усилия, о

<https://www.ojp.gov/pdffiles/juvsu.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

¹ В работе исходим из того, что идеи, связанные с обязательством НИПа по заглаживанию вреда потерпевшим и примерению с ним, могут охватываться рамками реабилитационной модели (подхода).

² Чиркина Р.В., Галушкин А.А. Удержание несовершеннолетних от повторных преступлений // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 4. С. 131.

³ Martinson R. What works? Questions and answers about prison reform // Public Interest. 1974. Vol. 35. P. 22-54.

которых сообщалось до сих пор, не оказали заметного влияния на рецидив»¹.

Статья Р. Мартинсона оказала огромное влияние на американскую и мировую политику борьбы с преступностью, стимулировала дальнейшие криминологические исследования, в том числе направленные на оценку эффективности используемых на практике программ реабилитации преступников. Вопрос «что работает?» является доминирующим в криминологических исследованиях², а среди части криминологов и работников тюремной системы возник новый лозунг: «Ничто не работает!»³. Этот лозунг, давно ставший клише, признает, что надежды на реабилитацию активных преступников не оправдываются, а соответствующие программы никого не реабилитируют.

Вместе с тем, в зарубежных странах существует изобилие программ предупреждения преступности несовершеннолетних. В интересах их систематизации создаются различные базы данных (International Centre for the Prevention of Crime, ICPC; Campbell Collaboration; EMMIE: Crime Reduction Toolkit и др.), которые предоставляют свободный доступ всем интересующимся. В них содержатся оценки методологических оснований различных программ предупреждения преступности; подходы, на которых они основаны (психологические, социальные, образовательные и т.п.), их эффективность; анализ экономических и иных затрат и т.д. Ресурсные центры содействуют распространению эффективных идей, знаний, стратегий и практик в области предупреждения преступности вплоть до предоставления технической помощи на местах. Кроме того, называются программы, которые были признаны неэффективными.

С 2016 г. в Германии действует Национальный центр по предупреждению

¹ Martinson R. What works? Questions and answers about prison reform. P. 25.

² Sherman L.W., Gottfredson D.C., Mackenzie D.L., Eck J.E., Reuter P., Bushway S.D. Preventing Crime. What Works, What Doesn't, What's Promising, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://scarp.ubc.ca/sites/scarp.ubc.ca/files/Preventing%20Crime%20what%20works%2C%20what%20doesn%27t%2C%20what%27s%20promising.pdf> (дата обращения: 21.06.2021); Cherney A. Beyond Technicism: Broadening the 'What Works' Paradigm in Crime Prevention // Crime Prevention and Community Safety. 2002. Vol. 4 (3). P. 49-59; Weisburd D., Farrington D.P., Gill C. Introduction: What works in crime prevention? // What works in crime prevention and rehabilitation. Lessons from Systematic Reviews / ed. by D. Weisburd, D.P. Farrington, C. Gill. NY: Springer, 2016.

³ Криминология и социология отклоненного поведения / М. Лайне; пер. с фин. Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. С. 144.

преступности (NZK), который занимается изучением эффективности использования научных результатов в области предупреждения преступности в политике и на практике. Различные профилактические программы и меры оцениваются на теоретическую и методологическую состоятельность, а также на наличие проблем при их реализации на практике. Отмечается, что «криминально-предупредительные программы, проекты и мероприятия должны учитывать локальные, социальные и культурные условия и контексты преступности, опираться на основательный анализ проблем и причин на месте, должны добросовестно исполняться и оцениваться по их эффективности, в тесном сотрудничестве теории и практики, при поддержке политики»¹.

Зарубежные криминологи регулярно публикуют мета-анализы эффективности программ, подтверждающих общее снижение рецидивов среди несовершеннолетних преступников, которые участвовали в превентивных программах, в сравнении с теми, кто не был охвачен ими. Например, М. Липси на основе мета-анализа почти 400 контролируемых исследований преступности несовершеннолетних подтвердил снижение уровня рецидивов у несовершеннолетних после реализации различных профилактических программ². Одновременно с этим имеются и обзоры, утверждающие, что отдельные профилактические программы могут иметь непреднамеренный эффект увеличения рецидивов среди несовершеннолетних преступников, которые участвовали в таких программах³.

Общим результатом исследований, связанных с проверкой эффективности

¹ Ляпина О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г. , Karlsruhe)). С. 17.

² Lipsey M.W. Juvenile delinquency treatment: A meta-analytic inquiry into the variability of effects // *Meta-analysis for Explanation: A Casebook* / ed. by T. Cook, H.M. Cooper, D. Cordray et al. NY: The Russell Sage Foundation, 1992; Lipsey M.W. What do we learn from 400 research studies on the effectiveness of treatment with juvenile delinquents? // *What Works? Reducing Reoffending* / ed. by J. McGuire. Chichester: Wiley, 1995.

³ Petrosino A., Turpin-Petrosino C., Guckenburg S. Formal system processing of juveniles: Effects on delinquency // *Campbell Systematic Reviews*. 2010 Vol. 6. Iss. 1. P. 1-88; Livingstone N., Macdonald G., Carr N. Restorative justice conferencing for reducing recidivism in young offenders (aged 7 to 21) // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. 2013. Vol. 2. P. 1-89; Bouchard J., Wong J.S. Examining the effects of intensive supervision and aftercare programs for at-risk youth: A systematic review and meta-analysis // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2018. Vol. 62 (6). P. 1509-1534.

профилактических программ, было обнаружение того, что многие из применявшихся на практике программ не имели достаточного теоретического обоснования, часто основывались лишь на личном опыте их разработчиков; обладали различным эффектом, в том числе и негативным; имели многочисленные недостатки в ходе реализации; не учитывали криминологически значимые особенности целевых групп, в отношении которых они проводились, и т.п.

В зарубежной криминологии даже появилась такая отрасль как «решающая проблему криминология (problem-solving criminology)», связанная с оценкой существующих программ, предназначенных, чтобы достигать определенных целей¹. Зарубежные криминологи стремятся проводить исследования, чтобы их результаты были основаны на фактах/доказательствах (evidence-based)² и подтверждали наличие связи между профилактическим подходом и достигнутыми на практике целями³. Выяснилось, что не все программы предупреждения преступности являются «основанными на доказательствах». Именно поэтому появилось требование проведения политики предупреждения преступности только на основе научно и эмпирически обоснованных результатов, к тому же прошедших независимую оценку. Результаты научных знаний необходимо адекватно передавать и делать доступными для субъектов их реализации, не всегда обладающих научной компетенцией, а также постоянно поддерживать их в актуальном состоянии для согласованных действий различных участников. Так, Л.Н. Паппас и Э.Л. Дент проанализировали 56 независимых величин, влияющих на эффект программ вмешательства, направленных на предупреждение рецидива среди несовершеннолетних⁴.

Доказано, что НИПы – это наиболее трудно поддающиеся профилактическому воздействию несовершеннолетние преступники. Вместе с тем, результаты

¹ Charles R. Introduction: Theory and Contemporary Criminology // The Handbook of Criminological Theory. First Edition / ed. by A.R. Piquero. Chichester: John Wiley and Sons, Inc., 2016. P. 10-11.

² Evidenzorientierte Kriminalprävention in Deutschland. Ein Leitfaden für Politik und Praxis / ed. by M. Walsh, B. Pniewski, M. Kober, A. Armbrorst. Wiesbaden: Springer VS, 2018.

³ Evidenzbasierte Prävention von Kriminalität und Extremismus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nzkrim.de/evidenzbasierte-kriminalpraevention-1> (дата обращения: 21.07.2021).

⁴ Pappas L.N., Dent A.L. The 40-year debate: a meta-review on what works for juvenile offenders // Journal of experimental criminology. 2021. Jun. 12. P. 1-30.

многочисленных исследований подтверждают, что субъекты, принявшие участие в профилактических программах, в среднем совершали на 6,4% преступлений меньше, чем участники контрольных групп¹. Т. Торнберри, Д. Хейзинга и Р. Лобер предупреждают, что ожидания от программ обращения с несовершеннолетними преступниками, имеющих активную криминальную карьеру, находящихся в конфликте с властями, вовлеченных в различные формы преступной деятельности, употребляющих наркотики и имеющих поведенческие проблемы, должны быть скромными². Тем не менее, в зарубежной криминологии господствует точка зрения, что лучше реализовывать в отношении НИПов различные профилактические программы, чем не применять их вообще³.

Даже сравнительно небольшой предупредительный эффект способен предотвратить человеческие и иные потери. Раннее выявление НИПов и предотвращение их дальнейшей преступной деятельности позволяет сэкономить для общества огромные социальные издержки. По расчетам М. Коэн и А. Пикеро, предупреждение дальнейшей преступной деятельности несовершеннолетнего из группы повышенного риска способно сэкономить для общества от 2,6 до 5,3 миллиона долларов⁴. К тому же профилактическая работа с диссоциальными лицами во взрослом возрасте еще более затруднена⁵.

Акценты при проведении профилактической деятельности в отношении НИПов ставятся на тщательной научной и эмпирической проверке того, «что работает», а что «не работает» в отношении именно этой категории несовершеннолетних преступников⁶. Программы обращения с НИПами различаются наборами

¹ Garrido V., Morales L.A. Serious (Violent or Chronic) Juvenile Offenders: A Systematic Review of Treatment Effectiveness in Secure Corrections. P. 19.

² Thornberry T.P., Huizinga D., Loeber R. The prevention of serious delinquency and violence // Serious, Violent and Chronic juvenile offenders / ed. by J.C. Howell, B. Krisberg, J.D. Hawkins, J.J. Wilson. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 233.

³ Garrido V., Morales L.A. Serious (Violent or Chronic) Juvenile Offenders: A Systematic Review of Treatment Effectiveness in Secure Corrections. P. 26.

⁴ Cohen M.A., Piquero A.R. New evidence on the monetary value of saving a high risk youth // Journal of Quantitative Criminology. 2009. Vol. 25 (1). P. 32.

⁵ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative „Kurve kriegen“. Abschlussbericht Prozessevaluation. Institut für Psychologie Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 2013. S. 12.

⁶ Pappas L.N., Dent A.L. The 40-year debate: a meta-review on what works for juvenile of-

применяемых мер, их направленностью, характером, теоретической основой, учитывают особенности их возраста, пола, типа преступной деятельности, предыдущие судимости НИПов, условия реализации коррекционной деятельности и т.п. Используемые меры, направленные на снижение активности преступной деятельности НИПов, основаны на широком круге социальных, психологических, образовательных, медицинских и т.п. методах. Например, когнитивно-поведенческие программы рассчитаны на выявление и исправление искаженных моделей мышления НИПов, включают обучение их просоциальным навыкам, контролю над гневом, критическому мышлению, облегчают их взаимодействие с другими людьми, реинтеграцию в общество, способствуют формированию просоциальных ценностей к семье, работе и т.д.

В ходе разработки комплекса профилактических мер в отношении НИПов чаще всего используется многофакторный подход, объясняющий возникновение и продолжение их преступного поведения. НИПы рассматриваются в качестве группы несовершеннолетних преступников, которые в наибольшей степени подвержены воздействию разнообразных криминогенных факторов развития криминальной карьеры. Эти разнообразные факторы риска индивидуального и микро-социального уровня имеют нейробиологическую, социальную, психологическую и т.д. природу, способны к кумулятивному эффекту, требуют активного вмешательства и не допускают игнорирования¹.

У конкретных НИПов могут быть различные наборы факторов риска разви-

fenders. P. 1-30.

¹ Loeber R., Farrington D.P., Stouthamer-Loeber M., Van Kammen W.B. Antisocial behavior and mental health problems. Explanatory factors in childhood and adolescence. NY: Psychology Press. 1998. P. 109; Moffitt T.E., Caspi A., Rutter M., Silva P.A. Sex differences in antisocial behaviour. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 101, 214; Farrington D.P. Developmental criminology and risk-focused prevention // The Oxford Handbook of Criminology. 3rd ed. / ed. by M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 664; Farrington D.P. Key results from the first forty years of the Cambridge study in delinquent development // Taking stock of delinquency / ed. by T.P. Thornberry, M.D. Krohn. NY: Kluwer Academic, 2003. P. 151; Farrington D.P. The integrated cognitive antisocial potential (ICAP) Theory: Past, Present, and Future // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. 2020. Vol. 6. P. 172-187; Landesrahmenkonzeption [Land Framework convention]. 2014. "Junge Schwellen- und Intensivtäterinnen und Schwellen- und Intensivtäter (JuSIT)" ["Young potential and intensive persistent offenders and female potential and intensive persistent offenders (JuIST)"]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.schure.de/21021/jusit.htm>. (дата обращения: 21.07.2021).

тия активного преступного поведения, которые выступают основой для разработки и применения к ним соответствующего спектра профилактических мер воздействия в целях устранения их криминогенного действия. Например, к факторам риска относят такие, как агрессивное поведение, импульсивность, неспособность к сочувствию, злоупотребление алкоголем и наркотиками, неполный состав семьи, отсутствие контроля и внимания в семье, семейное насилие, излишне строгая дисциплина в семье, раннее материнство, бедность, частые перемены мест жительства, прогулы в школе, плохая успеваемость в школе, отсутствие социального досуга, делинквентные сверстники и др.

Поскольку факторы риска чрезвычайно разнообразны, их чаще всего объединяют в различные области риска, например: 1) физическое здоровье; 2) нейрокognитивная область; 3) семейная область; 4) область сверстников; 5) школьная область; 6) окружение/соседи и т.д. Иногда факторы риска группируют в четыре области: 1) личностные факторы; 2) факторы риска в семейном контексте; 3) факторы риска в школьном или профессиональном контексте; 4) факторы риска в области свободного времени (досуга)¹.

Так, семейная область риска включает (по Д. Фэррингтону²) факторы, группируемые на шесть подобластей: 1) криминальные или антиобщественные родители, братья и сестры; 2) многодетная семья; 3) негативные методы воспитания детей (плохой надзор, непоследовательная дисциплина, родительская холодность и неприятие, низкая вовлеченность родителей в жизнь ребенка); 4) насилие (физическое/сексуальное) или пренебрежение; 5) конфликт с родителями и неполные семьи; 6) другие родительские особенности (очень молодые родители, злоупотребление психоактивными веществами, стресс или депрессия родителей).

Группирование факторов риска позволяет четко определять те сферы, которые должны охватываться профилактическим воздействием. Важно учитывать, что указанные сферы имеют разное значение (влияние) в зависимости

¹ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 8.

² Farrington D.P Families and crime // Crime and Public Policy / ed. by J.Q. Wilson, J. Peterilia. NY: Oxford University Press, 2011. P. 130-157.

от возраста несовершеннолетнего преступника, индивидуальных особенностей его личности и его окружения и т.д.

В последние годы в рамках многофакторного подхода наряду с изучением разнообразных факторов риска и степени их выраженности, стали исследоваться и так называемые «защитные факторы»: уважительное отношение несовершеннолетнего преступника к семье; эмоциональная привязанность к родителям и другим членам семьи; способность сопереживать другим людям (эмпатия); позитивные отношения с близкими взрослыми; хорошая успеваемость в школе; занятие спортом, музыкой или другими увлечениями; хорошие навыки чтения, мышления и решения проблем и др.¹

Таким образом, эффективность оказываемой на НИПов предупредительной деятельности зависит от всесторонности и полноты оценки их личности и среды, в том числе определения их индивидуальных потребностей, максимального учета факторов риска и защитных факторов, задействования возможностей семьи, школы, соседей и другого окружения НИПа, а также разнообразия способов реабилитационного (терапевтического) воздействия на личность НИПа, а также его ближайшего окружения.

Одним из наиболее эффективных способов реабилитационного воздействия на НИПов признается многоплановая интервенционная стратегия, известная под названием мультисистемная терапия (multisystemic therapy, MST)², представляющая собой набор процедур, применяемых к НИПу, чтобы изменить его противоправное поведение, пресечь продолжение криминальной карьеры, а также развить навыки адаптивного (просоциального) поведения.

Мультисистемная терапия – это интенсивное вмешательство, воздействующее на личность несовершеннолетнего преступника, с задействованием членов его семьи, сверстников, представителей школы, соседей и т.д. Мультисистемную

¹ Farrington D.P., Loeber R., Ttofi M.M. Risk and protective factors for offending // The Oxford Handbook of Crime Prevention / ed. by B.C. Welsh, D.P. Farrington. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. P. 46-69.

² Kennedy T.D., Detullio D., Millen D.H. Juvenile delinquency: theory, trends, risk factors and interventions. 2020. Springer International Publishing. P. 87.

терапию осуществляют обученные специалисты, доступные ежедневно, причем в любое время суток. Объем и интенсивность воздействия определяются особенностями личности НИПа, набором имеющихся у него поведенческих проблем, характером его преступной деятельности и спецификой его окружения. Результаты более чем 25 исследований, осуществлявших мультисистемную терапию, подтверждают ее эффективность в снижении рецидива¹.

Предупредительный эффект повышается, если программы используют взаимодополняющие подходы, сосредотачиваются не только на воспитательных мерах, но и решении других проблем, например, психического здоровья несовершеннолетних преступников, их лечении. В необходимых случаях программы предупреждения преступной деятельности НИПов могут включать меры клиничко-психологического и/или психиатрического характера. НИПы, как целевая группа предупредительной деятельности, требуют длительного и профессионального применения самого широкого спектра мер профилактического воздействия.

Установлено, что программы когнитивно-поведенческой терапии, группового и семейного консультирования, наставничества, обучения социальным навыкам и т.п. способны оказывать положительное влияние на предотвращение дальнейшей преступной карьеры НИПов. Однако вмешательства, использующие в большей степени подход внешнего контроля или сдерживания, такие как посещение тюрем, учебные лагеря и интенсивный мониторинг пробации, обычно показывают слабые и даже отрицательные эффекты². Признается сомнительной эффективность программ предупреждения преступного поведения НИПов, ориентированных исключительно на их образование или получение ими только каких-либо профессиональных навыков.

Практическая реализация профилактической деятельности предполагает планирование соответствующих программ, подбор и расстановку лиц, ответственных за ее реализацию, наличие у них квалификации, ресурсов и т.п. условий,

¹ Kennedy T.D., Detullio D., Millen D.H. Juvenile delinquency: theory, trends, risk factors and interventions. P. 87.

² Lipsey M.W. Interventions for Juvenile Offenders: A Serendipitous Journey // Criminology and Public Policy. 2014. Vol. 13. P. 1-14.

чтобы уменьшить факторы риска преступной деятельности и повысить защитные факторы на социальном и индивидуальном уровнях.

Признается обязательным условием осуществление контроля за ходом практической профилактической работы ее исполнителей, а также оценка эффективности проведенных мероприятий, в том числе их способность влиять на различные факторы риска преступной деятельности НИПов. В противном случае существует опасность того, что профилактические программы или их ненадлежащая реализация способны привести к негативным последствиям¹.

Современным трендом зарубежной криминологии являются криминологические исследования, которые выходят за рамки традиционного вопроса «что работает?», и направлены на более широкую область, стараясь дать обоснованные ответы на следующие вопросы: «что работает, для кого и при каких обстоятельствах работает»². Указанное положение имеет важное значение для российской предупредительной теории и практики.

Отсутствие в России опыта реализации программ оказания целенаправленного предупредительного воздействия на НИПов, как самостоятельную целевую группу, обуславливает важность изучения соответствующего зарубежного опыта, в частности, немецкого. Так, в ФРГ с 1970-х годов прошлого столетия проводится практическая полицейская работа с НИПами, в том числе связанная с реализацией соответствующих профилактических программ³. Распространению этих программ способствовали охватившие Германию «эйфорические настроения по поводу пре-

¹ Endres J., Breuer M.M., Stemmler M. "Intention to treat" oder "treatment as received" - Umgang mit Abbrechern in der Forschung zu Straftäterbehandlung. *Methodische Überlegungen und Beispiele aktueller Studien // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*. 2010. Jahrgang 10. S. 45-55; Walsh M. Der Umgang mit jungen „Intensivtätern“. Ein Review zu kriminalpräventiven Projekten in Deutschland unter Wirksamkeitsgesichtspunkten. S. 28-46; Walsh M. Effekte von Ansätzen und Maßnahmen im Umgang mit jungen "Intensiv"- und Mehrfachtätern. Systematische Übersichtsarbeit zu den Methoden und Ergebnissen von Studien zur Evaluation von Präventionsansätzen. *NZK-Bericht*. Nr. 2. Bonn, 2018; Walsh M. Gefängnisbesuchsprojekte in Deutschland: eine kritische Auseinandersetzung // *Neue Kriminalpolitik*. 2019. Nr. 31 (2). S. 219-238.

² Cherney A. Beyond Technicism: Broadening the 'What Works' Paradigm in Crime Prevention. P. 49-59.

³ Naplava T. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter // *Handbuch Jugendkriminalität / Hrsg. B. Dollinger, H. Schmidt-Semisch*. 3. Aufl. VS, Wiesbaden, 2018. S. 337-356.

дупреждения преступности»¹, которые в последние годы закончились².

Немецкие программы в отношении НИПов имеют ярко выраженный прагматичный характер, базируются на полицейском опыте и содержат наборы (комплексы) взаимосвязанных мер воздействия в отношении конкретных НИПов³. Основной упор делается на улучшении коммуникации и координации усилий всех заинтересованных органов и организаций; оказании массированного профилактического воздействия на личность НИПа и его микросреду с оказанием НИПу всей необходимой помощи, ускорении расследования уголовного дела НИПа и т.д. В программах четко увязываются усиленные меры полицейского контроля за поведением НИПов, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные меры, а также расширенный спектр мер социально-терапевтического и т.п. обращения с НИПами, чтобы приобщить их к законопослушному образу жизни или, как минимум, сократить риск совершения ими дальнейших преступлений⁴.

Изучение различных программ предупреждения преступности НИПов в Германии позволяет сделать вывод о том, что целенаправленное воздействие на НИПов достигается посредством их «плотного» обслуживания, сосредоточенного преимущественно в следующих трех областях: полицейские меры; процедурные и межведомственные меры, а также социально-образовательные и иные меры. Важно отметить, что нет специальных мер, которые применялись бы исключительно к

¹ Ляпина О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г., Karlsruhe)). С. 18.

² См.: там же. С. 49.

³ См., например: Сокол Ю.В. Особенности борьбы с преступностью несовершеннолетних интенсивных преступников в Германии // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.- практ. конф., 25 сентября 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. II. С. 313-316; Сокол Ю.В. Немецкий опыт профилактики преступности несовершеннолетних интенсивных преступников // Актуальные вопросы науки и практики: материалы V Международной науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 13 апр. 2017 г.: в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. Т. I. С. 361-364; Сокол Ю.В. Зарубежный опыт криминологических исследований несовершеннолетних интенсивных преступников // Сборник научных трудов по материалам II Международного Фестиваля саратовской юридической науки, Саратов, 20-21 апреля 2017 г. / [под ред. Е.В. Вавилина, И.В. Швецово]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ООО «Научная книга», 2017. С. 892-894.

⁴ Niemy S. Evaluation sozialtherapeutischer Behandlung im Justizvollzug. Wiesbaden: KrimZ, 2015. Band 68.

НИПам. Речь, скорее, идет о комбинациях различных мер, а также о более интенсивном их использовании.

1. Полицейские меры заключаются в концентрации усилий полиции при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных НИПом, оптимизации обмена информации между различными полицейскими структурами, прокурором и другими взаимодействующими органами.

В целях централизации и концентрации информации в отношении НИПов – будущих участников программ, а также повышения эффективности деятельности органов уголовного преследования и их делопроизводства, в уголовной полиции создаются специализированные подразделения (рабочие группы, отделы, отделения). Полиция занимается регистрацией и ведением учета интенсивных преступников; формированием специальных полицейских внутренних баз данных, содержащих сведения персонального характера в отношении НИПов и совершаемых ими противоправных деяний. Полиция составляет соответствующие списки НИПов и ведет досье на каждого НИПа¹.

Как только несовершеннолетний признается НИПом, он включается в список НИПов. Сотрудники полиции могут проводить т.н. «устрашающую (предупреждающую)» беседу (Gefährderansprache) с НИПом, которая, по мнению немецких полицейских, обладает определенным профилактическим эффектом². Такая беседа проводится специально уполномоченными полицейскими в присутствии законных представителей несовершеннолетнего и рассматривается как адекватное полицейское мероприятие с целью оказания допустимого законом предупредительного давления на НИПа и последующего полицейского контроля за его поведением. Считается, что несовершеннолетний должен четко осознавать связь между совершенным им преступным деянием и наступлением наказания. Формат «устрашения» сравнивается с «угрожающим посланием», с неким «предостерегающим лязгом цепей»³. Хотя отсутствует законодательное

¹ Bliesener T. Der Umgang mit jungen Mehrfach- und Intensivtätern - Probleme der Definition, Prävention und Intervention. S. 357-371.

² Ibid.

³ Henkel M., Neumann D. Intensivtäterbekämpfung in Köln. Ein Dauerthema neu belebt // Der

регулирование «устрашающей беседы», она рассматривается полицейскими как специальное полицейской мероприятие в области полицейского предотвращения опасности. Концентрация полицейского контроля за НИПом включает его проверку по месту постоянного проживания и обучения, а также в других местах его возможного пребывания.

Родителям (законным представителям) сообщается о включении НИПа в соответствующие списки, о его возможном принятии в соответствующую полицейскую программу, о тех преступлениях, в совершении которых несовершеннолетний подозревается и т.д.

В случае совершения НИПом очередного преступления полиция проводит ускоренное расследование, «ориентированное на личность НИПа», что позволяет раскрывать и ранее совершенные им, но прежде неизвестные правоохранительным органам преступления, а также его возможных соучастников.

Таким образом, полицейские мероприятия направлены на усиление плотности уголовного преследования НИПов и оказания на них «давления» в целях достижения необходимого эффекта устрашения. Изложенное дает основание для заявлений о том, что полицейские мероприятия характеризуются репрессивным образом действия и проходят под риторическим прикрытием целей предотвращения дальнейшей криминальной карьеры НИПов¹.

2. Процедурные и межведомственные меры в работе с НИПами рассчитаны на усиление взаимодействия между различными участвующими органами и учреждениями в интересах улучшения обмена информацией и координации принимаемых в отношении НИПа мер. Прежде всего, речь идет об обмене информацией между различными полицейскими органами, а также между полицией и прокуратурой. В целях обеспечения взаимодействия в отдельных случаях могут создаваться специальные «рабочие группы»².

Kriminalist. 2005. Nr. 9. S. 1-7.

¹ Kant M., Hohmeyer C. Polizeiliche Bekämpfung von Jugendkriminalität. Ambivalente Strategien zwischen Prävention und Repression // Bürgerrechte und Polizei/CILIP. 1999. Nr. 63. S. 24-30.

² Guttke K. Intensivtäterermittlungen in Frankfurt und die Grenzen der Karriereforschung // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2003. Heft 2. S. 175-178; Khostevan A. Krimino-

Одной из распространенных форм межведомственного взаимодействия является т.н. «конференция» участников взаимодействия, которая направлена не только на улучшение координации и сотрудничества различных органов (полиции, прокуратуры, управления по делам молодежи, школы и др.), но и сокращение промежутка времени между совершением несовершеннолетним преступления и применением к нему соответствующих мер воздействия¹.

3. Социально-педагогические и иные меры могут инициироваться отделом по делам молодежи до вынесения решения суда или судом в качестве воспитательных мер. При необходимости ставится вопрос об оказании несовершеннолетнему медицинской, психологической и/или иной помощи. Такая помощь особенно актуальна, учитывая возможное наличие у НИПов унаследованных или приобретенных нейропсихологических проблем.

Разнообразные меры направлены на развитие у НИПов различных навыков, необходимых для социального образа жизни. Среди них распространены анти-агрессивные и анти-насильственные тренинги, которые могут проводиться в стационарных или амбулаторных условиях². При необходимости могут реализовываться различные поведенческие и когнитивно-поведенческие программы, доказавшие свою эффективность³, образовательные мероприятия, различные курсы

logie und Kriminalsoziologie. Bd. 7: Zügiges Strafverfahren bei jugendlichen Mehrfach- und Intensivtätern. Das Münsteraner Modellprojekt "B-Verfahren". Münster, 2008.

¹ Müller-Rakow P. Fallkonferenz in Ermittlungsverfahren gegen jugendliche und heranwachsende "Mehrfach- und Intensivtäter". Eine vergleichende (nicht abschließende) Kurzbetrachtung // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2008. Heft 3. S. 275-278; Bliesener T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter - Definitionen, Hintergründe und Konzepte der Prävention // Zeitschrift für soziale Strafrechtspflege. 2009. Nr. 46. S. 13-21; Brückner L. Junge Intensivtäter - Strategien der Polizei // Berliner kriminologische Studien. Bd. 8: Jugendliche Mehrfach- und "Intensivtäter". Entwicklungen, Strategien, Konzepte / ed. by G. Bindel-Kögel. Berlin, 2009. S. 131-141; Lukas T., Hünold D. Polizei und Soziale Arbeit. Der Bezirksdienstbeamte in Analogie zum Streetworker? // Recht der Jugend und des Bildungswesens. 2010. Jahrgang 58. Heft 3. S. 339-352.

² Bliesener T. Gewalttätige Jugendliche - Evaluation von Maßnahmen der Jugendstrafrechtspflege: Soziale Trainingskurse, Anti-Aggressions- bzw. Anti Gewalt-Trainings // Berliner Forum Gewaltprävention. 2010. Jahrgang 12. Nr. 41, S. 149-155; Weidner J. Das Anti-Aggressivitäts-Training (AAT®) zur Behandlung gewalttätiger Intensivtäter // Jugendliche Intensivtäter. Interdisziplinäre Perspektiven / ed. by A. Boeger. Wiesbaden, 2011. S. 85-111.

³ Otto M. Verhaltensmodifikation durch allgemeines und spezielles soziales Training // Kriminalpädagogische Praxis. 1993. Jahrgang 21. Heft 33. S. 48-51; Ohlemacher T., Södging D., Höyneck T., Ethe N., Welte G. Anti-Aggressivitäts-Training und Legalbewährung: Versuch einer Evaluation // In-

социальной подготовки и т.д.

Практические работники положительно оценивают результаты указанных мер, тогда как ученые требуют обязательной перепроверки полученных результатов, в том числе и посредством сравнения с контрольными группами. В Германии проходят дискуссии по вопросу о влиянии различных программ предупреждения преступности на разные категории несовершеннолетних преступников, ответы на которые могут дать результаты дальнейших исследований.

Программы предупреждения преступной деятельности НИПов обязательно вовлекают родителей и иных законных представителей несовершеннолетнего преступника в проведение соответствующих превентивных мер, при необходимости, родителям также оказывается необходимая помощь.

К числу получивших наибольшую известность в Германии относится программа предупреждения преступности НИПов, известная как земельная инициатива «Kurve kriegen», которая имеет высокую эффективность, подтвержденную независимой оценкой¹. Эта программа реализуется с 2011 г. в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ). Её название («Kurve kriegen») сложно перевести с немецкого языка на русский. Оно представляет собой фразеологический оборот, означающий «успеть вовремя»². В 2021 г. программа реализовывалась в 23 районах и городах земли Северный-Рейн Вестфалия, охватывая 115 муниципалитетов. Через программу прошел 1601 несовершеннолетний участник³.

В ходе зарубежных стажировок диссертанту удалось в процессе личного общения с ее разработчиками, исполнителями, а также независимыми экспертами ознакомиться с особенностями ее проведения.

terdisziplinäre Beiträge zur kriminologischen Forschung / Hrsg. M. Bereswill, W. Greve. Baden-Baden: Nomos, 2001. S. 1-37.

¹ Bliesener T., Glaubitz C., Hausmann B., Klatt T., Riesner L. Studienprotokoll. Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". 2015. [Электронный доступ]. URL: https://kfn.de/wp-content/uploads/downloads/Abschlussbericht%20Wirkungsevaluation_240215.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

² См.: Сокол Ю.В. «Kurve kriegen» - программа предупреждения преступности несовершеннолетних в Северном Рейне-Вестфалии (ФРГ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1. С. 264-268.

³ Kurve kriegen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kurvekriegen.nrw.de/> (дата обращения: 21.05.2021).

Поводом для разработки этой программы послужила обеспокоенность ландтага земли Северный Рейн-Вестфалия преступностью несовершеннолетних. В 2008 г. была создана парламентская комиссия, перед которой была поставлена задача получить реалистичную картину состояния преступности несовершеннолетних и на этой основе выработать предложения для эффективной политики ее предупреждения. Через 18 месяцев работы парламентская комиссия подготовила доклад¹, в котором борьба с преступностью несовершеннолетних относилась к важным вызовам обществу². Среди несовершеннолетних преступников парламентская комиссия в качестве особой целевой группы выделила многократных и интенсивных несовершеннолетних преступников³. Признавая детей самым ценным капиталом будущего общества, комиссия отмечала, что предупреждение преступности несовершеннолетних должно начинаться с оказания им необходимой помощи и укрепления воспитательной способности родителей⁴.

Разработчики программы «Kurve kriegen» исходили из того, что уголовное наказание в виде лишения свободы крайне негативно влияет на дальнейшее поведение и жизнь несовершеннолетнего преступника. Предлагалось использовать любую возможность применения средств профилактического воздействия на НИПа в условиях, не связанных с лишением свободы. Программа «Kurve kriegen» предоставляет НИПам такую возможность. НИПы, совершившие очередное преступление, наказание за которое не связано с лишением свободы, включаются в эту программу. Согласие несовершеннолетнего и его родителей на участие в этой программе может учитываться судом при принятии решения об избрании уголовного наказания, не связанного с лишением свободы. Поскольку добровольность участия в программе является одним из ее основных принципов,

¹ Bericht der Enquetekommission zur Erarbeitung von Vorschlägen für eine effektive Präventionspolitik in Nordrhein-Westfalen. Landtag NRW, März 2010.

² Ibid. S. III.

³ Ibid. S. 159.

⁴ Ibid. S. VI.

около трети семей отклонили предложение об участии в ней¹.

Программа «Kurve kriegen» является реализацией сформированной в зарубежных странах модели партнерских отношений между полицией и институтами гражданского общества². Указанная программа согласовывает в единый комплекс полицейские, психологические, педагогические, медицинские и иные меры в целях эффективного предупреждения преступной деятельности НИПов и базируется на следующих основных положениях.

1. Раннее распознавание угрозы «скатывания в преступность». В этих целях сотрудниками полиции осуществляется выбор потенциальных участников программы, в отношении которых проводится стандартизированный скрининг угроз (Risikoscreening). Учитывается возраст несовершеннолетнего преступника, количество и виды совершенных им преступлений, различные факторы риска биопсихосоциального характера, благоприятствующие прочному «соскальзыванию» его в преступную деятельность и т.п.³ Среди факторов риска выделяются следующие: возможное наличие психического заболевания, агрессивное поведение, физические/медицинские особенности, опыт перенесенного насилия, криминальные друзья, криминальные родители и другие близкие родственники, опыт наркомании/токсикомании, низкий социально-экономический статус (бедность), нерегулярное посещение школы (прогулы), психические заболевания родителей и т.д.⁴ На этой основе полиция производит индивидуальный прогноз в отношении развития преступного поведения несовершеннолетнего и в случае негативного прогноза готовит предложения о целесообразности отнесении этого

¹ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 106.

² Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 581.

³ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 116; Bliesener T., Glaubitz C., Hausmann B., Klatt T., Riesner L. Studienprotokoll. Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". 2015. S. 18. [Электронный доступ]. URL: https://kfn.de/wp-content/uploads/downloads/Abschlussbericht%20Wirkungsevaluation_240215.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

⁴ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 44-45.

несовершеннолетнего к целевой группе программы. Как отмечают специалисты, одной из самых больших проблем является недостаточность информационной основы для проведения качественной и надежной оценки индивидуального прогноза продолжения НИПом криминальной карьеры¹.

2. Формирование компетентной, мультипрофессиональной, межведомственной команды специалистов при координирующей роли сотрудников полиции. Полиция также обрабатывает и хранит получаемую в отношении НИПов персональную информацию (данные). Помимо полицейских в состав таких рабочих групп/команд могут входить сотрудники различных социальных органов, служб детской помощи и борьбы с безнадзорностью, психологические и педагогические специалисты, а также провайдеры (независимые представители) различных социальных услуг.

Важная роль отводится педагогическим и психологическим специалистам, которые действуют как связующее звено между полицией, управлением по делам молодежи и другими участниками взаимодействующей сети. Педагогические и психологические сотрудники оформляются на работу полицией посредством заключения с ними трудовых договоров и действуют в дальнейшем как партнеры (контактные лица) для НИПов, участвующих в программе.

Перед выбором конкретных мер воздействия специалисты проводят диагностику конкретного НИПа, формируют его индивидуальный профиль, изучают причины совершения преступлений. Учитываются разнообразные факторы риска в различных областях жизни, имеющие внешнее и внутреннее криминогенное влияние. Ставится задача комплексно воздействовать и нейтрализовать действие этих факторов, чтобы добиться основной поставленной цели - прекратить дальнейшую преступную деятельность НИПа. Одновременно решаются и промежуточные задачи повышения социальной компетенции несовершеннолетних преступников (т.е. навыков их общения, коммуникации со сверстниками и обществом, поднятие их самооценки, понижении уровня агрессии

¹ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 60-61.

и т.п.); улучшение индивидуальных жизненных перспектив, обеспечение регулярного посещения школы, рациональной организации досуга, укрепления воспитательной компетенции родителей и т.п. В течение срока программы конкретные цели в отношении отдельных несовершеннолетних и их семей могут корректироваться. Таким образом, индивидуальные меры воздействия на НИПов базируются на особенностях их личности и социального окружения (среды).

3. Системность реализации индивидуальных мер в отношении НИПа и его окружения. Проект «Kurve kriegen» реализует в отношении несовершеннолетних участников и членов их семей множество различных мер, выбор которых находится в сфере компетенции соответствующих специалистов. В ходе реализации программы применялось порядка 40 различных видов мер, распределенных в следующие основные категории (педагогические меры, оказание помощи в учебе (репетиторство); социальные тренировки (тренинги самообладания, тренинги социальной компетенции); тренинги для родителей НИПа (по вопросам воспитания детей, преодоления тяжелых жизненных ситуаций и т.п.); психотерапия, групповые тренинги и т.д.¹ Различные меры, направленные на прекращение криминальной карьеры НИПов, блокируют воздействие факторов риска и одновременное усиливают действие защитных факторов. В среднем, специалисты, участвующие в «Kurve kriegen», затрачивают порядка 58842 часов в год. Деятельность специалистов в программе рассматривается как рациональное дополнение «классической» деятельности полицейских органов и служб детской помощи.

4. Обеспечение необходимого финансирования и материально-технического обеспечения реализации мероприятий программы. Реализация «Kurve kriegen» основана на технологиях «управления рисками» или «управления случаем (кейс-менеджмент)», которые обеспечивают индивидуализированный подход к оказанию наиболее эффективным способом всей необходимой и непрерывной помощи несовершеннолетним преступникам.

Реализация программы «Kurve kriegen» получила положительную реакцию

¹ Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. S. 127.

населения, способствовала повышению чувства безопасности граждан. По оценкам экспертов, за время действия программы более 6 тысячам человек удалось избежать виктимизации¹.

Проверку эффективности программы в 2013-2015 гг. провели сотрудники университета им. Кристиана Альбрехта (г. Киль, ФРГ)². По их данным, через 6 месяцев после окончания участия в программе порядка 40 % выпускников программы не совершали преступлений³. Их называют «успешными выпускниками». Указанный результат оценивается положительно, поскольку принятые в программу участники относились к высоко-проблемной группе несовершеннолетних преступников. Остальные участники программы называются «выпускниками с ограниченным успехом», поскольку после завершения участия в программе они продолжили криминальную карьеру, однако у них отмечалось снижение факторов риска и усиление защитных факторов, снижалась индивидуальная частота совершения преступлений, а также доля насильственных преступлений.

Затраты на каждого несовершеннолетнего участника программы составляли порядка 11000 евро в год, однако эти средства оправдывали результат, поскольку содержание только одного места в заключении или в стационаре обходится немецким налогоплательщикам около 6500 евро в месяц⁴.

Каждый 1 евро, потраченный в рамках программы на предупреждение преступной деятельности НИПов, экономит, как минимум, до 3 евро, из которых складывается прямой ущерб от преступлений, затраты на деятельность органов уголовной юстиции, косвенные социальные затраты и т.п., если бы НИП продолжил бы свою дальнейшую преступную деятельность⁵.

¹ Zahlen & Fakten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kurvekriegen.nrw.de/zahlen-fakten/> (дата обращения: 21.05.2021).

² Konzept "Kurve Kriegen" - Dem Leben eine neue Richtung geben [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mik.nrw.de/en/themen-aufgaben/projekt-kurve-kriegen/grundkonzept/kurzfassung.html> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Abschlussbericht. Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". S. 36.

⁴ Kurve kriegen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kurvekriegen.nrw.de/faq/> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵ Abschlussbericht. Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". S. 19.

Программа «Kurve kriegen» представляет собой эффективный образец технологии социального менеджмента, «который концентрирует в своих руках работу с проблемой клиента от момента выявления до момента разрешения ситуации, реализует принцип единства, обратной связи и максимального вовлечения существующих ресурсов помощи»¹.

Изучение, проверка, адаптация и дальнейшее использование в России зарубежного положительного опыта предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних позволит устранить дефицит в нашей стране (как на федеральном, так и на местном уровне) специальных программ предупреждения преступной деятельности НИПов, как самостоятельной целевой группы.

3.2. Проблемы предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних в России

Отечественные криминологи традиционно уделяли значительное внимание разработке теоретических основ и практике предупреждения преступности (Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, Ю.В. Блувштейн, С.В. Бородин, С.И. Герасимов, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Г. Мусейбов, С.С. Овчинский, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов, Н.В. Щедрин и др.). Также в нашей стране активно исследовалась и проблема предупреждения преступности несовершеннолетних².

¹ Чиркина Р.В. Развитие системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружелюбного к ребенку правосудия: модели анализа, научные подходы и успешные практики // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 162.

² См., например: Забрянский Г.И. Предупреждение преступности несовершеннолетних: основы концепции государственной политики // Журнал российского права. М.: Норма, 1997; № 8. С. 30-38; Чапурко Т.М. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений несовершеннолетних. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Шипунова Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. Т. 5. С. 112-128; Лелеков В.А., Кошелева Е.В. О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 87-95; Прозументов Л.М. Система предупреждения преступности несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Правовые проблемы укрепления российской государственности: [сб. ст.] / ред. С.А. Елисеев, В.А. Уткин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Ч. 47. С. 122-124; Магомедов М.Г. К вопросу о содержании государственной политики России в сфере предупреждения преступности несовер-

Однако до настоящего времени в отечественной науке в области предупредительной деятельности нет единства мнений, в том числе и относительно используемой терминологии. Наряду с понятием «предупреждение» применяются и такие понятия, как «профилактика», «предотвращение», «пресечение», «противодействие», «предотвращение» и т.д. Еще в 1985 г. О.В. Филимонов писал, что в советской криминологической науке «дискуссии по этому поводу не прекращаются и в работах последних лет»¹. «Мнения ученых об указанных научных понятиях разделились в основном на две группы. Одни авторы отождествляют их по содержанию, другие придают им различный смысл»². Эта дискуссия продолжается и в постсоветский период³. Н.В. Щедрин назвал сложившееся состояние «терминологическими разборками»⁴. С учетом изложенного, необходимо определить содержание понятий, используемых нами в качестве «рабочих инструментов», а также учитывать особенности их трактовок в России и за рубежом.

В диссертации основываемся на мнении Н.В. Щедрина, который рассматривает термины «предупреждение» и «предупредительная деятельность» как тожде-

шеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4 (79). С. 117-120; Иванова А.А. Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 505-514; Писаревская Е.А. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее профилактика. Казань: Бук, 2019; Скрипченко, Н.Ю. Рецензия на монографию «Санташов А. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве: монография / под ред. Л.Л. Кругликова. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. 350 с. // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1-4). № 3. С. 331-335; Романов А.А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как актуальное направление реализации государственной идеологии // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. №3 (7). С. 73-78.

¹ Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений (Правовые проблемы). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 5.

² Там же.

³ См., например: Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учеб. пособие / Краснояр. гос. ун-т, 1999. С. 4; Прокументов Л.М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск, 1999. С.34; Михайлова А.В. Криминология: лекции. М.: Издательство МИЭМП, 2008. С. 54; Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. №4. С. 628; Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Lex russica (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 40-41; Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 170; Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учебное пособие для вузов / под ред. А.Н. Варыгина. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 116.

⁴ Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности. С 4.

ственные¹. Кроме этого, понятия «предупреждение» и «профилактика» также используем в своей работе как синонимы².

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин обоснованно отмечают: «Цель и содержательный смысл предупредительной деятельности состоят в лишении криминогенных тенденций свободы развития, в противодействии криминальным угрозам, в недопущении возникновения преступлений, которые пока «существуют» только как потенция, в сдерживании процессов развития преступности, создании препятствий на пути ее негативных количественных и качественных изменений»³.

В.В. Лунеев на основе анализа разных определений предупреждения преступности сделал важный вывод: «Цитирование определений различных авторов можно было бы продолжить. Для большинства из них характерны две особенности. С одной стороны, они далеки от совершенства и мало схожи между собой. С другой стороны, как бы ни пытались авторы описывать эту проблему по-своему, они вынуждены указывать на два аспекта в предупреждении преступности: 1) воздействие на причины преступности; 2) воздействие на возможных правонарушителей в целях недопущения или минимизации преступных проявлений»⁴.

Указанные В.В. Лунеевым аспекты в предупреждении преступности находят отражение в российском законодательстве. Так, имеется законодательное определение понятия профилактики правонарушений – «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»⁵. Понятие «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершенно-

¹ См.: Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности. С. 41.

² См., например: Бурлаков В.Н., Полудняков В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее. С. 144.

³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология). С. 144.

⁴ См.: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Том 1. Общая часть в 3 кн. Книга 3: учебник для магистратуры. Москва: Издательство Юрайт, 2018. С. 334.

⁵ Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ (посл. ред.) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный

летних» также получило закрепление в нормативных актах.¹

В криминологической литературе существует две основные позиции об уровнях и видах профилактики преступлений. Одни исследователи утверждают, что имеется два уровня профилактики: общесоциальный и специальный (специально-криминологический, криминологический)². При этом специальный уровень профилактики разделяют на общую профилактику (т.е. не персонифицированную) и индивидуальную, предметом которой служит личность человека, от которого можно ожидать совершения преступления (Г.С. Саркисов³, К.Е. Игошев и В.С. Устинов⁴ и др.). В частности, О.В. Филимонов констатировал: «Если общесоциальные меры адресуются индивидуально-неопределенным категориям людей, проживающим на территории страны, региона и т.п., то меры индивидуальной профилактики непосредственно воздействуют на конкретных лиц, совершающих антиобщественные поступки»⁵.

Другие российские исследователи систему предупреждения преступности подразделяют на такие виды, как общее, специальное и индивидуальное предупреждение⁶. В.Н. Кудрявцев выделял такие уровни предупреждения, как мета-, макросреды, социально-государственной среды (общее предупреждение); среды среднего уровня, выделяемой по специфически криминологическим критериям

ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 15.01.2022).

¹ См., например: Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 15.03.2022); Распоряжение Правительства РФ от 18.03.2021 № 656-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379952/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 15.06.2021).

² См., например: Криминология: Учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 443.

³ См.: Саркисов Г.С. Социальная система предупреждения преступности. Ереван, 1975. С. 73-94.

⁴ См.: Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики преступлений. Горький, 1977 и др.

⁵ Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений ... С. 9.

⁶ См., например: Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3 изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 442; Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Ювенальная криминология. С. 173 и др.

(специальное предупреждение); микросреды (индивидуальное предупреждение)¹.

Нельзя не отметить близость указанных положений с зарубежными типологиями предупреждения преступности. Так, широкое распространение за рубежом получила типология предупреждения преступности, основанная на подходе здравоохранения к профилактике заболеваний². По аналогии мероприятия по предупреждению преступности подразделяют на уровни первичной, вторичной и третичной профилактики³. Под первичной профилактикой понимается деятельность по предупреждению преступлений, нацеленная на все население; под вторичной профилактикой – предупредительная деятельность, направленная на те группы населения, которые еще не вовлечены в преступную деятельность, но находятся в группе риска; тогда как третичная профилактика направлена на предупреждение повторного совершения преступления теми, кто уже совершал их⁴. Изложенное подтверждает вывод, что глобализация оказывает мощное влияние в направлении унификации деятельности по предупреждению преступности несовершеннолетних в международном масштабе⁵.

В отличие от зарубежной в современной российской криминологии наибольшее распространение получило понятие «ресоциализация». Исторически содержание понятий «реабилитация», «ресоциализация», «социализация», «адаптация», «реинтеграция», «коррекция» и т.д. подвергалось различным изменениям, дополнениям и уточнениям. Будучи достаточно близким по смыслу, содержание этих понятий по-разному трактуется не только представителями различных школ криминологии, но и других наук, изучающих антиобщественное (девиантное, де-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 241-242.

² См.: Предупреждение преступности. Модуль 2. Серия университетских модулей. Предупреждение преступности и уголовное правосудие. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

³ Schwind H.-D. Kriminologie: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen. 18., neubearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 2008. S. 17-18.

⁴ См.: Предупреждение преступности. Модуль 2. Серия университетских модулей. Предупреждение преступности и уголовное правосудие. С. 8, 35. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

⁵ См.: Беженцев А.А. Международные нормативно-правовые акты по вопросам предупреждения административных и иных правонарушений несовершеннолетних лиц. С. 41.

линквентное и т.п.) поведение¹. Используемая терминология в настоящее время еще не приобрела статуса строгой, однозначно трактуемой, общеобязательной или общепринятой². Этому во многом способствует активное, но противоречивое использование указанной выше терминологии в российских нормативных и иных официальных документах.

Как справедливо отмечает В.А. Уткин, отсутствие единства взглядов в понимании целей наказания обостряет проблему о соотношении цели исправления с целью специального (частного) предупреждения преступлений³. Разнообразное понимание содержания исправления («моральное», «юридическое» и т.д.) приводит к тому, что «на место «старомодного» исправления вводятся понятия «ресоциализация», «адаптация», «социальная реабилитация», безусловно, имеющие объективные основания, но отнюдь не идентичные исправлению»⁴. В этой связи необходимо согласиться с позицией В.А. Уткина о том, что исправление не должно включаться в частное (специальное) предупреждение⁵. «Цель специального (частного) предупреждения в пенологии обычно разделяется на две составляющие: лишение или ограничение виновного возможности совершения нового преступления и его устрашение («чтобы ему неповадно было»)»⁶.

Вопрос о понимании содержания цели специального (частного) предупреждения преступлений, а также способов ее достижения имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение. Как известно, наиболее эффективным способом лишения или ограничения возможности совершать новые преступления является наказание осужденного в виде лишения свободы (изоляция осужденно-

¹ См., например: Садовникова М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: по материалам Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2011. С. 14; Личность преступника и профилактика преступлений: монография. С. 192; Кленова Т.В. Ресоциализация лиц с рецидивом преступлений как социально-правовая проблема // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 27.

² См., например: Садовникова М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: по материалам Восточной Сибири. С. 14.

³ См.: Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 35-37.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ См.: там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 128-129.

го). Чаще всего, именно таким образом и поступают в отношении НИПов, признавая последних «наиболее криминогенным контингентом» или «не подлежащих» ресоциализации (неисправимыми), а также декларируя при этом цели обеспечения безопасности или защиты общества от НИПов (сокращения случаев рецидивизма). Статистикой фиксируются единичные случаи совершения преступлений в воспитательных колониях.

Другая проблема связана с назначением наказания несовершеннолетним в виде лишения свободы на определённый срок. Как справедливо отмечается в литературе, под влиянием изменений уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних на основе гуманизации процесса исполнения наказаний суды в последние годы стали значительно реже назначать строгие наказания несовершеннолетним, стали чаще применять условное осуждение¹. В результате этого, наиболее активные несовершеннолетние преступники, имеющие установку на продолжение преступной деятельности, попадают в воспитательные колонии после третьей или четвертой судимости².

Однако тем самым существенно обостряется проблема, связанная со снижением способности НИПов после освобождения из мест лишения свободы к их реинтеграции в общество. «При лишении свободы исправление – лишь создание субъективных (мотивационная сфера) и объективных (формирование личностных качеств) предпосылок ресоциализации»³. Специалисты отмечают, что сформировать «за решеткой» (в заключении) здоровую, свободную, самодостаточную, социально направленную личность невозможно⁴. «Нормальное развитие возмож-

¹ См.: Милюков С.Ф. Существует ли особо опасный тип несовершеннолетнего преступника? С. 36.

² См., например: Писаревская Е.А. К вопросу о понятии «криминологический рецидив несовершеннолетних преступников» и учете его характеристик // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 49.

³ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. С. 38.

⁴ См.: Чиркина Р.В., Галушкин А.А. Удержание несовершеннолетних от повторных преступлений. С. 128; Садовникова М. Н., Мокеев И. Р. Лишение свободы несовершеннолетних: некоторые вопросы эффективности // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 46-52; Федотова Е.Н. Современное состояние практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 6 (229). С. 36.

но только в нормальной социальной среде, в процессе нормосообразной деятельности и в системе значимых позитивных межличностных отношений»¹. «Российской правоприменительной практике с ее рамочным форматом наказания (либо условная мера, либо лишение свободы) явно не достает системного содержательного наполнения, направленного именно на смену криминальных установок личности судимых молодых людей посредством организации специальной личностно-центрированной и социально ориентированной деятельности для них на разных этапах контакта с правоохранительной системой»².

Е.Н. Федотова констатирует, что «каждый пятый подросток, освободившийся из воспитательной колонии, возвращается туда вновь до достижения совершеннолетия»³. Однако в нашей стране отсутствуют статданные о лицах, совершивших повторное преступление в совершеннолетнем возрасте после отбытия наказания в воспитательной колонии⁴.

Проведенный нами анализ преступных карьер НИПов позволил установить, что более половины НИПов (56 %) после освобождения из воспитательной колонии продолжили свою преступную деятельность (см.: приложение 1).

Отсутствие в России научно обоснованного опыта применения системы наказаний к НИПам и оценки его эффективности приводит к тому, что «при решении вопроса о наказании суды нередко, в сущности, вполне обоснованно, но все же интуитивно, исходят и из возможного прогноза развития взаимоотношений осужденного и социальной среды»⁵, при этом лишение свободы для подростков назначается в «случае критического количества криминальных эпизодов»⁶. Не сложно заметить, что понятие «критическое количество» носит преимущественно оценочный (качественный, интуитивный), но не количественный характер.

¹ Чиркина Р.В., Галушкин А.А. Удержание несовершеннолетних от повторных преступлений. С. 128.

² Там же. С. 126.

³ Федотова Е.Н. Современное состояние практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних. С. 37.

⁴ См.: там же.

⁵ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. С. 88.

⁶ Чиркина Р. В., Галушкин А. А. Удержание несовершеннолетних от повторных преступлений. С. 131.

Важно отметить, что огромный массив литературы в нашей стране посвящен преимущественно теоретическим аспектам предупреждения преступности несовершеннолетних и анализу законодательства в этой сфере, тогда как значительно меньше внимания уделяется исследованию практики ее реализации, а также проведению эмпирических исследований. Российская криминология, в отличие от ряда зарубежных систем, не отличается ярко выраженным прагматизмом. Поскольку предупредительная практика, в отличие от теории и законодательства, является наиболее «слабым звеном» отечественной профилактики, ее наименее исследованным аспектом, постольку в настоящей работе ей уделяется повышенное внимание. По верным словам О.А. Ляпиной, «организованная уголовно-превентивная практика с ее многочисленными программами и проектами является двигателем развития уголовной превенции»¹.

Отечественные специалисты обоснованно отмечают, что в нашей стране «существенно затруднено проведение эмпирических криминологических исследований»²; «одной из актуальнейших проблем отечественной криминологии следует считать повышение практической значимости криминологических исследований, внедрение результатов научных исследований в социальную практику»³; «нормативно закрепленные положения о правах детей носят в основном декларативный характер, поскольку отсутствуют механизмы их реализации»⁴; не рассматриваются «вопросы механизма адаптации опыта антикриминальной деятельности полиции зарубежных стран»⁵ и т.п. В свою очередь, зарубежные криминологи предпочитают больше внимания уделять изучению практики предупрежде-

¹ Ляпина О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г., Karlsruhe)). С. 15.

² Гишинский Я.И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. 2014. Т. 1. №4. С. 178.

³ Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель. С. 377.

⁴ Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева С.В., Чибисова М.Ю. Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (континентальные модели ювенальной юстиции). С. 3.

⁵ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование). С. 14.

ния преступности, нежели содержанию понятий¹.

После развала СССР была утрачена прежняя советская система предупредительной деятельности. В.Е. Эминов, в частности, констатирует, что в нашей стране отсутствует четко отлаженная государственная федеральная система противодействия и предупреждения преступлений, которую нужно возродить². С.Ф. Милюков и М.В. Лихобабина призывают выстроить научно обоснованную систему профилактики общественно опасного поведения несовершеннолетних³.

Е.А. Антонян приходит к выводу, что «все предпринимаемые усилия государства по предупреждению правонарушающего поведения несовершеннолетних не имеют значительных успехов»⁴.

В.С. Харламов обращает внимание на недостаточные усилия всех субъектов профилактики по сдерживанию криминальных проявлений, а также существенные упущения в работе по предупреждению преступлений⁵.

Н.Ю. Скрипченко отмечает, что «государство до сих пор не нашло оптимальных и эффективных способов противодействия подростковой преступности, что актуализирует потребность совершенствования имеющихся и внедрения новых технологий и методов профилактической работы с несовершеннолетними»⁶.

¹ См., например, Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 57.

² См.: Эминов В.Е. К вопросу о профилактике правонарушений // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения): сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 16 октября 2015 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [под науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. И.А. Васькина, Н.А. Кулакова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 55.

³ См.: Милюков С.Ф., Лихобабина М.В. Нетривиальные подходы к оценке общественной опасности несовершеннолетнего преступника // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: мат-лы Межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 мая 2021 года / под. общ. ред. Дикаева С.У. СПб.: «Печатный Цех», 2021. С. 29.

⁴ Антонян Е.А. Предупреждение правонарушающего поведения среди несовершеннолетних в современных условиях // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2018 года. В 4 частях. Часть 1 / под общ. ред. А.С. Ханахмедова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. С. 12.

⁵ См.: Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование). С. 578.

⁶ Скрипченко Н.Ю. Проблемы реализации восстановительной медиации по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник мат-ов Второй Междунар. науч.-практ. конф., 8–10 октября 2020 г. / под науч. ред. В.В.

В современной России система предупредительной деятельности только формируется. Изложенное в полной мере относится и к системе профилактики преступности несовершеннолетних, одним из существенных недостатков которой является отсутствие, по терминологии западной криминологии, профилактики на уровне общин, т.е. со стороны жителей (граждан), способных поддерживать эффективный социальный контроль и решать проблемы общественной безопасности в своем сообществе по месту проживания.

Получившая широкое международное признание концепция предупреждения преступности М. Тонри и Д. Фэррингтона, признает в качестве самостоятельной такую ее форму (стратегию), как предупреждение на уровне общин (местных сообществ)¹. К сожалению, участие граждан в профилактике преступности несовершеннолетних в России только воссоздается. В отличие от зарубежных стран, в нашей стране отмечается невысокий уровень гражданской активности, общественной солидарности и самостоятельности россиян². Основную работу по организации и проведению индивидуальной профилактики различных категорий несовершеннолетних проводят различные органы и организации, которые являются государственными или которые созданы им. Так, Я.И. Гишинский обоснованно отмечает, что в системе предупреждения правонарушений несовершеннолетних государство отводит ведущую роль органам полиции, которые выполняют основной объем воспитательно-профилактической работы³.

Входящие в российскую систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних органы и учреждения⁴ обладают организационной самостоятельностью, различаются по характеру, формам и методам деятельности,

Коврова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 143.

¹ Tonry M., Farrington D. Building a Safer Society: Strategies Approaches to Crime Prevention. Chicago, University of Chicago Press, 1995.

² См.: Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. С. 93-94.

³ См.: Гишинский Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // Криминалист. 2010. № 2. С. 85.

⁴ См.: Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 15.03.2022).

полномочиям, обязанностям и интересам. При этом каждый из них осуществляет сбор, систематизацию и аккумуляцию информации в различных базах данных, которые «имеют уникальную кодировку и форматы, что препятствует их слиянию»¹. К тому же «субъекты профилактики используют разное техническое оборудование и находятся на разных уровнях системы публичной власти (федеральный, региональный, муниципальный)»². Поскольку многие виды учета ведутся обособленно, дублируют друг друга или несовместимы, тем самым затрудняется обмен соответствующей информацией между взаимодействующими субъектами. В этой связи Е.А. Антонян исследует зарубежный опыт Англии, связанный с созданием подобной базы данных под названием E-SAF, к которой имеют доступ полиция, школы и другие социальные учреждения³.

Одна их практических проблем заключается в том, чтобы добиться обеспечения комплексного использования имеющихся сил и средств в интересах исправления несовершеннолетних и предупреждения преступлений. В.В. Денисенко справедливо отмечает: «Но такое количество всевозможных учреждений и органов не означает, что профилактическая деятельность и помощь оказывается каждому нуждающемуся в ней ребенку, потому что зачастую вся поддержка оказывается единоразовой или вовсе формальной. Для достижения эффективной работы системы профилактики правонарушений несовершеннолетних профилактическая деятельность ее элементов должна строиться на началах взаимодействия функционально-специализированных конкурирующих субъектов, объединенных общей глобальной целью, итогом которого станет не сумма результатов отдельных звеньев, а многократно возросший совокупный результат системы»⁴. В этой связи за-

¹ Ковалева Н.Н. Классификация данных, размещаемых в федеральных государственных информационных системах субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 4.

² Там же. С. 6.

³ См.: Антонян Е.А. Совершенствование профилактической работы, направленной на обеспечение безопасности несовершеннолетних // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Материалы конференции: в 5 ч. Ч. 5. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 337-338.

⁴ Денисенко В.В. Деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: проблемы и пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 59.

служивает пристального внимания идея о рассмотрении предупредительной деятельности в качестве специфической разновидности социального управления¹.

Важное значение имеет вопрос о тех целевых группах несовершеннолетних, которые чаще всего упоминаются в различных отечественных превентивных программах. Так, в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года² и в плане основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства³, в рамках выполнения задачи сокращения доли несовершеннолетних, совершивших повторные преступления, выделяются такие категории, как осужденные несовершеннолетние, совершившие повторные преступления; несовершеннолетние осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; несовершеннолетние осужденные, освободившиеся из мест лишения (ограничения) свободы⁴. Названные группы несовершеннолетних являются слишком общими (широкими), поскольку включают в свой состав различные самостоятельные подгруппы (подтипы) преступников, что не позволяет учитывать их важные типологические особенности в процессе реализации мер специальной профилактики.

Созданный указом Президента России в 2008 г. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в рамках реализации программы «Не оступись!» проводил меры, направленные на профилактику преступности и

¹ См.: Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности; Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности. С. 39-53.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2021 - 2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/ (дата обращения: 15.05.2021).

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278/ (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р (ред. от 25.05.2022) «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249/800ff6eef5f3e50e3bd8c1a99059042f938e26cc/ (дата обращения: 26.05.2022).

правонарушений несовершеннолетних, в том числе и повторных. В 2014 г. в 24 субъектах России был реализован 31 инновационный социальный проект в сфере социальной реабилитации несовершеннолетних¹. В течение 2017 г. в 42 субъектах страны действовали 99 целевых региональных программ, предусматривающих мероприятия по оказанию социальной помощи осужденным, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, а также по профилактике повторной преступности.

В рамках государственного задания в 2016 г. ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» были разработаны методические рекомендации по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы². К целевой группе были отнесены следующие несовершеннолетние: осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества; обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, предусмотренные УПК РФ; возвращающиеся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; освобождающиеся из учреждений уголовно-исполнительной системы³.

Таким образом, среди традиционно выделяемых в России целевых групп, в отношении которых проводятся профилактические мероприятия, чаще всего называют следующие: несовершеннолетние, склонные к совершению правонарушений и состоящие на различных видах профилактического учета; употребляющие наркотические, психоактивные вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, злоупотребляющие табакокурением; осужденные за совершение преступления к мерам наказания, не связанным с лишением свободы; отбывающие

¹ См.: Методические рекомендации по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://cpmss.edu.ru/wp-content/uploads/2020/04/Новые-технологии-для-осужденных.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).

² См.: там же.

³ См.: там же. С. 4.

наказание за совершение преступления в воспитательных колониях и готовящиеся к освобождению из них, в том числе находящиеся на льготных условиях отбывания наказания; отбывшие наказание в виде лишения свободы; воспитанники специальных учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным поведением (открытого или закрытого типа)¹.

Но ни в одном из указанных выше источников не шла речь о такой целевой группе профилактического воздействия, как НИПы. Следует констатировать, что в нашей стране отсутствуют целенаправленные криминологические исследования, связанные с разработкой, реализацией и мониторингом мер индивидуального предупреждения в отношении НИПов. Получается, что в стране на федеральном и региональном уровне действует значительное число программ, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних², но ни одна из них не рассчитана на НИПов. В лучшем случае, НИПы, находясь в составе других более широких (соответственно, разнородных) групп несовершеннолетних преступников (повторных, ранее судимых, освобожденных из воспитательных колоний и т.п.), в определенной степени подвергаются оказываемому на них предупредительному воздействию, которое, однако, не всегда будет для них эффективным, а, точнее говоря, является неэффективным, поскольку не учитывает криминологически значимые особенности личности НИПов.

В отчетах о реализации различных программ предупреждения преступности несовершеннолетних часто указывается, что применяются как проверенные временем технологии (беседы с несовершеннолетними и их родителями, законными представителями; межведомственные рейды в места массового скопления несовершеннолетних; посещение семей, воспитывающих несовершеннолетних; различные формы вовлечения детей в организованные досуговые мероприятия и т.п.), так и новые (инновационные) практики работы с несовершеннолетними пре-

¹ См.: Эффективные практики предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних (Опыт реализации программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в субъектах Российской Федерации): информационно-методический сборник. Пермь, 2015. С. 50.

² См.: там же.

ступниками (психологические диагностики форм и причин девиаций, приводящих к противоправному поведению; тьюторское сопровождение; использование современных медиатехнологий и т.п.). В общедоступных материалах чаще всего имеется лишь информация о названиях проводимых мероприятий, но отсутствуют или имеются крайне скудные сведения об их конкретном содержании. В литературе верно отмечается, что «ответ на вопрос «как?» в данном случае важнее, чем ответ на вопрос «сколько?»¹.

В программах часто отсутствуют сведения о научной основе, достоверности, краткосрочности и долгосрочности эффективности, ограничениях реализованных профилактических мер, а также о проведении независимой оценки эффективности использованных технологий (практик) и т.п. Так, АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» сообщает о том, что в 67 субъектах страны реализуется 143 региональные практики по оказанию помощи детям, находящимся в конфликте с законом и их семьям². Однако ни в одной из них не были представлены в качестве самостоятельной целевой группы несовершеннолетние, которые бы соответствовали критериям НИПов. В результате изучения 53 практик, включенных в каталог АНО, было установлено, что лишь у 17 из них имелась информация о наличии соответствующей рецензии либо рекомендации к использованию (причем, от высших учебных заведений только у 9). Оценить качество этих рецензий не представилось возможным из-за отсутствия соответствующих сведений в свободном доступе.

Трудно не согласиться с утверждением о том, что «одно из важнейших условий снижения роста правонарушений несовершеннолетних - внедрение новых технологий и методов профилактической работы»³. В нашей стране прово-

¹ См.: Эффективные практики предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних (Опыт реализации программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в субъектах Российской Федерации). С. 197.

² См.: Ресоциализация детей, вступивших в конфликт с законом. Российский опыт. Лучшие практики. Ресурсная поддержка. Москва, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.siroststvo.ru/files/6475/book2016.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).

³ Письмо Минобрнауки России от 29.05.2015 № 07-1701 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повтор-

дится большая работа по разработке новых технологий и методов профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних, многие из которых используются на практике. Однако является преждевременным присвоение статуса «эффективных» новым технологиям и методам, а также рекомендациям для внедрения без проведения их комплексной независимой оценки.

Н.В. Щедрин обоснованно утверждает: «Преступность в России превратилась в фактор национальной угрозы. Об этом много и часто говорят. При этом почти все знают, как бороться с преступностью. Клеймят, призывают, советуют, принимают программы ..., но положение не улучшается. Вызывает удивление, когда люди, пусть даже «государственные», не имея элементарных знаний в этой области, беспечелляционно предлагают универсальные рецепты ... Надо честно признать, что криминология в этом плане достигла не бог весть каких высот»¹.

Реализацию многих программ предупреждения преступности несовершеннолетних в настоящее время по грантам осуществляют различные учреждения и организации, в состав которых входят преимущественно педагоги и психологи, но без участия криминологов. Поэтому изучение и оценка социально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего преступника проводится ими не в криминологическом разрезе, а преимущественно в психолого-педагогическом ракурсе. Проблема заключается в том, что «психологизация» таких характеристик несовершеннолетних преступников подменяет собой исследование тех аспектов их личности, которые имеют криминологическое значение. Очевидно, что индивидуальная профилактика несовершеннолетних преступников невозможна без глубокого изучения криминологически значимых особенностей их личности, характера и причин их преступной деятельности, а также прогнозирования их дальнейшего преступного поведения. Без этого невозможно установление подлинного причинного комплекса, образующего первооснову для решения

ных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы»). С. 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://kdn.pnzreg.ru/open-government/investitsionnaya-deyatelnost/metodicheskie-rekomendatsii-ministerstva-prosveshcheniya.php> (дата обращения: 21.07.2021).

¹ Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности. С. 3.

задач предупреждения преступности среди различных групп несовершеннолетних преступников, не выявляется весь комплекс криминогенных факторов риска в различных областях, обусловивших преступное поведение несовершеннолетних и продолжающих действовать дальше.

В соответствии со ст. 15 ФЗ № 120-ФЗ специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа организуют психолого-медико-педагогическую реабилитацию несовершеннолетних и участвуют в пределах своей компетенции в индивидуальной профилактической работе с ними. При изучении нами индивидуальных биографий 73 несовершеннолетних было установлено, что после окончания срока пребывания в СУВУЗТ¹ в период с 2016 по 2018 гг. 31 из них (42,5 %) совершил преступление. Можно ли говорить при этом об эффективности, проведенной в отношении этих несовершеннолетних предупредительной деятельности, включавшей меры их психолого-медико-педагогической реабилитации?

Следует признать, что критерии эффективности предупредительной деятельности в отношении различных групп (типов) несовершеннолетних преступников должны быть разными. Не вызывает сомнений, что критерии эффективности предупредительной деятельности, проводимой в отношении несовершеннолетних, совершивших только одно преступление, должны отличаться от критериев эффективности предупредительной деятельности в отношении наиболее активных и более общественно опасных несовершеннолетних преступников, в частности, НИПов. К сожалению, в нашей стране отсутствуют научно и эмпирически обоснованные системы качественных и количественных критериев эффективности различных предупредительных программ (мер), проводимых в отношении разных типов несовершеннолетних преступников. Соответственно, в нашей стране отсутствуют научно обоснованные критерии эффективности предупредительной деятельности в отношении НИПов.

Имеются сомнения в обоснованности высокой оценки эффективности ряда

¹ Государственное казенное специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа общеобразовательная школа Краснодарского края (352762, Россия, Краснодарский край, Брюховецкий район, ст. Переясловская, ул. Октябрьская, д. 14).

программ предупреждения преступности несовершеннолетних, например, участвовавших в программе Фонда «Не оступись!». Исполнители уверенно рапортууют о том, что происходит снижение численности несовершеннолетних, состоящих на различных видах учета; снижается удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления или принявших в них участие, в общей численности несовершеннолетних; в том числе и удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступление повторно, в общей численности несовершеннолетних, совершивших преступление¹. Такие оценки проводятся самими исполнителями этих программ и на основе сведений официальной статистики, имеющей многочисленные недостатки. Нередко называются некие усредненные результаты без указания особенностей выборки и параметров распределения, напоминающие общеизвестное выражение о «средней температуре по больнице».

Например, М.С. Заляев приводит данные о том, что повторные преступления совершает порядка 7 % подростков, охваченных восстановительной работой, тогда как без проведения такой работы повторно совершают преступления 29-30 % несовершеннолетних². В свою очередь, М.В. Мезенина и Л.А. Соболева утверждают, что процент повторных преступлений среди подростков, прошедших восстановительные программы, составляет 8-10 %, если же такие программы не проводить, этот процент составляет 26-30 %³.

Указанные цифры нуждаются в тщательной криминологической проверке, поскольку не ясно, по каким именно критериям проводился отбор несовершеннолетних для участия в этих программах; находились ли в целевых группах таких

¹ См.: Доклад об итогах деятельности Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в 2015 году. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2015. С. 60.

² См.: Заляев М.С. Внедрение ювенальных (восстановительных) технологий в деятельность судов Пермского края // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27 - 28 марта 2014 г.) / под общ.ред. А.В. Волкова, З.П. Замараевой. Пермь: ОТ и ДО, 2014. С. 40.

³ См.: Мезенина М.В., Соболева Л.А. Восстановительный подход в системе дружественного детям правосудия // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27-28 марта 2014 г.) / под общ.ред. А.В. Волкова, З.П. Замараевой. Пермь: ОТ и ДО, 2014. С. 72.

программ НИПы; каковы механизмы определения целевых показателей; какие именно и кем реализовывались профилактические меры и т.д.

Российские исследователи недостаточно активно изучают возможные криминогенные эффекты применяемых мер предупреждения преступности несовершеннолетних. Распространено мнение, что «среди выявленных программ наиболее эффективными являются те из них, которые направлены на профилактику агрессивного поведения»¹. Однако недооцениваются возможные негативные последствия реализации этих программ. Зарубежные исследователи обоснованно говорят о криминогенных эффектах программ обучения антиагрессивности, посещения мест лишения свободы и т.п.² в случаях их неадекватной реализации.

В российском обществе доминирует представление, что любое профилактическое вмешательство является всегда оправданным и обязательно будет иметь некий положительный эффект. При этом целенаправленно не проверяется, что неквалифицированное или необоснованно оказываемое на несовершеннолетнего воздействие может обладать криминогенным эффектом.

При определенных условиях сама деятельность правоохранительных и судебных органов может рассматриваться как криминогенный фактор. Д.М. Каркин и П.Е. Трейси отмечают, что «несмотря на благие намерения ювенального правосудия, применяемые им процедуры могут способствовать продолжению преступной карьеры и даже определять ее траекторию во взрослом возрасте»³. «При этом многие решения судов могут оказывать положительное воздействие и заставлять правонарушителя отказаться от дальнейших криминальных действий. Однако

¹ Аналитическая справка о состоянии работ по разработке и реализации комплексных социально-психологических программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, в том числе состоящих на учете в учреждениях уголовно-исполнительной системы в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://fcprc.ru/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskaya-spravka_p.9.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

² Endres J., Breuer M.M., Stemmler M. "Intention to treat" oder "treatment as received" - der Umgang mit Abbrechern in der Forschung zu Straftäterbehandlung: Methodische Überlegungen und Beispiele aktueller Studien // *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*. 2016. No. 10 (1). S. 45–55; Walsh M. Gefängnisbesuchprojekte in Deutschland: eine kritische Auseinandersetzung // *Neue Kriminalpolitik*. 2019. Nr. 31 (2). S. 219-238.

³ Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 116.

может происходить и обратное, и приговор, вынесенный в раннем возрасте, может побудить несовершеннолетнего правонарушителя стать закоренелым преступником»¹. Д.М. Каркин и П.Е. Трейси на основе проведенного исследования приходят к выводу, что «виды воздействия ювенальной судебной системы на несовершеннолетнего преступника играют решающую роль в выборе им криминальной карьеры во взрослом возрасте»². Подобного рода исследования необходимо проводить и российским криминологам.

К числу факторов, влияющих на эффективность профилактического воздействия на несовершеннолетних преступников, относится профессиональная компетентность, включая наличие соответствующего образования у субъектов профилактики. Так, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (далее - ПДН) органов внутренних дел проводят индивидуальную профилактическую работу с различными категориями несовершеннолетних правонарушителей. При этом существенная часть сотрудников ПДН имеет только юридическое образование, не позволяющее им всесторонне учитывать наряду с правовыми и другие особенности личности НИПов, в частности, имеющие психологическую, педагогическую и т.п. природу. Для иллюстрации изложенного положения приведем имеющиеся сведения о профессиональном образовании сотрудников ПДН ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю (см.: приложение 2). Так, в 2019 г. 77,1 % сотрудников имели юридическое образование (в 2008 г. - 60,8 %); 13,6 % сотрудников - педагогическое образование (в 2008 г. - 22,8 %), что свидетельствует о сокращении доли сотрудников ПДН с педагогическим образованием.

Другой особенностью, могущей оказывать влияние на профилактику преступной деятельности НИПов, является гендерный фактор³. Дело в том, что подавляющее большинство НИПов - это лица мужского пола, тогда как состав субъ-

¹ Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых ... С. 116.

² Там же. С. 125.

³ См.: Сокол Ю.В. Гендерная дискриминация в России и за рубежом // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6. Часть II. С. 14; Сокол Е.В., Сокол Ю.В. О необходимости гендерного подхода в уголовной политике // Общество и право. 2015. № 2. С. 89, 91.

ектов профилактики характеризуется усилением его феминизации. Так, за 2008-2019 гг. доля женщин среди сотрудников ПДН ГУ МВД РФ по КК увеличилась с 64 % до 76 % (см.: приложение 2).

К числу основных причин преступности несовершеннолетних традиционно относят неблагополучную обстановку в семье; насилие в семье; отсутствие контроля со стороны родителей; сложное материальное положение; злоупотребление спиртными напитками; хроническую наркоманию; проблемы в деятельности субъектов предупреждения преступлений и т.п.¹ Однако указанные причины носят общий характер и могут относиться не только к повторной, но и ко всей преступности несовершеннолетних в целом, а также к любому делинквентному поведению несовершеннолетних². Зарубежная криминология допускает возможность существования различных причинных факторов у разных типов преступников³. Однако российские криминологи ориентируются преимущественно на поиск и установление неких единых (универсальных, всеобщих) причин (механизмов), объясняющих преступную деятельность всех несовершеннолетних преступников и их различных типов (подтипов).

Особого внимания криминологов заслуживает проблема согласования и реализации мер профилактики в отношении несовершеннолетних в период рассле-

¹ См., например: Ильяшенко А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды): Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 25, 29, 33; Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85-90; Ильяшенко А.Н. Типология жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье // Общество и право. 2012. № 4. С. 162; Звонов А.В., Пичугин С.А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 13-14; Харламов В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб.: Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу, 2014; Противодействие сексуальной насильственной преступности в семье / А.Н. Ильяшенко, К.В. Самойленко, А.Г. Сапрунов, А.С. Палазян. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015; и др.

² Например: Ральникова Л.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: причины и проявления // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 13 (3). С. 34-41; Ардавов М.М., Яхьяев Т.Л. Делинквентное поведение несовершеннолетних – феномен российской действительности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 6/2. С. 93.

³ Criminal Careers and "Career Criminals". Vol. I. P. 13-14.

дования и судебного разбирательства их уголовных дел. Сложился стереотип, когда реализация комплекса предупредительных мер в отношении ранее совершавшего преступление несовершеннолетнего преступника, в том числе и связанных с оказанием ему необходимой помощи, как правило, начинается только после принятия окончательного процессуального решения по уголовному делу. Поэтому органы, призванные осуществлять предупредительные меры, чаще всего ждут соответствующего процессуального решения, с момента принятия которого они приступают к реализации своей профилактической работы. Получается, что в течение достаточно длительного периода времени, пока идет досудебное и/или судебное производство, несовершеннолетний обвиняемый (подсудимый) может находиться вне комплекса предупредительного воздействия. Например, в Карелии в 2017 г. три подростка совершили 134 преступления, что составило 23 % всех преступлений в районе за год¹. В связи с длительным расследованием уголовного дела, а также отсутствием необходимого комплекса предупредительных мер и контроля за их реализацией эти несовершеннолетние продолжали преступную деятельность, а также вовлекали других подростков в совершение преступлений.

Российские следователи являются представителями (проводниками) преимущественно карательного подхода к предупреждению преступности несовершеннолетних, особенно в отношении НИПов. Н.Ю. Скрипченко по результатам анализа анкетирования правоприменителей пришла к выводу о том, что сотрудники органов следствия и дознания отдают приоритет наказанию и принудительным мерам воспитательного воздействия, нежели механизмам реализации восстановительной медиации².

¹ См.: Петров И., Носатов И. Мелкая уголовщина: дети и подростки совершают всё больше тяжких преступлений. Что делать с ростом криминала среди несовершеннолетних / Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii> (дата обращения: 15.05.2021).

² См.: Скрипченко Н.Ю. Реализация восстановительной медиации в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних (анализ результатов анкетирования правоприменителей Архангельской области) // Медиация как новая технология разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего: оценки эффективности и перспективы развития: сборник статей по материалам Всерос. Науч.-практ. конф., состоявшееся 28 – 29 ноября 2019 г. / Под общ. ред. Я.А. Корнеевой, Н.Ю. Скрипченко, Л.И. Шаховой. Архангельск:

А.В. Варданын верно обращает внимание, что УПК РФ минимизировал полномочия следователя по профилактике преступлений, что связано с отнесением следователя к стороне обвинения¹, тогда как «наделение следователя полномочиями по осуществлению уголовного преследования (как содержания реализуемой им функции обвинения) находится в коррелятивной зависимости с минимизацией полномочий превентивного характера»². Часть 2 статьи 158 УПК РФ предоставляет дознавателю, руководителю следственного органа, следователю право вносить представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона³. Однако принятие указанных мер законодатель связывает с окончанием предварительного расследования. Законодатель говорит о праве, а не соответствующей обязанности должностного лица, что «влечет довольно низкую профилактическую активность субъектов расследования в рамках УПК РФ»⁴.

Следователей способны ввести в заблуждение и встречающиеся в литературе утверждения современных криминалистов о том, «что сфера криминалистической профилактики преступлений существенно отличается от криминологической профилактики»⁵. Однако подобная «существенность» никак не раскрывается, но при этом затушевывается роль криминологической профилактики.

«Специалисты, занимающиеся вопросами ювенальной юстиции, в качестве одной из основных проблем современного российского судопроизводства в отношении несовершеннолетних называют отсутствие в нем системного подхода. Следствием этого является слабое межведомственное взаимодействие и разоб-

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. С. 38-43.

¹ См.: Варданын А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности. С. 169.

² Там же. С. 170.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Варданын А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности. С. 171.

⁵ Игнатъев М.Е. Криминалистическая задача расследования – установление причин и условий, способствующих совершению преступления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2019. Серия: Философия. Социология. Право. № 44 (3). С. 471.

ценность органов и структур, которые включены в судебное производство по делам несовершеннолетних (суд, прокуратура, полиция, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), адвокатура, общественные организации, социальные службы)»¹.

Статья 162 УПК РФ регламентирует срок предварительного следствия по уголовным делам и законодатель не требует его сокращения в отношении несовершеннолетних². На практике с момента совершения несовершеннолетним преступления, возбуждения уголовного дела и его расследования до вынесения судом приговора часто проходит значительный промежуток времени³.

Л.А. Шестакова обоснованно отмечает, что «в отечественной доктрине сформировалось представление об усложненном характере производства по делам несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ), что выражается в дополнительных гарантиях, обеспечивающих охрану прав и законных интересов несовершеннолетних, а также профилактику преступлений»⁴. Усложненный характер производства по делам несовершеннолетних также может приводить к увеличению его сроков.

В свою очередь, в европейских странах снижают сроки для каждой стадии уголовного судопроизводства, чтобы обеспечить максимально быстрое реагирование на преступления несовершеннолетних⁵. Меры по ускорению отправления правосудия и повышению его эффективности сбалансированы с требованиями

¹ Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева С.В., Чибисова М.Ю. Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (континентальные модели ювенальной юстиции). С. 3.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.06.2022).

³ См.: Рубникович М. Цирк и танки: как в России спасают трудных подростков Работают ли программы помощи детям из групп социального риска? / Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/880465/mariia-rubnikovich/tcirk-i-tanki-kak-v-rossii-spasaiut-trudnykh-podrostkov> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 3.

⁵ Recommendation Rec (2003) 20 of the Committee of Ministers to member states concerning new ways of dealing with juvenile delinquency and the role of juvenile justice (Adopted by the Committee of Ministers on 24 September 2003 at the 853rd meeting of the Ministers' Deputies) [Электронный ресурс]. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805df0b3 (дата обращения: 15.05.2021).

обеспечения надлежащей правовой процедуры. Содержание несовершеннолетнего под стражей, как правило, не должно превышать шести месяцев до начала судебного разбирательства. Этот срок может быть продлен только при исключительных обстоятельствах¹. В 2006 г. Конституционный суд ФРГ вынес решение об обязательной силе руководящих принципов или рекомендации в сфере прав человека, принятых органами ООН или Советом Европы².

В свою очередь, в России отмечается противоположная тенденция, связанная с увеличением сроков расследования и судебного разбирательства, которое обосновывается необходимостью защиты прав несовершеннолетних преступников. Так, срок предварительного расследования по делу в отношении несовершеннолетнего З. (4 кражи) составил более 8 месяцев³.

В части 4 статьи 15 Конституции России зафиксировано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»⁴. В своем постановлении № 21-П от 14.07.2015 г. Конституционный Суд РФ провозгласил, что решения ЕСПЧ на территории РФ должны исполняться с учетом верховенства Конституции РФ⁵. С учетом принципа приоритета норм националь-

¹ Recommendation Rec (2003) 20 of the Committee of Ministers to member states concerning new ways of dealing with juvenile delinquency and the role of juvenile justice (Adopted by the Committee of Ministers on 24 September 2003 at the 853rd meeting of the Ministers' Deputies) [Электронный ресурс]. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805df0b3 (дата обращения: 15.05.2021).

² Rechtsprechung – BverfG – 31.5.06 – 2 BvR 1673/04 u.a. – Gesetzliche Grundlage für den Jugendstrafvollzug // Neue Juristische Wochenschrift: NJW. 2006. Vol. 59. No. 29. S. 2093-2097 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2006/05/rs20060531_2bvr167304.html (дата обращения: 15.05.2021).

³ Материалы дела № 1-267/17 Ленинского районного суда г. Краснодара.

⁴ Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 6.

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного

ных конституций в основной закон нашей страны в 2020 г. были внесены соответствующие поправки. В новой редакции ст. 79 имеется положение, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». В части 6 статьи 125 Конституции РФ закреплено положение, что «не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению». Рассмотренная ситуация затрудняет применение в России не только международно-правовых актов в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних, но и различного рода рекомендаций международных органов и организаций.

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях обращает внимание на то, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судам наряду с соблюдением уголовного и уголовно-процессуального законодательства России надлежит учитывать положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов, 1990 г.) и других официальных документов¹. Изложенное требует от практических работников не только знания

процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 15.07.2021).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «Консультант

соответствующих документов, но и их применения.

В частности, требуются умения и навыки, чтобы согласовать и гармонизировать расследование совершенного несовершеннолетним преступления с оказанием на него широкого комплекса мер целенаправленного профилактического воздействия не только со стороны следователя, но и других субъектов. Это воздействие необходимо начинать с момента возбуждения уголовного дела и продолжать его в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Так, в англосаксонской модели ювенальной юстиции личность несовершеннолетнего находится в центре судебного процесса, ей подчинена вся судебная процедура: «Особая роль отводится социальным работникам, педагогам, психологам и врачам. На этапе судопроизводства их деятельность позволяет более полно отразить различные аспекты развития несовершеннолетнего, определить адекватные им законные потребности подростка. После вынесения вердикта деятельность внесудебных структур не заканчивается. Обязательным является сопровождение и индивидуальное отслеживание дальнейшего развития несовершеннолетнего не только в рамках судебного процесса, но и по его окончании»¹.

Л.А. Шестакова справедливо констатирует, что «неурегулированность многих вопросов участия педагогов и психологов в уголовном процессе, способов и средств установления специфических для дел несовершеннолетних обстоятельств, отсутствие специализации следователей и судей приводят к тому, что при формальном соблюдении специфических правил главы 50 УПК РФ, уголовные дела несовершеннолетних фактически и рассматриваются в обычном режиме. Восстановительная, воспитательная и профилактическая составляющие уголовного судопроизводства реализуются неэффективно»².

Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 05.05.2022).

¹ Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г., Бадмаева С.В., Чибисова М.Ю. Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (англосаксонские модели ювенальной юстиции). С. 171.

² Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы. С. 4.

В нашей стране не отработан четкий правовой и организационный механизм, способный регулировать и координировать проведение процессуальных и непроцессуальных мер предупреждения преступлений несовершеннолетних по каждому уголовному делу, а также объединять усилия всех субъектов профилактики. Речь идет как о своевременном и полном установлении и закреплении особенностей личности, имеющих уголовно-правовое значение по уголовному делу, так и обладающих криминологическим значением для последующего оказания на несовершеннолетних преступников профилактического воздействия и оказания ему необходимой психолого-педагогической, медицинской, социальной и иной помощи. О проблемности в этой области говорит тот факт, что Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. только ставит задачу увеличения до 90% в 2025 г. количества несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, которые будут получать социально-психологическую и иную помощь. К сожалению, нарушения психического и иного здоровья у многих несовершеннолетних преступников не выявляются и остаются без лечения.

Е.А. Антонян обращает особое внимание «на изменение самой идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-психотерапевтической работы с личностью»¹.

Следует констатировать, что, несмотря на многочисленные декларации, в России по-прежнему доминируют «карательная парадигма в ювенальной уголовной политике»² и «традиционное репрессивно-превентивное воздействие на преступность средствами уголовно-правового характера»³. Деятельность, направленная на выявление, пресечение и расследование преступлений несовершеннолет-

¹ Антонян Е.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении предупреждения новых преступлений // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Междунар. науч.-практич. конф. (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. Часть 3. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 475.

² Комарницкий А.В. Карательная парадигма в ювенальной уголовной политике России продолжает доминировать // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 87-92.

³ Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Стохастическая модель репрессивно-превентивного воздействия на преступность: от интуиции к расчетам. С. 666.

них носит преимущественно карательный характер и является, по сути, приоритетной по отношению к реабилитационной, связанной с оказанием им необходимой помощи. В.А. Лазарева обоснованно отмечает: «Громоздкость и неповоротливость» современного уголовного судопроизводства, формализм и консерватизм правоприменительной практики превращает механизм правосудия в бездушную машину и позволяет привлекать несовершеннолетних как самую незащищенную категорию лиц к уголовной ответственности за самое незначительное преступление»¹.

Несмотря на устойчивую тенденцию общего снижения официально зарегистрированной преступности несовершеннолетних в нашей стране, остается относительно стабильной доля ранее совершавших преступления и ранее судимых, что свидетельствует о «кризисе уголовного наказания»², неспособности достижения целей наказания: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Нередко на фоне очередного сообщения в СМИ о совершении отдельными несовершеннолетними преступниками большого количества преступлений или выделявшихся повышенной их тяжестью, общественное мнение и политики, основываясь на эмоциях, как в России, так и за рубежом, часто выступают за усиление их уголовной ответственности и/или за снижение минимального возраста

¹ Лазарева В.А. Актуальное исследование (рецензия на: Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 252 с.) // Lex russica (Русский закон). 2017. № (3). С. 217.

² Например: Гишинский Я.И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 72, 73; Гишинский Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1 (6). С. 33-42; Дикаев С.У. «Кризис наказания»: причины и варианты выхода // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1 (6). С. 57-66; Шестаков Д.А. Наказание по Уголовному кодексу России: признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1 (6). С.12; Гишинский Я.И. Демография «заключённости» [Электронный ресурс] // Демоскоп № 361-362 (19.01-1.02 2009). URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/s_map.php. (дата обращения: 25.05.2021); Гишинский Я.И. Криминология сегодня: достижения, проблемы, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 18. С. 66-70; Жестеров П.В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире // Общество и право. 2010. № 5. С.84-86; Милоков С.Ф. Затяжной кризис российской системы наказаний и некоторые пути его преодоления // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / Под ред. Н.А. Лопашенко: Изд-во ФГБУ «Саратовск. гос. юрид. акад.». Саратов, 2014. С. 149-156.

уголовной ответственности¹, не принимая во внимание криминологические выводы, в том числе и призывы сместить акценты с «жесткой борьбы с преступностью» на «разумное правосудие»².

Таким образом, в области предупреждения преступности несовершеннолетних в России, прежде всего НИПов, существует комплекс острых нерешенных проблем. Интенсивное преступное поведение НИПов является наглядным свидетельством «кризиса» наказания и проводимой в отношении них предупредительной деятельности в целом. Необходимо формировать в отношении НИПов последовательную уголовную политику, предполагающую разработку и реализацию на практике системы целенаправленного профилактического воздействия на НИПов посредством специальных программ, обеспечивающих баланс между карательными и реабилитационными задачами, включая оказание НИПам широкого круга мер помощи им. Содействие в повышении эффективности этой работы способен оказать соответствующий зарубежный опыт.

¹ См.: Walter M. Jugendkriminalität in zeitbedingter Wahrnehmung: Der Intensivtäter – empirische Kategorie oder kriminalpolitischer Kampfbegriff // *Recht der Jugend und des Bildungswesens*. 2003. No. 51. S. 272–281; Сараев Н.В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 10; Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности внесут в ГД / РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20120301/583378493.html> (дата обращения: 21.06.2021); Словецкий В. Поколение маленьких убийц / *Свободная пресса*, 17.07.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/society/article/46144/> (дата обращения: 21.06.2021); Литвяк Л.Г. Особенности и характерные черты преступности несовершеннолетних // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 11. С. 107.

² Estelle S.M., Phillips D.C., Smart sentencing guidelines: The effect of marginal policy changes on recidivism // *Journal of Public Economics*. 2018. Vol. 164. P. 270-293.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования была достигнута цель работы и решены поставленные задачи, что позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Отечественная криминология переживает кризис, который отражает назревшую в ней потребность в переосмыслении и обновлении ее парадигмы, т.е. методологических основ, принципов, идеалов, ценностей, средств и норм криминологического научного познания. Кризисное состояние отечественной криминологии негативно сказывается на изучении и предупреждении преступности несовершеннолетних, свидетельствует о невозможности успешного решения имеющихся проблем с использованием прежних методологических подходов. Избранная исследователем методология оказывает существенное влияние на выводы (результаты) исследований.

К числу методологических проблем относятся такие как принятие мультипарадигмальности методологического плюрализма и теоретического многообразия современной криминологии, социально-исторического характера методологического знания, идеалов и норм научного исследования; признание важности теоретико-методологической интеграции различных криминологических теорий в целях преодоления редукционизма и упрощения при объяснении причин преступности и индивидуальных преступлений; признание разнородности (гетерогенности) несовершеннолетних преступников, в том числе по количеству совершаемых ими преступлений; а также наличия многочисленных типов и подтипов несовершеннолетних преступников, разных причинных факторов (этиологии), объясняющих их преступное поведение и т.д.

Изучение и заимствование положительного зарубежного криминологического опыта является одним из возможных путей выхода отечественной криминологии из кризисного состояния. Понятие «зарубежный опыт» следует рассматривать в широком понимании. Сведения о нем должны быть не только знаниево-ориентированными, но и практико-ориентированными. Необходимо снимать

острое противоречие между простой осведомленностью о зарубежном криминологическом знании и необходимостью (целесообразностью) его дальнейшего использования в российских условиях.

В отечественной криминологии все еще доминирует преимущественно отрицательное отношение к зарубежной криминологии и ее результатам. Требуется непредвзятое и всестороннее исследование зарубежного криминологического опыта, поскольку сравнительно-криминологические исследования способствуют развитию отечественных криминологических теорий; позволяют преодолевать их консервацию, изолированность и замкнутость; облегчают решение национальных проблем борьбы с преступностью; не допускают повторения многих ошибок и т.п.

Существенным признаком для группирования несовершеннолетних преступников является индивидуальное количество совершенных преступлений. Значение этого признака проявляется в том, что он позволяет измерять криминальную карьеру несовершеннолетнего, характеризует его личность и степень общественной опасности; является основой для прогнозирования его дальнейшей преступной деятельности, объяснения детерминации преступного поведения, индивидуализации уголовного наказания, разработки специальных мер профилактического воздействия и т.п.

Количество преступлений является не только уголовно-правовой, но и криминологической категорией. Однако это понятие не стало в отечественной криминологии предметом всестороннего исследования. Криминологи по-разному определяют его содержание, нередко ограничивая его уголовно-правовыми конструктами, а также игнорируя различные способы его подсчета. Это приводит к тому, что количество фактически совершенных преступлений часто подменяется числом преступлений, известных правоохранительным органам. Будучи самостоятельной социально-правовой наукой криминология должна разрабатывать собственную научную терминологию, в том числе связанную с определением и операционализацией криминологического понятия «количество преступлений».

Поскольку фактическое и официальное количество преступлений могут не совпадать, криминологические исследования преступности несовершеннолетних

должны учитывать все возможные факты совершения преступлений, даже когда несовершеннолетний может юридически признаваться лицом, впервые совершившим преступление. Криминология должна исходить из существования двух реальностей преступности несовершеннолетних – фактической и юридически установленной; тщательно исследовать их по отдельности и сравнивать полученные результаты, что требует дальнейшего совершенствования криминологических методик изучения фактической и зарегистрированной преступности. Тем самым будет обеспечиваться познание криминологически значимых взаимосвязей между количеством преступлений и личностью несовершеннолетнего преступника.

В современной зарубежной криминологии количество совершенных лицом преступлений рассматривается как одна из важнейших характеристик индивидуальной криминальной карьеры; является самостоятельным объектом криминологических исследований; четко разграничивается на фактически совершенные и зарегистрированные преступления. Изучение официальных источников данных о количестве преступлений дополняется исследованием неофициальных источников (данными самоотчетов преступников, опросами жертв преступлений, сведениями из исправительных учреждений и школ и т.п.). Каждый из указанных подходов к измерению количества преступлений имеет сильные и слабые стороны, но только вместе они способны дать полное представление о преступности.

Существенным недостатком общедоступной официальной российской статистики является отсутствие в ней обобщенных (агрегированных) данных, отражающих точное индивидуальное количество совершенных несовершеннолетними преступлений. Тем самым маскируется важный эмпирический факт, что состав несовершеннолетних преступников крайне неоднороден по индивидуальному количеству совершенных ими преступлений. В свою очередь, за рубежом имеется дифференцированный статистический учет несовершеннолетних преступников, отражающий индивидуальное количество совершенных ими преступлений.

В зарубежной криминологии сформировалась так называемая «парадигма криминальной карьеры (criminal career paradigm)», которая не получила распространения в нашей стране. Указанная теория призвала исследователей изучать

криминальную карьеру в качестве последовательности преступлений, представляющих собой секвенцию (цепочку) связанных действий, в отличие от их учета как отдельных, изолированных событий; выделяла различные элементы криминальной карьеры; предлагала различать криминальную карьеру («criminal career») и карьерного (профессионального) преступника («career criminal»), а также исследовать взаимосвязи между ними.

Будучи количественной теорией преступности, парадигма криминальной карьеры обнажила недостатки прежних исследований, которые сосредотачивались на обобщенных (совокупных) показателях преступности; позволяет исследователям производить тщательный количественный анализ разнообразных элементов индивидуальной криминальной карьеры, устанавливать ее корреляты и причины, модели, траектории развития, различные типологии преступников и т.п. в целях использования полученных знаний для повышения эффективности противодействия преступности.

Можно констатировать, что изучение преступной карьеры российскими криминологами реализуется преимущественно в рамках качественной стратегии, тогда как зарубежными исследователями – в рамках количественной стратегии. Названные подходы (стратегии) взаимосвязаны, их нельзя противопоставлять. Ценность для российских исследователей парадигмы криминальной карьеры заключается в ее способности увеличивать методолого-методический арсенал криминологического исследования интенсивного преступного поведения несовершеннолетних, получать менее субъективные и поддающиеся количественному измерению и сравнению результаты, а также рассматривать и изучать несовершеннолетних интенсивных преступников (НИПов) в качестве одного из приоритетных объектов криминологического изучения и целенаправленного предупредительного воздействия

Индивидуальная частота совершения преступлений рассматривается за рубежом в качестве фундаментальной особенности криминальной карьеры, позволяет в зависимости от величины ее количественных значений четко выделять разные группы низко- и высокоактивных преступников. Прошлая индивидуальная

частота совершения преступлений выступает в качестве важного предсказателя ее будущей частоты.

Проведенный анализ оснований отечественных типологий несовершеннолетних преступников, в отличие от зарубежных, свидетельствует о довольно ограниченном числе тех признаков, которые реально используются отечественными криминологами в качестве типологических признаков.

Зарубежные криминологи, в отличие от российских коллег, выделяют в качестве самостоятельной криминологической группы тех несовершеннолетних, которые отличаются наибольшим индивидуальным количеством совершенных преступлений. В работе предлагается называть их несовершеннолетними интенсивными преступниками (НИПами). Будучи относительно небольшой по численности группой (типом) несовершеннолетних преступников (3-10%), НИПы совершают порядка половины всех преступлений своей возрастной группы, а также существенно отличаются по личностным и иным характеристикам от несовершеннолетних, совершивших меньшее количество преступлений в несовершеннолетнем возрасте, что подтверждает наличие устойчивых взаимосвязей между количеством преступлений и личностью преступника.

Определены следующие основные критерии отнесения несовершеннолетнего к категории несовершеннолетних интенсивных преступников: 1) совершение несовершеннолетним определенного количества преступлений¹; 2) негативный прогноз продолжения несовершеннолетним преступником дальнейшей криминальной карьеры. Указанные критерии представляют собой основные (базовые) признаки, позволяющие сформировать прототип (общее понятие) НИПа, отграничивать НИПов от других групп менее активных несовершеннолетних преступников.

Для установления точного количественного значения первого критерия НИПа в России требуется проведение целенаправленных эмпирических исследований индивидуальных криминальных карьер НИПов. Вторым критерий (негатив-

¹ Согласно результатам многочисленных зарубежных эмпирических исследований, минимальное количество совершенных НИПами преступлений составляет 4-5 деяний.

ный прогноз продолжения криминальной карьеры) относится к области криминологического прогнозирования индивидуального преступного поведения несовершеннолетнего преступника.

Прототип (общее понятие) НИПа охватывает множество конкретных подтипов НИПов, которые различаются между собой по многим другим признакам, в частности, по возрасту начала совершения преступлений, их тяжести, продолжительности, криминальной специализации, наличию или отсутствию нейропсихологических проблем и т.д. Изложенное обуславливает необходимость проведения соответствующих эмпирических исследований в России, направленных на выявление реально существующих подтипов НИПов. Так, среди НИПов выделяется подгруппа наиболее опасных несовершеннолетних, совершающих многочисленные тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе и насильственные.

Необходимо внедрить в отечественную криминологию интегративную теорию двойной таксономии Т. Моффитт, которая интегрировала психобиологические и социологические подходы к объяснению взаимосвязи между возрастом и преступностью, а также признает важную роль как биопсихологических (нейропсихологических), так и социальных факторов при объяснении причин интенсивного антиобщественного и преступного поведения несовершеннолетних. Т. Моффитт отрицает единую (общую) этиологию преступности несовершеннолетних, допускает существование ее различных причин у разных типов несовершеннолетних преступников, а также выдвинула и эмпирически подтвердила идею о существовании двух отчетливых категорий наиболее активных несовершеннолетних преступников, имеющих уникальную этиологию, курс и прогноз развития («устойчивых на протяжении жизни, (life-course persistent)» и «ограниченных подростковым возрастом (adolescence-limited)»).

Проведенное нами изучение развития индивидуальной криминальной карьеры 21 НИПа свидетельствует о гетерогенности их состава, наличии у них большого количества индивидуальных проблем различной природы, обуславливающих разнообразие их личных характеристик, а также необходимость выявления

ния среди них реально существующих подгрупп (подтипов) НИПов.

Современные выводы зарубежной криминологии о том, что нейробиологические и нейропсихологические факторы (нарушения) имеют важную роль в объяснении преступного поведения наиболее активных несовершеннолетних преступников, свидетельствует о необходимости пересмотра отечественными криминологами прежних стереотипов о значении биосоциальных элементов структуры личности несовершеннолетних преступников, а также о необходимости интеграции современных биосоциальных, психологических и социологических подходов при изучении и объяснении причин интенсивного преступного поведения НИПов, а также его предупреждения.

Профилактика преступного поведения несовершеннолетних, имеющих многочисленные формы нейробиологических и/или нейропсихологических проблем, должна начинаться как можно раньше. Чем раньше они и их семьи получают необходимую помощь специалистов, тем выше шансы того, что удастся скорректировать их поведение и избежать проблем в будущем.

Всестороннее изучение личности НИПа в целях дальнейшей профилактики их преступной деятельности предполагает необходимость объединения совместных усилий юристов, психологов, социологов, психиатров, педагогов и представителей других научных специальностей. Только мультипрофессиональные команды способны обеспечить комплексное изучение и формирование целостного профиля НИПа, учитывающего разнообразные особенности его личности, имеющие биосоциальный, психологический, психиатрический, правовой и т.д. характер, а также формировать их различные типологии.

В настоящее время в нашей стране отсутствуют целенаправленные криминологические исследования, связанные с изучением и разработкой специальных мер индивидуального предупреждения в отношении такой адресной группы как НИПы. На федеральном и региональном уровне действует значительное число программ, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних, но ни одна из них не рассматривает в качестве целевой группы НИПов. В лучшем случае, НИПы, находясь в составе других более широких групп несовершенно-

летних преступников (повторных, ранее судимых, освобожденных из воспитательных колоний и т.п.), в определенной степени подвергаются оказываемому на них предупредительному воздействию, которое не всегда является эффективным, а нередко – даже негативным (криминогенным). Российские исследователи целенаправленно не изучают возможные криминогенные эффекты применяемых мер предупреждения преступности несовершеннолетних. В свою очередь, имеется обширный зарубежный практический опыт проведения в отношении НИПов предупредительной деятельности, который должен изучаться, адаптироваться и применяться на практике отечественными криминологами.

Будучи отягощенными большим набором факторов риска развития и укрепления криминальной карьеры, НИПы являются наиболее трудно поддающейся профилактическому воздействию категорией несовершеннолетних преступников. Сам факт их существования ставит под сомнение эффективность ранее применявшегося к ним уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, а также эффективность проводимых в отношении них профилактических мероприятий. Преступная деятельность НИПов является наглядным свидетельством кризиса проводимой в отношении них уголовной политики в целом.

Поскольку НИПы являются относительно немногочисленной группой, совершающей непропорционально большое количество преступлений, постольку концентрация предупредительной деятельности на НИПах способна существенно сократить количество совершаемых ими преступлений, что позволит существенно сокращать преступность несовершеннолетних в целом.

В целях предупреждения интенсивного преступного поведения несовершеннолетних используются два основных подхода: карательный и реабилитационный, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. На практике распространен карательный подход к НИПам. В любом случае, предупредительная деятельность в отношении НИПов требует максимальной концентрации усилий, ресурсов и широкого комплекса согласованных и профессионально реализуемых мероприятий со стороны органов уголовной юстиции, а также иных государственных и общественных структур. Нахождение НИПов в местах лишения

свободы не является препятствием для проведения в отношении них специальных профилактических мер, включающих оказание им необходимой помощи.

Основной формой предупредительной деятельности в отношении НИПов является разработка и реализация специальных целевых программ, учитывающих индивидуальные особенности личности НИПов и их окружения, а также предусматривающих проведение профессиональными мульти-командами специалистов комплекса согласованных мер правового, психологического, педагогического, медицинского и иного характера, направленных на прекращение или снижение их активной преступной деятельности.

Эффективность оказываемой на НИПов предупредительной деятельности зависит от точности, полноты и всесторонности индивидуальной оценки их личности и ее потребностей, максимального учета факторов риска и защитных факторов, задействования возможностей семьи, школы, соседей и другого окружения НИПа, разнообразия способов (программы когнитивно-поведенческой терапии, группового и семейного консультирования, наставничества, обучения социальным навыкам и т.п.) и интенсивности реабилитационного (терапевтического) воздействия со стороны профессиональных исполнителей на личность НИПа и его ближайшего окружения и т.п.

Только мульти-команды под руководством криминологов способны определять баланс между достижением целей уголовного наказания НИПов, рассматриваемых в качестве «преступников», и оказанием им необходимой психологической, медицинской и иной помощи как «пациентов».

Для исключения непреднамеренного криминогенного эффекта, программы предупреждения в отношении НИПов должны иметь достаточную научную и эмпирическую обоснованность, четкую операционализацию, компетентную реализацию, а также обязательную их предварительную независимую проверку. В противном случае имеется реальная опасность реализации профилактических программ, имеющих сомнительное криминогенное значение для целевой группы НИПов или даже способствующих продолжению их преступной деятельности.

Важно отметить, что использование понятия «несовершеннолетний

интенсивный преступник» не должно приводить на практике к стигматизации конкретного несовершеннолетнего преступника со всеми вытекающего из этого негативными последствиями. В противном случае его неправильное применение может способствовать не прекращению, а дальнейшему продолжению несовершеннолетним преступной деятельности.

Реально существующие в нашей стране НИПы представляют собой самостоятельный тип несовершеннолетних преступников и должны подлежать целенаправленному и систематическому криминологическому изучению отечественными криминологами в интересах эффективного предупреждения их дальнейшей преступной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 64 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.
5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 01.04.2019 № 46-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/.
7. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278/.

8. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/.

9. Распоряжение Правительства РФ от 18.03.2021 № 656-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379952/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/.

10. Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2021 - 2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/.

11. Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р (ред. от 25.05.2022) «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249/800ff6eef5f3e50e3bd8c1a99059042f938e26cc/.

Материалы судебной практики

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/.

Научная, учебная и специальная литература

14. Абызов, Р.М. Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников: монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – 236 с.

15. Аванесов, Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 526 с.

16. Адлер, Ю.П., Шпер, В.Л. Практическое руководство по статистическому управлению процессами. – М.: Альпина Паблицер, 2019. – 234 с.

17. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: монография. – М.: Юрлитин-

форм, 2018. – 264 с.

18. Антонян, Ю.М. Психология преступления и наказания: монография / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Проспект, 2018. – 400 с.

19. Антонян, Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. – М., 1974. – 400 с.

20. Антонян, Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Юридический центр. Пресс, 2004. – 366 с.

21. Аристотель. Метафизика. Соч. в 4-х томах, т. 1. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.

22. Бабаев, М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М.: Проспект, 2014. – 296 с.

23. Балли, Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – 394 с.

24. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Стелс, 1995. – 304 с.

25. Бермус, А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. – 336 с.

26. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. – М., 1963. – 376 с.

27. Варыгин, А.Н., Громов, В.Г., Шляпникова, О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учебное пособие для вузов / под ред. А.Н. Варыгина. 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 165 с.

28. Василевский, Л.М. Детская «преступность» и детский суд. – Тверь: Октябрь, 1923. – 194 с.

29. Венар, Ч., Керинг, П. Психопатология развития детского и подросткового возраста (под научн. ред. А. Алексеева). – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 384 с.

30. Гендерная криминология: понятие, структура, содержание / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред.: А.Э. Набатовой, Т.П. Афонченко. – Минск: Экоперспектива, 2020. – 144 с.

31. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. Т. III. Энциклопедия философских наук. Часть третья: Философия духа / пер. Б.А. Фохта. – М.: Госполитиздат, 1956. – 471 с.

32. Гернет, М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). Пособие для статистов и криминалистов. – М.: 14-я государ-

ственная типография, 1922. – 264 с.

33. Гернет, М. Предисловие // Преступный мир Москвы. Сборник статей. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. I–XL.

34. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.

35. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. – Минск: Высшэйшая школа, 1973. – 318 с.

36. Городнянская, В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 318 с.

37. Грэхэм, Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

38. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.

39. Доклад об итогах деятельности Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в 2015 году. – М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2015. – 122 с.

40. Долгова, А.И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. – 195 с.

41. Долгова, А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. – 572 с.

42. Дорская, А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. – СПб.: Астерион, 2021. – 160 с.

43. Дубин, Б.В. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. – 392 с.

44. Забрянский, Г.И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография. – М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2013. – 352 с.

45. Иванов, Л.О., Ильина, Л.В. Пути и судьбы отечественной криминоло-

гии. – М.: Наука, 1991. – 208 с.

46. Игошев, К.Е., Устинов, В.С. Введение в курс профилактики преступлений. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1977. – 93 с.

47. Ильяшенко, А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной среды): Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – 94 с.

48. Ильяшенко, А.Н., Маслов, А.В., Харьковский, Е.Л., Игнатов, Е.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации): пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 94 с.

49. Ильяшенко, А.Н., Самойленко, К.В., Сапрунов, А.Г., Палазян, А.С. Противодействие сексуальной насильственной преступности в семье. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – 170 с.

50. Кабанов, П.А. Современная криминология: структура, методика и тенденции развития: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – 125 с.

51. Кларк, Р. Преступность в США. – М.: Книжная находка, 2002. – 480 с.

52. Кобец, П.Н., Власов, Д.В. Предупреждение рецидивной преступности в России: Монография / Под ред. проф. С. М. Кочои. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 124 с.

53. Комлев, Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. – 302 с.

54. Кондратюк, Л.В. Антропология преступления (микркриминология) / Кондратюк Л.В. – М.: Норма, 2001. – 337 с.

55. Кондратюк, Л.В. Криминологическое измерение / Кондратюк Л.В., Овчинский В.С.; под ред.: К.К. Горяинова К.К. – М.: Норма, 2008. – 272 с.

56. Краев, Д.Ю. Множественность преступлений: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 120 с.

57. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с пра-

вонарушениями в войсках. Учебное пособие / Лунеев В.В.; ред.: Тер-Акопов А.А. – М.: Изд-во Воен. ин-та, 1979. – 77 с.

58. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.

59. Криминология: учебник / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М.: Юрид. лит., 1988. – 384 с.

60. Криминология и социология отклоненного поведения / М. Лайне; пер. с фин. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. – 173 с.

61. Криминология. Пер. с нем. / Шнайдер Г.Й.; Под ред.: Иванов Л.О. (Предисл.); Пер.: Неподаев Ю.А. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.

62. Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер. Перевод с немецкого. Отв. ред. перевода – А.И. Долгова. – М.: Изд-во НОРМА, 1998. – 400 с.

63. Криминология. Учебник для ВУЗов. / Под ред. В.Н. Бурлакова и Н.М. Кролачева. – СПб.: Питер, 2003. – 432 с.

64. Криминология: учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 519 с.

65. Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

66. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, Е.А. Антонян [и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. 7-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 448 с.

67. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М: Наука, 1982. – 287 с.

68. Кудрявцев, В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Организованная преступность и коррупция в России (1997-1999) / РАН. ИНИОН и др. – М: ИНИОН РАН, 2000. – 200 с.

69. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.

70. Кун, Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

71. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность

и её причины. Преступник. Том I. – М.: Юрид. лит., 1985. – 416 с.

72. Лелеков, В.А., Кошелева, Е.В. Ювенальная криминология: учебник. – Воронеж: ВИ МВД России, 2012. – 284 с.

73. Личность преступника и профилактика преступлений / Ю.М. Антонян, О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова [и др.]; ред. Ю.М. Антонян. – М: Проспект, 2017. – 224 с.

74. Лобзяков, В.П., Овчинский, С.С. Административно-правовые меры предупреждения преступности – М.: Юрид. лит., 1978. – 150 с.

75. Лунеев, В.В. Криминология учебник для академического бакалавриата / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 686 с.

76. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Том 1. Общая часть в 3 кн. Книга 3: учебник для магистратуры. – М: Издательство Юрайт, 2018. – 302 с.

77. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. – М.: Норма, 1997. – 525 с.

78. Люблинский, П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки). – М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. – 294 с.

79. Малков, В.П. Множественность преступления и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 173 с.

80. Маркс, К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 723 с.

81. Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. – 696 с.

82. Медведева, Н.Е. Предупреждение краж, совершаемых группами несовершеннолетних: Монография / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 2009. – 118 с.

83. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр., доп. – М.:

Дело, 2001. – 272 с.

84. Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы / Под ред. Н.В. Сероштановой. – М.: АНО «ЦНПРО», 2016. – 81 с.

85. Методология и методы социологического исследования: учебник / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой; С-Петербур. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 388 с.

86. Микешина, Л.А. Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., доп. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.

87. Миньковский, Г.М. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. 2-е изд. перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

88. Михайлова, А.В. Криминология: лекции. – М.: Издательство МИ-ЭМП, 2008. – 115 с.

89. Многократный рецидив преступлений: монография / [авт. кол.: Е.А. Антонян и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна; Федеральная служба исполнения наказаний, Акад. права и управления, Ин-т гуманитарного образования и информационных технологий. – Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 315 с.

90. Молодежь перед вызовами современности: Актуальные проблемы социологических исследований. Предисловие. Молодежь перед вызовами XXI века: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. М.А. Ядова. – М., 2018. – 228 с.

91. Ной, И.С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 224 с.

92. Номоконов, В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение. Под ред. проф.

А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. – 195 с.

93. Ольховик, Н.В., Прокументов, Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 160 с.

94. Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. Сборник научных трудов / Редкол.: Долгова А.И. (Отв. ред.), Мурашова В.П., Серебрякова В.А. – М., 1992. – 96 с.

95. Относительные величины: учебно-методическое пособие / Под ред. В.С. Лучкевича. – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2014. – 56 с.

96. Охрана психического здоровья: проблемы и пути их решения: отчет о Европейской конференции ВОЗ на уровне министров. – Копенгаген: ВОЗ, 2006. – 185 с.

97. Панкратов, Р.И., Тарло, Е.Г., Ермаков, В.Д. Дети, лишённые свободы. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 256 с.

98. Панченко, П.Н. Уголовное право с претензией на статус ценности: В поисках ответа на вопросы настоящего к будущему и будущего монография. – М.: Юриспруденция, 2018. – 496 с.

99. Пережогин, Л.О. Систематика и коррекция психических расстройств у несовершеннолетних правонарушителей и безнадзорных: Монография. – М.: ФГНУ «ЦПВиСППДМ», 2010. – 260 с.

100. Петровский, А.В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи / Науч. ред.: Милуков С.Ф. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 220 с.

101. Писаревская, Е.А. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее профилактика: монография. – Казань: Бук, 2019. – 168 с.

102. Познышев, С.В. Криминальная психология. Преступные типы. – Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 256 с.

103. Потапов, А.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника. – М., Траст, 2007. – 268 с.

104. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. Учебное пособие. – М.: Изд-во Воен. ун-та, 1980. – 137 с.

105. Прокументов, Л.М. Проблемы предупреждения преступности несо-

вершеннолетних. – Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. – 201 с.

106. Прозументов, Л.М., Шеслер, А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие: [для студентов, курсантов, магистров юридических вузов и факультетов]. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 284 с.

107. Радонежский, Д.Н. Малолетние преступники Москвы. По данным Руквишниковского приюта за 1902-1907 годы и Отделения малолетних городского работного дома и Дома трудолюбия за 1908-1909 годы. – Ярославль: Типография губернского правления, 1912.

108. Рахманова, Ю. В. Методы социологического исследования: учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 124 с.

109. Розин, В.М. Основные этапы формирования права в Западной Европе и России: Культурно-исторический и философский анализ. – Saarbrucken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 181 с.

110. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. – М.: КОНТРАКТ, 2014. – 560 с.

111. Санташов, А.Л., Скрипченко, Н.Ю. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних: quo vadis?. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 264 с.

112. Саркисов, Г.С. Социальная система предупреждения преступности. – Ереван, 1975. – 159 с.

113. Сокол, Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы: монография. – Краснодар, 2020. – 174 с.

114. Справочник базовой информации по психическому здоровью, правам человека и законодательству. – Женева: ВОЗ, 2005. – 181 с.

115. Старков, О.В. Криминопенология: Учебное пособие. – М.: Экзамен, 2014. – 480 с.

116. Таганцев, Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1872. – 146 с.

117. Таганцев, Н.С. О повторении преступлений. Исследование. – СПб.:

Типография Правительствующего Сената, 1867. – 296 с.

118. Тулегенов, В.В. Криминальный профессионализм и его выражение в местах лишения свободы (теоретические и методологические аспекты): монография / Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2013. – 147 с.

119. Уткин, В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 240 с.

120. Ферри, Э. Уголовная социология / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М. ИНФРА-М, 2005. – 658 с.

121. Филимонов, О.В. Индивидуальная профилактика преступлений (Правовые проблемы). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 118 с.

122. Фокс, В. Введение в криминологию. – М.: Прогресс, 1985 – 312 с.

123. Харламов, В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. – СПб.: Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу, 2014. – 398 с.

124. Честнов, И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 124 с.

125. Честнов, И.Л. Постнеклассическое правопонимание: монография. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. – 240 с.

126. Честнов, И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: Учеб. пособие. – СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т, 2004. – 96 с.

127. Шеслер, А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности: Учеб. пособие. М-во внутр. дел Рос. Федерации, Тюм. юрид. ин-т. – Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 61 с.

128. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учеб. пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 58 с.

129. Эффективные практики предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних (Опыт реализации программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в субъектах Российской Феде-

рации): информационно-методический сборник. – Пермь, 2015. – 199 с.

130. Яковлев, А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения (социально-психологический аспект). – Горький, Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. – 127 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

131. Абызов, Р.М. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Абызов Равиль Михайлович. – М., 1998. – 43 с.

132. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Антонян Елена Александровна. – М.: МГЮА, 2014. – 41 с.

133. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Антонян Елена Александровна. – М.: МГЮА, 2014. – 353 с.

134. Баженов, А.В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Баженов Александр Владимирович. – СПб., 1999. – 189 с.

135. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ведерникова Ольга Николаевна. – М., 2001. – 405 с.

136. Гитинова, М.Г. Соотношение самооценки и склонности к девиантному поведению у подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Гитинова Марина Гусейновна. – М., 2003 – 24 с.

137. Гуринская, А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Гуринская Анна Леонидовна. – Калининград, 2018. – 46 с.

138. Гуринская, А.Л. Англо-американская модель предупреждения пре-

ступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Гурина Анна Леонидовна. – СПб., 2018. – 555 с.

139. Гут, Ю.Н. Личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Гут Юлия Николаевна. – Белгород, 2014. – 26 с.

140. Демидова-Петрова, Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Демидова-Петрова Елизавета Викторовна. – Казань, 2019. – 625 с.

141. Денисов, Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Денисов Николай Леонидович. – М., 2002. – 194 с.

142. Забелич, А.А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Забелич Антон Александрович. – Рязань, 2013. – 179 с.

143. Иванов, М.В. Сравнительные характеристики подростков-правонарушителей (клинические, социальные и психологические аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Иванов Максим Викторович. – Томск, 2009. – 25 с.

144. Казакова, Д.Р. Несовершеннолетние преступницы, лишённые свободы, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Казакова Диана Рузвельтовна. – Рязань. – 28 с.

145. Касимов, В.О. Возраст преступника как криминологическая проблема: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Касимов Вадим Олегович. – Саратов, 2018. – 231 с.

146. Клейменов, И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Клейменов Иван Михайлович. – Омск, 2015. – 486 с.

147. Коваленок, А.А. Становление принципа идеального единства мира в античной философии (пифагорейцы, Парменид, Платон, Плотин): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Коваленок Алексей Анатольевич. – Нижний Новгород,

2015. – 183 с.

148. Коротких, Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Коротких Наталья Николаевна. – Екатеринбург, 2016. – 39 с.

149. Мжельских, М.К. Репрезентация категории человек в прототипической картине мира (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мжельских Мария Константиновна. – Красноярск, 2018. – 237 с.

150. Пережогин, Л.О. Систематика и коррекция психических расстройств у несовершеннолетних с безнадзорностью и криминальной активностью: автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.01.06 / Пережогин Лев Олегович. – М., 2011. – 32 с.

151. Писаревская, Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних и её предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Писаревская Елена Анатольевна. – Томск, 2006. – 22 с.

152. Садовникова, М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: по материалам Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Садовникова Марианна Николаевна. – Иркутск, 2011. – 30 с.

153. Саламатина, И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Саламатина Ирина Ивановна. – М., 2008. – 370 с.

154. Сараев, Н.В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сараев Николай Вячеславович. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

155. Сипягина, М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сипягина Майя Николаевна. – СПб, 2020. – 160 с.

156. Сморгунова, А.Л. Критическое направление в англо-американской криминологии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сморгунова Анна Леонидовна. – СПб., 2004. – 218 с.

157. Тараленко, К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тараленко Константин Николаевич. – Томск, 2004. – 22 с.

158. Туранский, И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Туранский Игорь Игоревич. – Л., 1991. – 41 с.

159. Федяев, С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива насильственных преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Федяев Сергей Владимирович. – Рязань, 2004. – 201 с.

160. Филиппов, А.Р. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними членами смешанных организованных преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Филиппов Артем Рудольфович. – СПб., 2017. – 254 с.

161. Фоменко, О.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение устойчивого общественно опасного поведения несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фоменко Ольга Николаевна. – Иркутск, 2004. – 24 с.

162. Харламов, В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Харламов Валентин Станиславович. – СПб., 2018. – 718 с.

163. Хачак, Б.Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хачак Бэла Нальбиевна. – Краснодар, 2013. – 203 с.

164. Чапурко, Т.М. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чапурко Татьяна Михайловна. – М., 1998. – 177 с.

165. Шестакова, Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шеста-

кова Любовь Александровна. – Самара, 2015. – 23 с.

166. Шигина, Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шигина Наталья Валерьевна. – М., 2002. – 26 с.

167. Шигина, Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шигина Наталья Валерьевна. – М., 2001. – 177 с.

Статьи

168. Антонян, Е.А., Гришко, Н.А. Безопасность детей в Великобритании и США // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 7. – С. 77–80.

169. Антонян, Е.А. Предупреждение правонарушающего поведения среди несовершеннолетних в современных условиях // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2018 года. В 4 частях. Часть 1 / под общ. ред. А.С. Ханахмедова. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. – С. 12–15.

170. Антонян, Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 9. – С. 112–118.

171. Антонян, Е.А. Совершенствование профилактической работы, направленной на обеспечение безопасности несовершеннолетних // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Материалы конференции: в 5 ч. – Ч. 5. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 335–340.

172. Антонян, Е.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении предупреждения новых преступлений // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. – Часть 3. – М.: РГ-Пресс, 2018. – С. 473–476.

173. Антонян, Ю.М. Личность несовершеннолетнего преступника // Вест-

ник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2013. – № 2 (26). – С. 2–8.

174. Антонян, Ю.М. Понятие преступного поведения / Криминологические проблемы преступного поведения // Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 3–11.

175. Антонян, Ю.М., Красицова, Ю.Ю., Савельева, Т.И. Психотерапевтические возможности исправления осужденных // Человек: преступление и наказание. – 2018. – №3. – С. 331–339.

176. Ардавов, М.М., Яхьяев, Т.Л. Деликвентное поведение несовершеннолетних – феномен российской действительности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 6/2. С. 93–95.

177. Артемов, Д. Ю. Стратегии противодействия незаконному обороту наркотиков // Российская юстиция. – 2007. – № 2. – С. 62–63.

178. Артемьев, Н.С., Забелич, А.А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 1. – С. 32–37.

179. Артемьев, Н.С., Панкратов, В.А. Прогнозирование индивидуального преступного поведения рецидивиста // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4 (95). – С. 50–54.

180. Атаджыкова, Ю.А., Ениколопов, С.Н. Особенности антисоциального поведения детей и подростков: психопатия и черты холодной бесчувственности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2019. – Том 8. – № 3. – С. 16–28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/jmfp/2019/n3/Atadzhykova_nikolopov.shtml.

181. Афанасьева, О.Р., Гончарова, М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 3. – С. 40–49.

182. Бабаев, М.М., Пудовочкин, Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 2 (19). – С. 9–28.

183. Бабаев, М.М., Пудовочкин, Ю.Е. Криминология и уголовное право:

взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2016. – № 4. – С. 40–58.

184. Бабаев, М.М., Пудовочкин, Ю.Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Выпуск 1. – С. 136–148.

185. Бабенко, А.Н. Криминологическая классификация регионов по уровню интенсивности преступности несовершеннолетних (украинский опыт исследования) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 14. – С. 87–91.

186. Бавсун, М.В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1(1). – С. 39–50.

187. Барыльник, Ю.Б., Бачило, Е.В., Филиппова, Н.В., Деева, М.А., Кормилицына, А.С. К вопросу о факторах преступного поведения среди несовершеннолетних с психическими нарушениями // Социальная и клиническая психиатрия. – 2016. – №2. – С. 5–9.

188. Бастрыкин, А.И., Сальников, В.П., Романовская, В.Б., Воронков, К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Том 14. – № 3. – С. 371–378.

189. Беженцев, А.А. Международные нормативно-правовые акты по вопросам предупреждения административных и иных правонарушений несовершеннолетних лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4 (48). – С. 40–47.

190. Беженцев, А.А. Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и перспективы его использования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – №1 (77). – С. 58–64.

191. Бельская, Е.В. Проблема интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского ун-та. – 2004. – № 282. – С. 202–210.

192. Берман, Я.Л. Рецидив в детской преступности // Дети-преступники. Сб. статей с предисловием и под редакцией М.Н. Гернета. – М.: Книгоиздатель-

ство «В.И. Знаменский и К.», 1912. – С. 291–332.

193. Бессчетнова, О.В. Генезис концепции жизненного пути в отечественной и зарубежной науке // *Logos et Praxis*. – 2016. – № 4 (34). – С. 71–80.

194. Бурлаков, В.Н., Полудняков, В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // *Правоведение*. – 2016. – №6 (329). – С. 134–150.

195. Бытко, Ю.И. О некоторых тенденциях современной российской уголовной политики в отношении лиц, неоднократно совершающих преступления // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2017. – № 1. – С. 22–36.

196. Варданян, А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 430. – С. 169–173.

197. Валицкас, Г.К., Гипперейтер, Ю.Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // *Вопросы психологии*. – 1989. – № 1. – С. 49–50.

198. Ведерникова, О.Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // *Российский криминологический взгляд*. – 2005. – № 2. – С.82–91.

199. Ведерникова, О.Н. Современные тенденции развития ювенальной юстиции за рубежом // *Вестник российской правовой академии*. – 2005. – № 2. – С. 68–73.

200. Ведерникова, О.Н. Сравнительная криминология: от прошлого к будущему // *Государство на рубеже веков: мат-лы Всерос. конф.* – М.: Институт государства и права РАН, 2001. – С. 16–17.

201. Гернет, М. Предисловие // *Преступный мир Москвы. Сборник статей*. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. I–XL.

202. Герцензон, А.А. Против биологических теорий причин преступности (очерк второй) // *Вопросы борьбы с преступностью*. – Выпуск 5. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 3–53.

203. Гилинский, Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // *Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт Петербургского кри-*

минологического клуба. – 2003. – № 1 (6). – С. 33–42.

204. Гишинский, Я.И. Демография "заклочённости" // Демоскоп № 361-362 (19.01-1.02 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/s_map.php.

205. Гишинский, Я.И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 70–74.

206. Гишинский, Я.И. Криминология сегодня: достижения, проблемы, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 66–71.

207. Гишинский, Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // Криминалист. – 2010. – № 2. – С. 84–90.

208. Гишинский, Я.И. Проблемы социального контроля над преступностью в современном обществе // Криминалисть. – 2018. – № 4 (25). – С. 4–9.

209. Гишинский, Я.И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 175–180.

210. Гишинский, Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3 (21). – С. 5–14.

211. Главатских, Л.В. Реабилитация личности несовершеннолетних правонарушителей из семей, находящихся в социально опасном положении // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27-28 марта 2014 г.) / под общ. ред. А.В. Волкова, З.П. Замараевой. – Пермь: ОТ и ДО, 2014. – С. 30–32.

212. Гончарова, М.В. Особенности современной криминальной ситуации, связанной с рецидивом корыстных преступлений // Вестник ВИ МВД России. – 2013. – №1. – С. 102–108.

213. Григорьева, А.А., Афонина, Ю.С., Кабанова, Т.Н. Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, со-

циально-психологические и клинко-психопатологические факторы) // Прикладная юридическая психология. – 2018. – №4. С. 49–59.

214. Гродзинский, М.М. Рецидив и привычная преступность // Право и жизнь. – 1923. – Кн. 5/6. – С. 50–68.

215. Гут, Ю.Н., Кабардов, М.К. Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 80–90.

216. Давыдов, Н.А., Аминов, И.И. Криминологическое изучение личности серийного насильственного преступника // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. – Часть 3. – М.: РГ-Пресс, 2018. – С. 596–606.

217. Дегтярева, О.Л., Казаринова, Л.В. Криминальная активность осужденных к альтернативным наказаниям и мерам уголовно-правового характера в структуре преступности Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25 (1–4). – № 3. – С. 434–438.

218. Демидова-Петрова, Е.В. Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках (часть первая) // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1 (22). – С. 36–45.

219. Денисенко, В.В. Деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: проблемы и пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (66). – С. 59–62.

220. Дикаев, С.У. «Кризис наказания»: причины и варианты выхода // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2003. – № 1 (6). – С. 57–66.

221. Добрынин, Н.П. О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики // Журнал Министерства Юстиции. – 1898. – № 3 (Март). – С. 113–152.

222. Дородонова, Н.В. Правовые и организационные основы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России и за рубежом: сравнительный аспект // Мониторинг правоприменения. – 2020. – №1 (34). – С. 22–26.

223. Дородонова, Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 191–97.

224. Дородонова, Н.В., Евстифеева, Е.В., Ильгова, Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 601–608.

225. Дудоров, Т. Д., Тропкин, А.А. Сравнительная криминология и ее значение в условиях глобализации преступности // Глобус: экономика и юриспруденция. – 2019. – №6 (36). – С. 14–17.

226. Евстигнеев, А.М. Современное состояние и основные тенденции повторной преступности несовершеннолетних // Публичное и частное право. – 2015. – № 3 (27). – С. 116–122.

227. Егорова, В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 224–226.

228. Ежов, О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 3. – С. 22–33.

229. Емельянов, А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам Москвы // Дети-преступники. Сб. статей. – М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. – С. 120–231.

230. Жалинский, А.Э. Обновление криминологии // Право и политика. – 2012. – № 5. – С. 828–835.

231. Жестеров, П.В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 84–86.

232. Жижиленко, А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсс-

селе 1900 года (окончание) // Вестник Права. – 1901. – № 4–5. – С. 94–138.

233. Жижиленко, А.А. Меры к исправлению несовершеннолетних рецидивистов // Право. – 1900. – № 21. – С. 1035–1042.

234. Жмуров, Д.В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2014. – № 6. – С. 146–151.

235. Жубрин, Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – №4. – С. 627–637.

236. Забрянский, Г.И. Предупреждение преступности несовершеннолетних: основы концепции государственной политики // Журнал российского права. – М.: Норма, 1997. – № 8. – С. 30–38.

237. Забрянский, Г.И. Рецидивная преступность: взгляд сквозь призму криминологии несовершеннолетних // Рецидивная преступность и пути ее преодоления: материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» (Рязань, 15 апреля 2011 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2011 академия ФСИН России, 2011. – С. 18–32.

238. Забрянский, Г.И. Преступность несовершеннолетних: направленность, сплоченность, устойчивость (взгляд сквозь призму статистики). // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 4 (27). – С. 68–74.

239. Зак, А.И. Характеристика детской преступности // Дети-преступники. Сб. статей. – М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К.», 1912. – С. 79–120.

240. Заляев, М.С. Внедрение ювенальных (восстановительных) технологий в деятельность судов Пермского края // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27 - 28 марта 2014 г.) / под общ. ред. А.В. Волкова, З.П. Замаевой. – Пермь: ОТ и ДО, 2014. – С. 39–41.

241. Зарипов, З. Некоторые подходы к изучению личности современного преступника // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 3 (94).

– С. 39–43.

242. Звонов, А.В., Пичугин, С.А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 2 (22). – С. 11–14.

243. Иванова, А.А. Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 505–514.

244. Игнатъев, М.Е. Криминалистическая задача расследования – установление причин и условий, способствующих совершению преступления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2019. – Серия: Философия. Социология. Право. – № 44 (3). – С. 467–473.

245. Ильяшенко, А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 85–90.

246. Ильяшенко, А.Н. Типология жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье // Общество и право. – 2012. – № 4. – С. 158–163.

247. Ильяшенко, А.Н. Типология лиц, совершивших насильственные преступления в семье // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 19–22.

248. Иншаков, С.М. Парадигма криминологии и уголовная политика // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 3. – С. 312–323.

249. Иншаков, С.М. Криминология в XXI веке // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 3 (46). – С. 36–44.

250. Кабанов, П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Всероссийский криминологический журнал. – 2007. – № 1-2. – С. 25–29.

251. Каркин, Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых (на примере несовершеннолетних юношей 1958 года рождения города Филадельфия) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 112–131.

252. Карпец, И.И., Ратинов, А.Р. Правосознание и причины преступности //

Советское государство и право. – 1968. – № 12. – С. 47–54.

253. Карпова, Ю.С. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Перспективы науки. – 2017. – № 5 (92). – С. 105–112.

254. Карповская, Н.В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) // Научная мысль Кавказа. 2010. – № 1 (61). – С. 176–181.

255. Квашис, В.Е., Генрих, Н.В. Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 108–120.

256. Клеймёнов, И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 134–143.

257. Клейменов, И.М. Криминологическое обеспечение уголовной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Отв. ред. доктор юридических наук, доц. Е.Н. Рахманова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – С. 187–196.

258. Клеймёнов, И.М. Криминология в Великобритании и США // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 147–152.

259. Клейменов, И.М. Понятие и предмет сравнительной криминологии // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 3 (24). – С. 191–196.

260. Клеймёнов, М.П., Клеймёнов, И.М. Престиж криминологии в мире и в России // Всероссийский криминологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 5–13.

261. Кленова, Т.В. Ресоциализация лиц с рецидивом преступлений как социально-правовая проблема // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 25–32.

262. Кобец, П.Н. Комплексное криминологическое исследование особенностей предупреждения преступности в современной Японии // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 556–572.

263. Ковалева, Н.Н. Классификация данных, размещаемых в федеральных

государственных информационных системах субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 3–10.

264. Коленбет, С.А. Социальная работа по профилактике делинквентности несовершеннолетних на Западе (на примере Великобритании) // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 6 (22). – С. 242–244.

265. Комарницкий, А.В. Карательная парадигма в ювенальной уголовной политике России продолжает доминировать // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 4 (39). – С. 87–92.

266. Комлев, Ю.Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – №1 (27). – С. 6–14.

267. Корсаков, К.В. Концепты, категории и понятия современной науки о преступном поведении // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 24–28.

268. Корягина, С.А., Синьков, Д.В. Несовершеннолетние преступники: некоторые современные социально-демографические и нравственно-психологические характеристики // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 3. – С. 73–78.

269. Кострова, М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление», в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – № 8 (Том CV). – С. 741–747.

270. Костюковский, А. Преступность и криминология на рубеже веков: XII Международный Балтийский криминологический семинар // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – № 4. – С. 178–180.

271. Котенко, В.П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 21–25.

272. Крайненко, А.Б. О взаимосвязи мотивационных и ауторегуляторных особенностей несовершеннолетних осужденных // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 13–16.

273. Кругликов, Л.Л. Профессиональные черты преступника и уголовный закон // Человек: преступление и наказание. – 2013. – №2. – С. 51–54.
274. Крюкова, Н.И. Профессиональная преступность: причины, условия и меры предупреждения // Российский следователь. – 2014. – № 15. – С. 28–33.
275. Кудрявцев, В.Н. Методологические вопросы сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения. – М.: ИГиП АН СССР, 1978. – С. 71–78.
276. Кулапова, Т.Ю. Использование зарубежного юридического опыта в условиях совершенствования российской правовой системы // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – Вып. 13. – С. 82–90.
277. Куликов, А.В., Хибнерс, Ю.А. Зарубежный опыт применения конфискации имущества (сравнительно-правовой анализ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 4. – С. 43–50.
278. Купченко, В.Е., Ратанина, О.В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2016. – № 2. – С. 36–41.
279. Куфаев, В.И. Повторные правонарушения несовершеннолетних // Право и Жизнь. – М., 1923. Кн.1. – С. 36–40.
280. Куфаев, В.И. Рецидивисты (Повторно-обвиняемые) // Преступный мир Москвы. Сборник статей. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 3–45.
281. Лазарева, В.А. Актуальное исследование (рецензия на: Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 252 с.) // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № (3). – С. 214–218.
282. Лазарева, О.В. История осмысления категории количественности в философии языкознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 4. – С. 12–22.

283. Лебедев, С.А. Парадигмы методологии науки // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2017. – № 3 (07). – С. 94–102.
284. Лебедев, С.А. Парадигмы методологии науки и методологическая культура ученого // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 7 (57). – С. 1–11.
285. Лелеков, В.А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник ВИ МВД России. – 2014. – №4. – С. 15–23.
286. Лелеков, В.А., Кошелева, Е.В. О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 87–95.
287. Литвяк, Л.Г. Особенности и характерные черты преступности несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 11. – С. 107–110.
288. Лифинцев, Д.В., Серых, А.Б., Лифинцева, А.А. Помогающие отношения в теории и практике социальной работы (на материалах зарубежных исследований) // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2 (30). – С.38–45.
289. Лунеев, В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. – 1993. – № 5. – С. 3–19.
290. Ляпина, О.А. Уголовная превенция в Германии (обзор 19 немецкого дня превенции (12-13 мая 2014 г. , Karlsruhe)). Часть 1. // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – С. 14–25.
291. Магомедов, М.Г. К вопросу о содержании государственной политики России в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4 (79). – С. 117–120.
292. Максимов, С.В., Васин, Ю.Г., Утаров, К.А. Стохастическая модель репрессивно-превентивного воздействия на преступность: от интуиции к расчетам // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 6. – С. 665–680.
293. Малков, В.Д., Мацкевич, И.М. Глава 19. Рецидивная и профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – С. 382–401.

294. Малков, В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 4. – С. 179–192.
295. Маслова, О.И., Баранов, А.А., Намазова-Баранова, Л.С., Каркашадзе, Г.А., Мамедьяров, А.М., Лазарев, М.Л., Мурадова, О.И., Константиныди, Т.А., Аникин, А.В., Кузенкова, Л.М., Лазуренко, С.Б., Немкова, С.А., Ильин, А.Г. Современные аспекты изучения когнитивной сферы в развитии ребенка // Педиатрическая фармакология. – 2012. – Т. 9. – №. 6. – С. 72–78.
296. Мацкевич, И.М. Геометрия уголовного закона // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 9. – С. 9–22.
297. Мацкевич, И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 408–411.
298. Мацкевич, И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. – 2013. – № 19. – С. 24–31.
299. Мацкевич, И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – № 3. – С. 524–541.
300. Мезенина, М.В., Соболева, Л.А. Восстановительный подход в системе дружественного детям правосудия // Внедрение инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Пермь, 27-28 марта 2014 г.) / под общ. ред. А.В. Волкова, З.П. Замараевой. – Пермь: ОТ и ДО, 2014. – С. 71–73.
301. Мельникова, Ю., Алиев, Н. Понятие множественности преступлений // Советская юстиция. – 1981. – № 12. – С. 23–24.
302. Мешко, Г., Воронин, В.Н. Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 695–706.
303. Милуков, С.Ф. Затяжной кризис российской системы наказаний и некоторые пути его преодоления // Противодействие современной преступности:

проблемы теории и практики / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Изд-во ФГБУ «Саратовск. гос. юрид. акад.». – 2014. – С. 149–156.

304. Милюков, С.Ф. Существует ли особо опасный тип несовершеннолетнего преступника? // Преступность несовершеннолетних и её профилактика: материалы Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 мая 2020 года / под общ. ред. В.Ю. Сморгуновой, С.У. Дикаева. – СПб.: «Печатный Цех», 2021. – С. 35–39.

305. Милюков, С.Ф., Лихобабина, М.В. Нетривиальные подходы к оценке общественной опасности несовершеннолетнего преступника // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 мая 2021 года / под. общ. ред. Дикаева С.У. – СПб.: «Печатный Цех», 2021. – С. 23–29.

306. Нечепуренко, А.А., Бабурин, В.В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2018. – № 430. – С. 67–79.

307. Миньковский, Г.М. Разработка оснований классификации личности преступника и значение этой классификации для совершенствования мер борьбы с преступностью // Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений. – М: ВНИИ Прокуратуры Союза ССР Москва, 1979. – С. 5–7.

308. Новикова, Ю.В. Влияние криминальной субкультуры на мотивацию несовершеннолетних преступников-рецидивистов // Санкт-Петербургский университет МВД России. – 2009. – № 1 (41). – С. 90–95.

309. Номоконов, В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 438–446.

310. Номоконов, В.А. Парадигмы криминологии // Известия высших учебных заведений. Серия Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 106–110.

311. Нугаев, Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной

рациональности // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 45–54.

312. Ольховик, Н.В., Прозументов, Л.М. Рецидив преступлений в уголовном праве и криминологии // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. – С. 64–67.

313. Ошевский, Д.С., Дозорцева, Е.Г., Бадмаева, С.В., Чибисова, М.Ю. Социальные и психологические аспекты уголовного ювенального правосудия в мировой практике (континентальные модели ювенальной юстиции) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. Том 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53454.shtml (дата обращения: 16.07.2021).

314. Панкратов, В.В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. – Выпуск 46. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 29–34.

315. Пархоменко, Д.А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 69–77.

316. Пархоменко, Д.А., Бычков, А.В. Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 741–747.

317. Перемолотова, Л.Ю. Специфические черты современной рецидивной преступности // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2020. – № 20. – С. 131–135.

318. Писаревская, Е.А. К вопросу о понятии «криминологический рецидив несовершеннолетних преступников» и учете его характеристик // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (39). – С. 49–52.

319. Письмо из Мюнхена (Доклад Франца ф. Листа в юридическом обществе) // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1899. – № 14 (4 апреля). – С. 718–721.

320. Поклад, В.И. О социальной функции криминологии и о кризисе глобализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 36–44.
321. Почебут, Л.Г., Чикер, В.А., Волкова, Н.В. Методологические основы изучения социального капитала организации: парадигмы и обоснование понятия // Организационная психология, 2020. Т. 10. № 1. С. 14–28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orgpsyjournal.hse.ru>.
322. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – №3. – С. 369-384.
323. Прокументов, Л.М. Система предупреждения преступности несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Правовые проблемы укрепления российской государственности: [сб. ст.] / ред. С.А. Елисеев, В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Ч. 47. – С. 122–124.
324. Прохорова, М.Л., Лупарев, Е.Б., Горенко, М.Г. Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (77). – С. 40–46.
325. Пудовочкин, Ю.Е., Бабаев, М.М. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 109–115.
326. Пудовочкин, Ю.Е., Бабаев, М.М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 137–150.
327. Пудовочкин, Ю.Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2017. – № 3 (243). – С. 82–91.
328. Пудовочкин, Ю.Е. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Уголовное право. – 2021. – № 3. – С. 17–33.
329. Ракитов, А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ракитов А.И.; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Центр информатизации, социал., технол. исслед. и науковед. анализа. – М.,

2003. – С. 6–30.

330. Ральникова, Л.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: причины и проявления // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2015. – № 13 (3). – С. 34–41.

331. Репецкая, А.Л. Криминальный профессионализм постсоветского периода: трансформация признаков и ее детерминация // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4 (9). – С. 228–235.

332. Репецкая, А.Л. Характеристика трансформаций криминальных профессий постсоветского периода // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4 (79). – С. 56–60.

333. Родионова, С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб., 2005. – С. 150–168.

334. Романов, А.А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как актуальное направление реализации государственной идеологии // Право: ретроспектива и перспектива. – 2021. – №3 (7). – С. 73–78.

335. Рудый, Н.К., Шильников И.А. Профилактика и детерминанты рецидивной преступности среди осужденных, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: региональный аспект // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 6. – С. 31–33.

336. Садовникова, М.Н. Зарубежный опыт ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Всероссийский криминологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 38–44.

337. Садовникова, М.Н., Мокеев, И.Р. Лишение свободы несовершеннолетних: некоторые вопросы эффективности // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4. С. 46–52.

338. Сандакова, М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 4. – С. 217–226.

339. Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира

(цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 423–430.

340. Скрипченко, Н.Ю. Проблемы реализации восстановительной медиации по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии»: сборник материалов Второй Междунар. науч.-практ. конф., 8–10 октября 2020 г. / под науч. ред. В.В. Коврова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 142–148.

341. Скрипченко, Н.Ю. Реализация восстановительной медиации в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних (анализ результатов анкетирования правоприменителей Архангельской области) // Медиация как новая технология разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего: оценки эффективности и перспективы развития: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 28–29 ноября 2019 г. / Под общ. ред. Я.А. Корнеевой, Н.Ю. Скрипченко, Л.И. Шаховой. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. – С. 38–43.

342. Смирнов, Л.Б. Кризис европейской постмодернистской уголовной и уголовно-исполнительной политики и его последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 2 (41). – С. 55–61.

343. Сокол, Е.В., Сокол, Ю.В. О необходимости гендерного подхода в уголовной политике // Общество и право. – 2015. – №2 (52). – С. 87–92.

344. Сокол, Ю.В. «Kurve krieges» - программа предупреждения преступности несовершеннолетних в Северном Рейне-Вестфалии (ФРГ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 264–268.

345. Сокол, Ю.В. Архаичность психологической теории вины в уголовном праве // Общество и право. – 2020. – № 1. – С. 27–31.

346. Сокол, Ю.В. Гендерная дискриминация в России и за рубежом // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6. – Часть II. – С. 12–14.

347. Сокол, Ю.В. Зарубежный опыт криминологических исследований несовершеннолетних интенсивных преступников // Сборник научных трудов по материалам II Международного Фестиваля саратовской юридической науки, Саратов, 20-21 апреля 2017 г. / [под ред. Е.В. Вавилина, И.В. Швецово]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ООО «Научная книга», 2017. – С. 892–894.

348. Сокол, Ю.В. К вопросу о достоверности статистических показателей убийств // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 42–46.

349. Сокол, Ю.В. Немецкий опыт профилактики преступности несовершеннолетних интенсивных преступников // Актуальные вопросы науки и практики: материалы V Международной науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 13 апр. 2017 г.: в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. I. – С. 361–364.

350. Сокол, Ю.В. Несовершеннолетние интенсивные преступники как криминологическая категория // Общество, государство, право: тенденции и перспективы развития: материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 21–22 октября 2016 г. / БГУ, Юридический фак.; редкол.: Т.А. Червякова (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2017. – С. 214–215.

351. Сокол, Ю.В. О содержании понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника // Юрист-Правоведь. – 2021. – № 3 (98). – С. 108–114.

352. Сокол, Ю.В. Особенности борьбы с преступностью несовершеннолетних интенсивных преступников в Германии // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. II. – С. 313–316.

353. Сокол, Ю.В. Особенности личности несовершеннолетнего интенсивного преступника // Актуальные вопросы науки и практики [Электронный ресурс]: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 12 апр. 2018 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, С.С. Киселев, Н.В. Агаронова,

К.В. Вишневецкий, А.В. Герасимов, А.С. Данильян, Л.В. Карнаушенко, Д.В. Карабаш, И.В. Мятченко, С.В. Пахомов, С.Ф. Самойлов, А.Б. Сизоненко, И.Н. Старостенко, А.А. Таганова, А.Б. Цукахин, А.С. Шиенкова. – Электрон. Дан. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 1103–1107.

354. Сокол, Ю.В. Особенности повторной преступности несовершеннолетних в Краснодарском крае и Российской Федерации // Общество и право. – 2020. – № 4. – С. 29–33.

355. Сокол, Ю.В. Парадигма криминальной карьеры в зарубежной криминологии // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 48–52.

356. Сокол, Ю.В. Понятие несовершеннолетних интенсивных преступников в Германии // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 132–135.

357. Сокол, Ю.В. Проблема учета многократной преступности несовершеннолетних // Общество и право. – 2021. – № 1. – С. 15–19.

358. Сокол, Ю.В. Чувство вины у несовершеннолетних, содержащихся в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Электронный ресурс. 2019. С. 226–231.

359. Станек, Ю. Право и нейронаука - точки пересечения // Правоведение. – 2017. – № 4 (333). – С. 20–37.

360. Судакова, Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Том 11. – № 4. – С. 656–665.

361. Сухов, А.Н. Криминальная карьера: дискуссионный аспект // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 15–17.

362. Тарновский, Е.Н. Статистические сведения об осужденных за повторение преступлений (1901-1905 гг.) // Журнал министерства юстиции. – 1909. – № 2 (Февраль). – С. 58–99.

363. Татьянченко, Н.П. Личностные детерминанты в формировании девиа-

нтного поведения у студентов техникума // Психолог. – 2018. – № 4. – С. 38–45.

364. Терехин, В.И., Чернышов, В.В. Криминальный потенциал рецидивных преступлений: экономическое измерение // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 122–128.

365. Терехин, В.И., Чернышов, В.В. Статистический анализ и прогнозирование рецидивных преступлений // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2 (93). – С. 16–21.

366. Титаев, К.Д., Скугаревский, Д.А., Кнорре, А.В., Кудрявцев, В.Е., Шклярчук, М.С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 91–101.

367. Урысон, Е.В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 347–356.

368. Утевский, Б.С. Возраст и грамотность рецидивистов // Современная преступность. Выпуск II. Социальный состав, профессии, возраст, грамотность. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1930. – С. 74–87.

369. Утевский, Б.С. Преступность и рецидив // Современная преступность. – Выпуск I (преступление, пол, репрессия, рецидив). – М.: Изд-во НКВД, 1927. – С. 32–34.

370. Федоров, А.Ф. Особенности личностных качеств осужденных при рецидиве преступлений // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 155–158.

371. Федотова, Е.Н. Современное состояние практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 6 (229). – С. 32–44.

372. Филимонов, В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 40–45.

373. Филиппова, О.В. Криминологические аспекты профессиональной преступности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2016. – № 01. – С. 132–135.

374. Харламов, В.С. Оптимизация расчетов в криминофамилистике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). – С. 76–82.

375. Харламов, В.С., Смирнов, Л.В. Личность постпенитенциарного рецидивиста // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 143–152.

376. Харламов, В.С., Смирнов, Л.В. Типология личности постпенитенциарного рецидивиста // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27. – № 1 (80). – С. 10–15.

377. Хисамутдинов, Ф.Р., Шалагин, А.Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 3 (21). – С. 32–37.

378. Цай, К.А. Уголовно-правовые парадигмы и их роль в развитии российской уголовно-правовой политики (на примере членства России в Совете Европы) // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11 (72). – С. 142–151.

379. Цыганков, А.Ю., Грошев, А.В. Актуальные предложения по решению проблемы рецидивной преступности в Российской Федерации // Актуальные вопросы политики и права. – 2018. – Т. 1. – № 6 (22). – С. 746–749.

380. Чиркина, Р.В. Развитие системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия: модели анализа, научные подходы и успешные практики // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 156–167.

381. Чиркина Р.В., Галушкин А.А. Удержание несовершеннолетних от повторных преступлений // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2012. – № 4. – С. 123–133.

382. Шелухин, Н.Л., Шелухин, А.Н. О целесообразности введения в юридических вузах специализации по криминологии и профилактике преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 707–717.

383. Шеслер, А.В. Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 3 (40). – С. 133–135.

384. Шеслер, А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 193–205.

385. Шеслер, А.В. Отзыв о диссертации И.М. Клейменова «Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 847–854.

386. Шестаков, Д.А. Наказание по Уголовному кодексу России: признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт Петербургского криминологического клуба. – 2003. – № 1 (6). – С. 11–33.

387. Шиловская, А.Л., Ситдикова, Л.Б. Использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 141–151.

388. Шипунова, Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – № 4. – Т. 5. – С. 112–128.

389. Шкурко, Ю.С. Инкорпорирование идей нейронауки в социологию: как преодолеть разрыв между "биологическим" и "социальным"? // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Том XX. – № 2 (90). – С. 22–39.

390. Шуточкина, А.С., Фастович, Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // Universum: экономика и юриспруденция. – 2019. – №5 (62). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/7126> (дата обращения: 26.07.2021).

391. Щедрин, Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 9 (142). – С. 39–53.

392. Щербакова, Л.М., Губжокова, Д.Р., Панченко, А.С. Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 69–75.

393. Эминов, В.Е., Антонян, Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 107–112.

394. Эминов, В.Е. К вопросу о профилактике правонарушений // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения): сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 16 октября 2015 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [под науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. И.А. Васькина, Н.А. Кулакова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – С. 53–55.

395. Юревич, А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. – 2007. – Том 2. – Выпуск 3. – С. 3–17.

Иностранная литература

396. A Sourcebook: Serious, Violent, and Chronic Juvenile Offenders / ed. by J.C. Howell, B.A. Krisberg, J.D. Hawkins, J.J. Wilson. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.

397. Abrahamse, A., Greenwood, P.W. Selective incapacitation. Rand report R-2815-NIJ. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1982. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R2815.pdf>.

398. Abschlussbericht. Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein-Westfalen. – Düsseldorf/Berlin, 2016.

399. Agnew, R. Toward a unified criminology. – NY: New York University Press, 2011.

400. Albrecht, H.-J., Kriminelle Karriere // Kleines kriminologisches Wörterbuch / G. Kaiser, H.J. Kerner, F. Sack., H. Schellhoss. 3. Auflage. – Heidelberg, 1993.

401. Assink, M., van der Put, C.E., Hoeve, M., de Vries, S.L., Stams, G.J., Oort, F.J. Risk factors for persistent delinquent behavior among juveniles: A meta-analytic

review // *Clinical psychology review*. – 2015. – Vol. 42. P. 47–61.

402. Avi-Itzhak, B., Shinnar, R. Quantitative models in crime control // *Journal of Criminal Justice*. – 1973. – Vol. 1. – Iss. 3. – P. 185–217.

403. Backes, U., Haase, A.-M., Logvinov, M., Mletzko, M., Stoye, J. Rechts motivierte Mehrfach- und Intensivtäter in Sachsen. Berichte und Studien Nr. 69. 1. Auflage. – Göttingen: V&R unipress, 2014.

404. Baglivio, M.T., Jackowski, K., Greenwald, M.A., Howell, J.C. Serious, Violent, and Chronic Juvenile Offenders // *Criminology and Public Policy*. – 2014. – Vol. 13. – Iss. 1. – P. 83–116.

405. Barak, G. Integrative theories // *Encyclopedia of crime and punishment* / ed. by D. Levinson. – Thousand Oaks, Ca.: Sage Publications, 2002. – P. 905–908.

406. Barnett, A., Lofaso, A.J. Selective incapacitation and the Philadelphia Cohort data // *Journal of Quantitative Criminology*. – 1985. – Vol. 1. – P. 3–36.

407. Bartz, S. Die besondere polizeiliche Erfassung von "Intensivtätern". – Berlin: mbv, Mensch- und Buch-Verl, 2008.

408. Bericht der Enquetekommission zur Erarbeitung von Vorschlägen für eine effektive Präventionspolitik in Nordrhein-Westfalen. – Landtag NRW, März 2010.

409. Bericht der Gemeinsamen Projektgruppe der UA FEK [Unterarbeitsgruppe Führung, Einsatz, Kriminalitätsbekämpfung], der AG Kripo und der Justiz zur «Intensivierung der Bekämpfung von Mehrfach- und Intensivtätern», Beschluss des Arbeitskreises II «Innere Sicherheit». – Koblenz, 2003.

410. Bernard, T.J. A theoretical approach to integration // *Theoretical Integration in the study of deviance and crime: Problems and prospects* / ed. by S.F. Messner, M.D. Krohn, A.E. Liska. – Albany, NY: SUNY Press, 1989. – P. 137–160.

411. Bernard, T.J., Snipes, J.B. Theoretical integration in criminology // *Crime and Justice*. – 1996. – Vol. 20. – P. 301–348.

412. Bliesener, T. Der Umgang mit jungen Mehrfach- und Intensivtätern - Probleme der Definition, Prävention und Intervention // *Bewährungshilfe*. – 2010. – Jahrgang 57. – Heft 4. – S. 357–371.

413. Bliesener, T. Gewalttätige Jugendliche - Evaluation von Maßnahmen der

Jugendstrafrechtspflege: Soziale Trainingskurse, Anti-Aggressions- bzw. Anti Gewalt-Trainings // Berliner Forum Gewaltprävention. – 2010. – Jahrgang 12. – Nr. 41. – S. 149–155.

414. Bliesener, T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter - Definitionen, Hintergründe und Konzepte der Prävention // Zeitschrift für soziale Strafrechtspflege. – 2009. – Nr. 46. – S. 13–21.

415. Bliesener, T. Persistent juvenile offenders // Antisocial behaviour and crime: contributions of developmental and evaluation research to prevention and intervention / ed. by T. Bliesener T. A. Beelmann, M. Stemmler. – Hogrefe Publishing, 2012. – P. 53–68.

416. Bliesener, T., Glaubitz, C., Hausmann, B., Klatt, T., Riesner, L. Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen" – Abschlussbericht der Wirkungsevaluation. Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Januar 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kfn.de/wp-content/uploads/downloads/Abschlussbericht%20Wirkungsevaluation_240215.pdf.

417. Bliesener, T., Riesner, L. Evaluation der polizeilichen Kriminalprävention bei Mehrfach- und Intensivtätern in NRW // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. – 2012. – Nr. 6. – S. 111–118.

418. Block, C.R., Blokland A.A.J., van der Werff C. van Os R., Nieuwbeerta P. Long-Term Patterns of Offending in Women // Feminist criminology. – 2010. – Vol. 5. – Iss. 1. – P. 73–107.

419. Block, T, Brettfeld, K, Wetzels, P. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter in Hamburg. Neue Wege zur Beschreibung eines alten Problems // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. – 2009. – Heft 2. – S.129–140.

420. Blokland, A.A.J. Crime over the lifespan: Trajectories of criminal behaviour in Dutch offenders. – Netherlands Institute for the Study of Crime and Law Enforcement: Leiden University, 2005.

421. Blumstein, A. Analysis of Criminal Careers (From Punishment, Places and Perpetrators: Developments in Criminology and Criminal Justice Research, P. 215-231, 2004, Gerben Bruinsma, Henk Elffers, et al., eds. -- See NCJ-206450) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/analysis-criminal-careers-punishment-places-and-perpetrators>.

422. Blumstein, A. From Incapacitation to Criminal Careers // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 2016. – Vol. 53 (3). – P. 291–305.

423. Blumstein, A., Cohen, J., Farrington, D. Criminal career research: its value for criminology // *Criminology*. – 1988. – Vol. 26 (1). – P. 1–35.

424. Boers, K. Delinquenz im Altersverlauf // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. – 2019. – Vol. 102. – No. 1. – S. 3–42.

425. Boers, K. Kontinuität und Abbruch persistenter Delinquenzverläufe // *Jugendliche Mehrfach- und "Intensivtäter". Entwicklungen, Strategien, Konzepte* / Hrsg. G. Bindel-Kögel, K.M. Karliczek. – Münster: LIT, 2009. – S. 41–86.

426. Bouchard, J., Wong, J.S. Examining the effects of intensive supervision and aftercare programs for at-risk youth: A systematic review and meta-analysis // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2018. – Vol. 62 (6). – P. 1509–1534.

427. Brückner, L. Junge Intensivtäter - Strategien der Polizei // *Berliner kriminologische Studien*. Bd. 8: *Jugendliche Mehrfach- und "Intensivtäter". Entwicklungen, Strategien, Konzepte* / ed. by G. Bindel-Kögel. – Berlin, 2009. – S. 131–141.

428. Bushway, S. Life-course-persistent offenders // *Oxford handbook of criminological theory* / ed. by F. Cullen, P. Wilcox. – NY: Oxford University Press, 2013.

429. Bushway, S., Piquero, A., Broidy, L., Cauffman, E., Mazerolle, P. An empirical framework for studying desistance as a process // *Criminology*. – 2001. – Vol. 39 (2). – P. 491–513.

430. Canela-Cacho, J., Blumstein, A., Cohen, J. Relationship between the offending frequency (λ) of imprisoned and free offenders. *Criminology*. – 1997. – Vol. 35 (1). – P.133–171.

431. Carlisi, C.O., Moffitt, T.E., Knodt, A.R., Harrington, H., Ireland, D., Melzer, T.R., Poulton, R., Ramrakha, S., Caspi, A., Hariri, A.R., Viding, E. Associations between life-course-persistent antisocial behaviour and brain structure in a population-representative longitudinal birth cohort // *The Lancet Psychiatry*. – 2020. – Vol. 7.

– Iss. 3. – P. 245–253.

432. Carrington, P., Matarazzo, A., de Souza, P. Court Careers of a Canadian Birth Cohort. – Ottawa: Statistics Canada, Canadian Centre for Justice Statistics, 2005.

433. Chen, F.R., Jaffee, S.R. The heterogeneity in the development of homotypic and heterotypic antisocial behavior // *Journal of Development and Life Course Criminology*. – 2015. – Vol. 1. – Iss. 3. – P. 269–288.

434. Cherney, A. Beyond Technicism: Broadening the ‘What Works’ Paradigm in Crime Prevention // *Crime Prevention and Community Safety*. – 2002. – Vol. 4 (3). – P. 49–59.

435. Choy, O., Raine, A., Portnoy, J., Rudo-Hutt, A., Gao, Y., Soyfer, L. The mediating role of heart rate on the social adversity-antisocial behavior relationship: A social neurocriminology perspective // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 2015. – Vol. 52. – No. 3. – P. 303–341.

436. Cohen, M.A., Piquero, A.R. New evidence on the monetary value of saving a high risk youth // *Journal of Quantitative Criminology*. – 2009. – Vol. 25 (1). – P. 25–49.

437. Cohen, P. Genetic Basis for Crime: A New Look [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2011/06/20/arts/genetics-and-crime-at-institute-of-justice-conference.html?seid=auto&smid=tw-nytimes&pagewanted=print>.

438. Conwell, C. *The Professional Thief: by a Professional Thief / Annotated and Interpreted by Edwin H. Sutherland*. – Chicago: University of Chicago Press, 1937.

439. *Criminal Careers and "Career Criminals"* / ed. by A. Blumstein, J. Cohen, J.A. Roth, C.A. Visher. – Washington, DC: The National Academies Press, 1986. – Vol. I.

440. *Criminal Careers and "Career Criminals"* / ed. by A. Blumstein, J. Cohen, J.A. Roth, C.A. Visher. – Washington, DC: The National Academies Press, 1986. – Vol. II.

441. Cullen, F., Pratt, T.C., Turanovic, J.J. The failure of swift, certain, and fair supervision: Choosing a more hopeful future // *Perspectives*. – 2017. – Vol. 41 (3). – P. 66–78.

442. Cullen, F.T. Beyond adolescence-limited criminology: choosing our future.

The American society of criminology 2010 Sutherland address // *Criminology*. – 2011. – Vol. 49. – Iss. 2. – P. 287–330.

443. Dalteg, A., Levander, S. Twelve thousand crimes by 75 boys: A 20-year follow-up study of childhood hyperactivity // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. – 1998. – Vol. 9. – P. 39–57.

444. DeLisi, M. The Moffittization of Criminology // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2013. – Vol. 57 (8). – P. 911–912.

445. DeLisi, M., Piquero, A.R. New frontiers in criminal careers research, 2001–2011: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. – 2011. – Vol. 39. – P. 289–301.

446. Dünkler, F., Pruin, I. Young adult offenders in juvenile and criminal justice systems in Europe // *Young Adult Offenders. Lost in Transition? Cambridge Criminal Justice Series*. 1st Ed. – Oxon, NY: Routledge Taylor and Francis Group, 2012.

447. Eme, R. Life course persistent antisocial behavior silver anniversary // *Aggression and Violent Behavior*. – 2020. – Vol. 50. – P. 101344.

448. Eme, R. Life-course-persistent antisocial behavior // *Journal of Forensic Psychology*. – 2016. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 1–4.

449. Eme, R. Male life-course-persistent antisocial behavior: the most important pediatric mental health problem // *Archives of pediatrics and adolescent medicine*. – 2010. – Vol. 164. – No. 5. – P. 486–487.

450. Endres, J., Breuer, M.M., Stemmler, M. "Intention to treat" oder "treatment as received" - der Umgang mit Abbrechern in der Forschung zu Straftäterbehandlung: Methodische Überlegungen und Beispiele aktueller Studien // *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*. – 2016. – No. 10 (1). – S. 45–55.

451. Erickson, M.L. Delinquency in a Birth Cohort: A New Direction in Criminological Research // *Journal of Criminal Law and Criminology*. – 1973. – Vol. 64. – Iss. 3. – P. 362–367.

452. Estelle, S.M., Phillips, D.C., Smart sentencing guidelines: The effect of marginal policy changes on recidivism // *Journal of Public Economics*. – 2018. – Vol. 164. – P. 270–293.

453. Evidenzbasierte Prävention von Kriminalität und Extremismus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nzkrim.de/evidenzbasierte-kriminalpraevention-1>.

454. Evidenzorientierte Kriminalprävention in Deutschland. Ein Leitfaden für Politik und Praxis / ed. by M. Walsh, B. Pniewski, M. Kober, A. Armbrorst. – Wiesbaden: Springer VS, 2018.

455. Fagan, J. Juvenile crime and criminal justice: resolving border disputes // *The Future of Children*. – 2008. – Vol. 18. – No. 2. – P. 81–118.

456. Fairchild, G., van Goozen, S.H., Calder, A.J., Goodyer, I.M. Research review: evaluating and reformulating the developmental taxonomic theory of antisocial behaviour. *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. – 2013. – Vol. 54. – P. 924–940.

457. Farrington D.P. The integrated cognitive antisocial potential (ICAP) Theory: Past, Present, and Future // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. – 2020. – Vol. 6. – P. 172–187.

458. Farrington, D. Criminal career research in the United Kingdom // *British Journal of Criminology*. – 1992. – Vol. 32. – No. 4. – P. 521–536.

459. Farrington, D. Developmental and Life-Course Criminology: Key Theoretical and Empirical Issues - The Sutherland Award Address // *Criminology*. – 2003. – Vol. 41. – P. 221–225.

460. Farrington, D., Loeber, R. Two approaches to developmental life-course theorizing // *Oxford handbook of criminological theory* / ed. by F. Cullen, P. Wilcox. – NY: Oxford University Press, 2013.

461. Farrington, D., Ohlin, L., Wilson, J.Q. *Understanding and Controlling Crime*. – NY: Springer-Verlag, 1986.

462. Farrington, D.P. Developmental criminology and risk-focused prevention // *The Oxford Handbook of Criminology*. 3rd ed. / ed. by M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

463. Farrington, D.P. Families and crime // *Crime and Public Policy* / ed. by J.Q. Wilson, J. Petersilia. – NY: Oxford University Press, 2011. – P. 130–157.

464. Farrington, D.P. Key results from the first forty years of the Cambridge study in delinquent development // Taking stock of delinquency / ed. by T.P. Thornberry, M.D. Krohn. – NY: Kluwer Academic, 2003.

465. Farrington, D.P. The integrated cognitive antisocial potential (ICAP) theory // Integrated developmental and life-course theories of offending / ed. by D. P. Farrington. – New Brunswick, NJ: Transaction, 2005. – P. 73–91.

466. Farrington, D.P., Jolliffe, D., Hawkins, J.D., Catalano, R.F., Hill, K.G., Kosterman, R. Comparing delinquency careers in court records and self-reports // Criminology. – 2003. – Vol. 41. – P. 933–958.

467. Farrington, D.P., Loeber, R., Ttofi, M.M. Risk and protective factors for offending // The Oxford Handbook of Crime Prevention / ed. by B.C. Welsh, D.P. Farrington. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. – P. 46–69.

468. Farrington, D.P., Piquero, A.R., Jennings, W.G. Offending from childhood to late middle age. – London: Springer, 2013.

469. Frazer, M., Norman, M. Chronic juvenile delinquency and the "suppression effect": An exploratory study // Journal of Offender Counseling, Services, and Rehabilitation. – 1988. – Vol. 13. – Iss. 1. – P. 55–73.

470. Garrido, V., Morales, L.A. Serious (violent and chronic) juvenile offenders: treatment effectiveness in secure corrections. 20.09.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.campbellcollaboration.org/better-evidence/serious-juvenile-offenders-treatment-effectiveness.html>.

471. Garrido, V., Morales, L.A. Serious (Violent or Chronic) Juvenile Offenders: A Systematic Review of Treatment Effectiveness in Secure Corrections // Campbell Systematic Reviews. – 2007. – Vol. 3. – Iss. 1. – P. 1–46.

472. Glaubitz, C., Bliesener, T., Klatt, T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter, persistierende Delinquenz und "callous-unemotional traits" // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. – 2017. – Vol. 11. – S. 349–354.

473. Glueck, S., Gleuck, E. 500 criminal careers. – New York: Knopf, 1930.

474. Glueck, S., Glueck, E. Unraveling juvenile delinquency. – New York: Commonwealth Fund, 1950. – 399 p.

475. Göppinger, H. Die Tübinger Jungtäter-Vergleichsuntersuchung. - Ansatz, Ergebnisse und Folgerungen für weitere kriminologische Forschungen // *Kriminologisches Bulletin*. – 1977. – Nr. 3. – S. 2–9.

476. Gottfredson, M., Hirshi, T. The true value of lambda would appear to be zero: an essay on career criminals, criminal careers, selective incapacitation, cohort studies, and related topics // *Criminology*. – 1986. – Vol. 24. – P. 213–234.

477. Greenwood, P.W., Turner, S. Selective incapacitation revisited. Why the high-rate offenders are hard to predict. Rand report R-3397-NIJ. – Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1987. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.antonioacasella.eu/nume/Rand_1987.pdf.

478. Guttke, K. Intensivtäterermittlungen in Frankfurt und die Grenzen der Karriereforschung // *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. – 2003. – Heft 2. – S. 175–178.

479. Hagell, A., Newburn, T. Persistent Young Offenders. – London: Policy Studies Institute, 1994.

480. Hamparian, D.M., Schuster, R., Dinitz, S., Conrad, J. The violent few. – Lexington, MA: Lexington Books, 1978.

481. Hausam, J., Seewald, K., Mannert, A.L., Dahle, K.-P. Junge Intensivtäter als besondere Herausforderung für Jugendstrafvollzug und Sozialtherapie // *Forensische Psychiatrie Psychologie Kriminologie*. – 2002. – Nr. 14. – S. 67–84.

482. Henkel, M., Neumann, D. Intensivtäterbekämpfung in Köln. Ein Dauerthema neu belebt // *Der Kriminalist*. – 2005. – Nr. 9. – S. 1–7.

483. Hölterhoff, M., Braukmann, J., Mohr, S., Resnischek, C. Abschlussbericht - Kosten-Nutzen-Analyse der kriminalpräventiven NRW-Initiative "Kurve kriegen". 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polizei.nrw/sites/default/files/2017-09/2016-05-20%20KNA%20Kurve%20kriegen_Endbericht.pdf.

484. Horney, J., Marshall, I. Measuring lambda through self-reports // *Criminology*. – 1991. Vol. 29. – Iss. 3. – P. 471–495.

485. Jackson, P.B., Berkowitz, A. The structure of life course: gender and racio-ethnic variation in the occurrence and sequencing of role transitions. In *The Structure of*

the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? // *Advances in Life Course Research*. – 2005. – Vol. 9. – P. 55–90.

486. Jennings, W.G., Reingle, J.M. On the number and shape of developmental/life-course violence, aggression, and delinquency trajectories: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. – 2012. – Vol. 40. – Iss. 6. – P. 472–489.

487. Jolliffe, D., Farrington, D.P., Piquero, A.R., MacLeod, J.F., van de Weijer, S. Prevalence of life-course-persistent, adolescence-limited, and late-onset offenders: A systematic review of prospective longitudinal studies // *Aggression and Violent Behavior*. – 2017. – Vol. 33. – P. 4–14.

488. Jolliffe, D., Farrington, D.P., Piquero, A.R., Loeber, R., Hill, K.G. Systematic review of early risk factors for life-course-persistent, adolescence-limited, and late-onset offenders in prospective longitudinal studies // *Aggression and Violent Behavior*. – 2017. – Vol. 33. – P. 15–23.

489. Jugendkriminalität 2021. Auswertebereicht für das Polizeipräsidium Köln [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polizei.nrw/sites/default/files/2022-02/Jugendkriminalita%CC%88tsbericht%202021.pdf>.

490. Junge Mehrfachtatverdächtige in NRW. Eine Auswertung der Polizeilichen Kriminalstatistik 1994-2003. Kriminalistisch-Kriminologische Forschungsstelle Forschungsberichte. Nr. 1. – Düsseldorf, 2005.

491. Kant, M., Hohmeyer, C. Polizeiliche Bekämpfung von Jugendkriminalität. Ambivalente Strategien zwischen Prävention und Repression // *Bürgerrechte und Polizei/CILIP*. – 1999. – Nr. 63. – S. 24–30.

492. Kaplan, H.B. *Deviant behavior in defense of self*. – NY.: Academic press, 1980.

493. Kennedy, T.D., Edmonds, W.A., Millen, D.H., Detullio, D. Chronic Juvenile Offenders: Exploring Risk Factor Models of Recidivism // *Youth Violence and Juvenile Justice*. – 2019. – Vol. 17 (2). – P. 174–175.

494. Kennedy, T.D., Detullio, D., Millen, D.H. *Juvenile delinquency: theory, trends, risk factors and interventions*. – Springer International Publishing, 2020.

495. Kerner, H.-J. Mehrfachtäter, "Intensivtäter" und Rückfälligkeit. Eine Analyse der Strukturen neuerer kriminalistisch-kriminologischer Erhebungen // *Rückfall-*

kriminalität / Führerscheinenzug: Bericht über die 23. Tagung der Gesellschaft für die gesamte Kriminologie vom 10.-12. Oktober 1985 in Salzburg / Hrsg. H. Göppinger, R. Vossen. – Stuttgart: Enke, 1986. – S. 103–135.

496. Khostevan, A. Kriminologie und Kriminalsoziologie. Bd. 7: Zügiges Strafverfahren bei jugendlichen Mehrfach- und Intensivtätern. Das Münsteraner Modellprojekt "B-Verfahren". – Münster, 2008.

497. Konzept "Kurve Kriegen" - Dem Leben eine neue Richtung geben [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mik.nrw.de/en/themen-aufgaben/projekt-kurve-kriegen/grundkonzept/kurzfasung.html>.

498. Kopp, A. Die Genese des Begriffs „Intensivtäter“ in der kriminologischen Forschung // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. – 2012. – Heft 3. – S. 265–271.

499. Kriminalität in Berlin 2013. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2014.

500. Kriminalität in Berlin 2014. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2015.

501. Kriminalität in Berlin 2015. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2016.

502. Kriminalität in Berlin 2016. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2017.

503. Kriminalität in Berlin 2017. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2018.

504. Kriminalität in Berlin 2018. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2019.

505. Kriminalität in Berlin 2019. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2020.

506. Kriminalität in Berlin 2020. Polizeiliche Kriminalstatistik und ergänzende Informationen. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2021.

507. Krisberg, B., Neuenfeldt, D., Wiebush, R., Rodriguez, O. Juvenile intensive supervision: Planning guide. National Criminal Justice Reference Service, 1994.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ojp.gov/pdffiles/juvsu.pdf>.

508. Kurve kriegen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kurvekriegen.nrw.de/>.

509. Landesrahmenkonzeption [Land Framework convention]. 2014. "Junge Schwellen- und Intensivtäterinnen und Schwellen- und Intensivtäter (JuSIT)" ["Young potential and intensive persistent offenders and female potential and intensive persistent offenders (JuIST)"]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.schure.de/21021/jusit.htm>.

510. Laub, J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology 2003 Presidential Address // *Criminology*. – 2004. – Vol. 42. – P. 1–26.

511. Laub, J.H., Sampson, R.J. Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward—ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017 // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. – 2019. – Vol. 6. – Iss. 2. – P. 158–171.

512. Le Blanc, M. Developmental criminology: Thoughts on the past and insights for the future // *The development of criminal and antisocial behaviour: Theory, research and practical applications* / ed. by J. Morizot, L. Kazemian. Cham. – Switzerland: Springer International Publishing, 2015. – P. 507–538.

513. Lipsey, M.W. Interventions for Juvenile Offenders: A Serendipitous Journey // *Criminology and Public Policy*. – 2014. – Vol. 13. – P. 1–14.

514. Lipsey, M.W. Juvenile delinquency treatment: A meta-analytic inquiry into the variability of effects // *Meta-analysis for Explanation: A Casebook* / ed. by T. Cook, H.M. Cooper, D. Cordray et al. – NY: The Russell Sage Foundation, 1992.

515. Lipsey, M.W. What do we learn from 400 research studies on the effectiveness of treatment with juvenile delinquents? // *What Works? Reducing Reoffending* / ed. by J. McGuire. – Chichester: Wiley, 1995.

516. Lipsey, M.W., Cullen, F.T. The effectiveness of correctional rehabilitation: A review of systematic reviews // *Annual Review of Law and Social Science*. – 2007. – Vol. 3. – P. 297–320.

517. Livingstone, N., Macdonald, G., Carr, N. Restorative justice conferencing for reducing recidivism in young offenders (aged 7 to 21) // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2013. – Vol. 2. – P. 1–89.
518. Loeber, R., Farrington D.P., Stouthamer-Loeber, M., Van Kammen, W.B. *Antisocial behavior and mental health problems. Explanatory factors in childhood and adolescence*. – NY: Psychology Press. 1998.
519. Loeber, R., Snyder, H.N. Rate of offending in juvenile careers: findings of constancy and change in lambda // *Criminology*. – 1990. – Vol. 28. – P. 97–109.
520. Loeffler, C.E., Chalfin, A. Estimating the Crime Effects of Raising the Age of Majority // *Criminology and public policy*. – 2017. – Vol. 16. – Iss. 1. – P. 45–71.
521. Lösel, F., Bliesener, T. *Aggression und Delinquenz unter Jugendlichen. Untersuchungen von kognitiven und sozialen Bedingungen*. – Neuwied: Luchterhand, 2003.
522. Lukas, T., Hunold, D. *Polizei und Soziale Arbeit. Der Bezirksdienstbeamte in Analogie zum Streetworker?* // *Recht der Jugend und des Bildungswesens*. – 2010. – Jahrgang 58. – Heft 3. – S. 339–352.
523. MacLeod, J.F., Grove, P., Farrington, D. *Explaining Criminal Careers: Implications for Justice Policy*. – New York: Oxford University Press, 2012.
524. Martinson, R. What works? Questions and answers about prison reform // *Public Interest*. – 1974. – Vol. 35. – P. 22–54.
525. Mazerolle, P., McGee, T.R. Understanding Offending Across the Life-Course: Current Theories and Conceptions // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. – 2020. – Vol. 6. – Iss. 2. – P. 153–157.
526. McGloin, J., Stickle, W. Influence or Convenience? Rethinking the Role of Peers for Chronic Offenders // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 2011. – Vol. 48. – P. 419–447.
527. Moffitt, T., Arseneault, L., Jaffee, S.R., Kim-Cohen, J., Koenen, K.C. [et al.] Research review: DSM-V conduct disorder: research needs for an evidence base // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2008. – Vol. 49. – Iss. 1. – P. 3–33.
528. Moffitt, T.E. Adolescence-limited and life-course persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100 (4). –

P. 674–701.

529. Moffitt, T.E. Life-course persistent versus adolescent limited antisocial behaviour // *Developmental psychotherapy* / ed. by D. Cicchetti, D. Cohen. 2nd ed. – NY: Wiley, 2006. P. 570–598.

530. Moffitt, T.E. Male antisocial behaviour in adolescence and beyond // *Nature human behaviour*. – 2018. – Vol. 2. – P. 177–186.

531. Moffitt, T.E., Caspi, A., Rutter, M., Silva, P.A. Sex differences in antisocial behaviour. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

532. Müller-Rakow, P. Fallkonferenz in Ermittlungsverfahren gegen jugendliche und heranwachsende "Mehrfach- und Intensivtäter". Eine vergleichende (nicht abschließende) Kurzbetrachtung // *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. – 2008. – Heft 3. – S. 275–278.

533. Nagin, D.S. Group-based trajectory modeling: an overview // *Annals of nutrition and metabolism*. – 2014. – Vol. 65 (2-3). – P. 205–210.

534. Naplava, T. Jugendliche Mehrfach- und Intensivtäter // *Handbuch Jugendkriminalität* / Hrsg. B. Dollinger, H. Schmidt-Semisch. 3. Aufl. VS, – Wiesbaden, 2018. S. 337–356.

535. Naplava, T. Junge Mehrfachtatverdächtige in der Polizeilichen Kriminalstatistik Nordrhein-Westfalen. Entwicklung und individueller Verlauf der Mehrfachauffälligkeit junger Tatverdächtiger // *Bewährungshilfe*. – 2006. – Jahrgang 53. – Heft 3. – S. 260–273.

536. Niemz, S. Evaluation sozialtherapeutischer Behandlung im Justizvollzug. Band 68. – Wiesbaden: KrimZ, 2015.

537. Ohlemacher, T., Södging, D., Höynck, T., Ethe, N., Welte, G. Anti-Aggressivitäts-Training und Legalbewährung: Versuch einer Evaluation // *Interdisziplinäre Beiträge zur kriminologischen Forschung* / Hrsg. M. Bereswill, W. Greve. – Baden-Baden: Nomos, 2001. – S. 1–37.

538. Osgood, D.W. Making Sense of Crime and the Life Course // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2005. – Vol. 602 (1). – P. 196–211.

539. Otto, M. Verhaltensmodifikation durch allgemeines und spezielles soziales Training // *Kriminalpädagogische Praxis*. – 1993. – Jahrgang 21. – Heft 33. – S. 48–51.
540. Pappas, L.N., Dent, A.L. The 40-year debate: a meta-review on what works for juvenile offenders // *Journal of experimental criminology*. – 2021. – Jun. 12. – P. 1–30.
541. Patterson, G.R., DeBaryshe, B.D., Ramsey, E. A developmental perspective on antisocial behaviour // *American Psychologist*. – 1989. – Vol. 44(2). – P. 329–335.
542. Pearson, F.S., Weiner, N.A. Toward an integration of criminological theories // *Journal of Criminal Law and Criminology*. – 1985. – Vol. 76. – P. 116–150.
543. Petras, H., Nieuwbeerta, P., Piquero, A.R. Participation and frequency during criminal careers across the life span // *Criminology: An Interdisciplinary Journal*. – 2010. – Vol. 48. – Iss. 248 (3). – P. 607–637.
544. Petrosino, A., Turpin-Petrosino, C., Guckenburg, S. Formal system processing of juveniles: Effects on delinquency // *Campbell Systematic Reviews*. – 2010 – Vol. 6. – Iss. 1. – P. 1–88.
545. Piquero, A., Brezina, T. Testing Moffitt's account of adolescence-limited delinquency // *Criminology*. – 2001. – Vol. 39 (2). – P. 353–371.
546. Piquero, A., Farrington, D., Blumstein, A. The Criminal Career Paradigm // *Crime and Justice*. – 2003. – Vol. 30. – P. 359–506.
547. Piquero, A., Gonzalez, J., Jennings, W. Developmental trajectories and antisocial behavior over the life-course // *The development of criminal and antisocial behavior* / ed. by J. Morizot, L. Kazemian. – Switzerland: Springer International Publishing, 2015. P. 75–88.
548. Piquero, A.R. Methodological issues in the study of persistence in offending // *The development of persistent criminality* / ed. by J. Savage. – NY: Oxford University Press, 2009. – P. 271–287.
549. Piquero, A.R., Daigle, L.E., Gibson, C., Piquero, N.L., Tibbetts, S.G. Research note: Are life-course persistent offenders at risk for adverse health outcomes? // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 2007. – Vol. 44. – P. 185–207.
550. Piquero, A.R., Farrington, D.P., Blumstein, A. Key issues in criminal career research: New analysis of the Cambridge study in delinquent development. – NY:

Cambridge University Press, 2007.

551. Piquero, A.R., Farrington, D.P., Blumstein, A. The criminal career paradigm // *Crime and justice: A review of research* / ed. by M. Tonry. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003. – Vol. 30. – P. 359–506.

552. Piquero, A.R., Lawton, B. Individual risk for crime is exacerbated in poor familial and neighborhood contexts: The contribution of low birth weight, family adversity, and neighborhood disadvantage to life course-persistent offending // *Advances in Life Course Research*. – 2002. – Vol. 7. – P. 263–295.

553. PKS 2019 Bund - Tatverdächtige insgesamt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2019/PKSTabellen/BundTV/bundTV.html?nn=131006>.

554. Polizeiliche Kriminalstatistik 2008. Kriminalität in Berlin. – Berlin: Der Polizeipräsident in Berlin. 2009.

555. Posick, C., Rocque, M. *Great Debates in Criminology*. – New York: Routledge, Taylor and Francis, 2019.

556. Posiege, P., Steinschulte-Leidig, B. *Intensivtäter. Eine Übersicht zu aktuellen Entwicklungen*. – Wiesbaden: BKA, 1999.

557. Poulton, R., Moffitt, T.E., Silva, P.A. The Dunedin Multidisciplinary Health and Development Study: Overview of the first 40 years, with an eye to the future. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology* // *The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*. – 2015. – Vol. 50 (5). – P. 679–693.

558. Prozess- und Wirkungsevaluation der NRW-Initiative "Kurve kriegen". Abschlussbericht Prozessevaluation. – Institut für Psychologie Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 2013.

559. Raine, A., Fung, A.L., Portnoy, J., Choy, O., Spring, V.L. Low heart rate as a risk factor for child and adolescent proactive aggressive and impulsive psychopathic behavior. *Aggressive behavior*. – 2014. – Vol. 40. – Iss. 4. – P. 290–299.

560. Rechtsprechung - BVerfG - 31.5.06 - 2 BvR 1673/04 u.a. - Gesetzliche Grundlage für den Jugendstrafvollzug // *Neue Juristische Wochenschrift: NJW*. – 2006.

– Vol. 59. – No. 29. – S. 2093–2097 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2006/05/rs20060531_2bvr167304.html.

561. Recommendation Rec (2003)20 of the Committee of Ministers to member states concerning new ways of dealing with juvenile delinquency and the role of juvenile justice (Adopted by the Committee of Ministers on 24 September 2003 at the 853rd meeting of the Ministers' Deputies) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805df0b3.

562. Sampson R.J., Laub J.H. A life-course view of the development of crime // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2005. – Vol. 602. – Iss. 1. – P. 12–45.

563. Schumacher, M.A., Kurz, G.A. The 8% solution: Preventing serious, repeat juvenile crime. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 1999.

564. Schumann, K.F. Delinquenz im Lebenslauf. Bremer Längsschnittstudie zum Übergang von der Schule in den Beruf bei ehemaligen Hauptschülern. Band 1. – Weinheim, München: Juventa, 2003.

565. Schumann, K.F. Delinquenz im Lebenslauf. Bremer Längsschnittstudie zum Übergang von der Schule in den Beruf bei ehemaligen Hauptschülern. Band 2. – Weinheim, München: Juventa, 2003.

566. Schwind, H.-D. Kriminologie: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen. 18., neubearbeitete und erweiterte Auflage. – Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 2008.

567. Schwind, J.-V. Intensivtäter und Intensivtäterprogramme der Polizei – bezogen auf Gewalttätigkeiten junger männlicher Rechtsbrecher. Unveröffentlichte Masterarbeit. – Bochum, 2012.

568. Seguin, J.R., Tremblay, R.E. Aggression and antisocial behavior: A developmental perspective // Oxford handbook of developmental psychology / ed. by P.D. Zelazo. – NY: Oxford University Press, Oxford Library of Psychology, 2013. – P. 507–526.

569. Seigle, E., Walsh, N., Weber, J. Core principles for reducing recidivism and improving other outcomes for youth in the juvenile justice system. 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.njjn.org/uploads/digital-library/>

CSG_Core-Principles-for-Reducing-Recidivism-Improving-Outcomes-for-Youth-in-the-JJ-System_2014.pdf.

570. Serious and violent juvenile offenders: risk factors and successful interventions / ed. by R. Loeber, D.P. Farrington. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.sagepub.com/books/serious-and-violent-juvenile-offenders#f95>.

571. Serious, Violent and Chronic juvenile offenders / ed. by J.C. Howell, B. Krisberg, J.D. Hawkins, J.J. Wilson. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.

572. Shannon, L.W. A Longitudinal Study of Delinquency and Crime. Quantitative Studies in Criminology. Papers presented at the 1977 meetings of the American Society of Criminology. – Beverly Hills, CA: Sage, 1978.

573. Shaw, C. The Jack Roller: A Delinquent Boy's Own Story. – University of Chicago Press, 1930.

574. Shaw, D.S., Hyde, L.W., Brennan L.M. Early predictors of boys' antisocial trajectories // Development and psychopathology. – 2012. – Vol. 24. – Iss. 3. – P. 871–888.

575. Shaw, D.S., Shelleby, E.C. Early-starting conduct problems: intersection of conduct problems and poverty // Annual review of clinical psychology. – 2014. – Vol. 10. – P. 503–528.

576. Sherman, L.W., Gottfredson, D.C., Mackenzie, D.L., Eck, J.E., Reuter, P., Bushway, S.D. Preventing Crime. What Works, What Doesn't, What's Promising, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scarp.ubc.ca/sites/scarp.ubc.ca/files/Preventing%20Crime%20what%20works%2C%20what%20doesn%27t%2C%20what%27s%20promising.pdf>.

577. Snyder, H.N. Serious, violent and chronic juvenile offenders: An assessment of the extent of and trends in officially recognized serious criminal behavior in a delinquent population // Serious and violent juvenile offenders: risk factors and successful interventions / ed. by R. Loeber, D.P. Farrington. Thousand Oaks, CA: Sage, 1999 [Электронный доступ]. – Режим доступа: <https://sk.sagepub.com/books/serious-and-violent-juvenile-offenders#f95>.

578. Sokol, Y. Criminality of minor intensive offenders and its prevention //

British Society of Criminology Conference Public Criminologies: Community, Conflict and Justice. University of Lincoln, 2019. P. 128-129 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cpb-eu-w2.wp.mucdn.com/blogs.lincoln.ac.uk/dist/9/7856/files/2019/07/BSC2019ConferenceProgramme_FINAL_3rdJuly.pdf.

579. Sokol, Y. Features of crime prevention for minor intensive offenders // Criminal justice and security in Central and Eastern Europe: from common sense to evidence-based policy-making: conference proceedings / editors Gorazd Mesko ... [et al.]; [Twelfth Biennial International Conference Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe, Ljubljana, Slovenia, 25-27 September]. – 1st ed. – Maribor; University of Maribor Press: Faculty of Criminal Justice and Security, 2018. – P. 539–547.

580. Sokol, Y. Kriminalitätsprävention bei jugendlichen Intensivtätern // "Sag, wie hast du's mit der Kriminologie?" – Die Kriminologie im Gespräch mit ihren Nachbardisziplinen. Neue Kriminologische Schriftenreihe der Kriminologischen Gesellschaft e.V. / Hrsg. C. Grafl, M. Stempkowski, K. Beclin, I. Haider. Band 118. – Mönchengladbach: Forum Verlag Godesberg. 2020. – S. 625–641.

581. Sokol, Y. Kriminalitätsprävention jugendlicher Intensivtäter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://krimg19.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/k_krimg19/Paneluebersicht_mit_Abstracts_Stand_4.9._2019_endgueltig-1.pdf.

582. Steffen, W. Junge Intensiv- und Mehrfachtäter - eine „neue“ Herausforderung? Überblick über kriminologische Befunde zu intensiv und dauerhaft auffälligen jungen Menschen // Das Jugendkriminalrecht vor neuen Herausforderungen? Jenaer Symposium 9.-11. September 2008 veranstaltet vom Bundesministerium der Justiz gemeinsam mit der Friedrich-Schiller-Universität Jena. – Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie. 1. Auflage, Juli 2009. – S. 83–100.

583. Steinberg, L. Age of Opportunity: Lessons from the New Science of Adolescence. – New York: First Mariner Books, 2014.

584. Terrie, E. Moffitt [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scholar.google.com/citations?user=NR0nMHkAAAAJ&hl=ru&oi=sra>.

585. The Encyclopedia of Juvenile Delinquency and Justice / ed. by C.J. Schreck, M.J. Leiber, H.V. Miller and K. Welch. – NY: Wiley, 2017.

586. The Handbook of Criminological Theory. First Edition / ed. by A.R. Piquero. – Chichester: John Wiley and Sons, Inc., 2016.

587. The Promise of Adolescence: Realizing Opportunity for All Youth / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. – Washington, DC: The National Academies Press, 2019.

588. Tonry, M., Farrington, D. Building a Safer Society: Strategies Approaches to Crime Prevention. – Chicago, University of Chicago Press, 1995.

589. Tracy, P.E., Wolfgang, M.E., Figlio, R.M. Delinquency careers in two birth cohorts. – NY: Plenum Press, 1990.

590. Tremblay, R.E. Prevention of youth violence: why not start at the beginning? // Journal of abnormal child psychology. – 2006. – Vol. 34. – Iss. 4. – P. 481–487.

591. van Koppen, M.V. Criminal Career Dimensions of Juvenile- and Adult-Onset Offenders // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. – 2018. – Vol. 4. – No. 1. – P. 92–119.

592. Vaughn, M.G., Christopher, P. Salas-Wright, DeLisi, M. Maynard, B.R. Violence and externalizing behavior among youth in the United States: Is there a severe 5%? // Youth Violence and Juvenile Justice. – 2014. – Vol. 12 (1). – P. 3–21.

593. Vaughn, M.G., DeLisi, M., Gunterbh, T., Fu Q., Beaver, K.M., Perron B.E., Howard M.O. The Severe 5%: A Latent Class Analysis of the Externalizing Behavior Spectrum in the United States // Journal of criminal justice. – 2011. – Vol. 39 (1). – P. 75–80.

594. Visher, C.A. Unintended Consequences: Policy Implications of the NAS Report on Criminal Careers and Career Criminals // Journal of Research in Crime and Delinquency. – 2016. – Vol. 53 (3). – P. 306–320.

595. Walsh, J.P. Measuring Delinquency // The Encyclopedia of Juvenile Delinquency and Justice / ed. by C.J. Schreck, M.J. Leiber, H.V. Miller and K. Welch. – NY: Wiley, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118524275.ej dj0153>.

596. Walsh, M. Der Einfluss von Intensivbewährungshilfe auf die kriminelle Karriere junger Mehrfach- und Intensivtäter in Bayern // Zeitschrift für Jugendkriminal-

recht und Jugendhilfe. – 2019. – Heft 3. – S. 241–246.

597. Walsh, M. Effekte von Ansätzen und Maßnahmen im Umgang mit jungen "Intensiv"- und Mehrfachtätern. Systematische Übersichtsarbeit zu den Methoden und Ergebnissen von Studien zur Evaluation von Präventionsansätzen. NZK-Bericht. Nr. 2. – Bonn, 2018.

598. Walsh, M. Gefängnisbesuchsprojekte in Deutschland: eine kritische Auseinandersetzung // Neue Kriminalpolitik. – 2019. – Nr. 31 (2). – S. 219–238.

599. Walsh, M. Intensive Bewährungshilfe und junge Intensivtäter : eine empirische Analyse des Einflusses von Intensivbewährungshilfe auf die kriminelle Karriere junger Mehrfachauffälliger in Bayern // Schriftenreihe des Max-Planck-Instituts für ausländisches und internationales Strafrecht: Kriminologische Forschungsberichte. Band 181. – Berlin: Duncker und Humblot, 2018.

600. Walsh, M. Der Umgang mit jungen „Intensivtätern“. Ein Review zu kriminalpräventiven Projekten in Deutschland unter Wirksamkeitsgesichtspunkten // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. – 2017. – Jahrgang 28. – Heft 1. – S. 28–46.

601. Walter, M. Jugendkriminalität in zeitbedingter Wahrnehmung: Der Intensivtäter – empirische Kategorie oder kriminalpolitischer Kampfbegriff // Recht der Jugend und des Bildungswesens. – 2003. – No. 51. – S. 272–281.

602. Walter, M. Mehrfach- und Intensivtäter: Kriminologische Tatsache oder Erfindung der Medien? // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. – 2003. – Jg.14. – S. 159–163.

603. Weidner, J. Das Anti-Aggressivitäts-Training (AAT®) zur Behandlung gewalttätiger Intensivtäter // Jugendliche Intensivtäter. Interdisziplinäre Perspektiven / ed. by A. Boeger. – Wiesbaden, 2011. – S. 85–111.

604. Weisburd, D., Farrington, D.P., Gill, C. Introduction: What works in crime prevention? // What works in crime prevention and rehabilitation. Lessons from Systematic Reviews / ed. by D. Weisburd, D.P. Farrington, C. Gill. – NY: Springer, 2016.

605. Whitten, T., McGee, T.R., Homel, R., Farrington, D.P., Ttofi, M. Comparing the criminal careers and childhood risk factors of persistent, chronic, and persistent–

chronic offenders // Australian and New Zealand Journal of Criminology. – 2019. – Vol. 52 (2). – P. 151–173.

606. Whitten, T., McGee, T.R., Homel, R., Farrington, D.P., Ttofi M. Disentangling Operationalizations of Persistent Offending // Journal of Criminal Justice. – 2017. – Vol. 52. – P. 22–33.

607. Wilson, J.J., Howell, J.C. Comprehensive strategy for serious, violent, and chronic juvenile offenders. July 1, 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/ojjdp/143453.pdf>.

608. Wolfgang, H. Härtere Sanktionen im Jugendstrafrecht = weniger Jugendkriminalität! Stimmt diese Gleichung? // AJS-Informationen. Fachzeitschrift der Aktion Jugendschutz. – 2008. – Nr. 2/44. – S. 4–17.

609. Wolfgang, M.E., Figlio, R.M., Sellin, T. Delinquency in a birth cohort. – Chicago: University of Chicago Press, 1972.

610. Wolfgang, M.E., Figlio, R.M., Tracy, P.E. The 1945 and 1958 Birth Cohorts: A comparison of the Prevalence, Incidence, and Severity of Delinquent Behavior. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, Center for Studies in Criminology and Criminal Law, 1982.

611. Wolfgang, M.E., Thornberry, T.P., Figlio, R.M. From boy to man, from delinquency to crime. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987.

612. Wolfgang, S., Thomas, J. Kriminalität im Lebenslauf: eine Reanalyse der Tübinger-Jungtäter-Vergleichsuntersuchung (TJVU). – Tübingen: Inst. für Kriminologie der Univ. Tübingen, 2005.

613. Zahlen & Fakten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kurvekriegen.nrw.de/zahlen-fakten/>.

Электронные ресурсы

614. Аналитическая справка о состоянии работ по разработке и реализации комплексных социально-психологических программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, в том числе

состоящих на учете в учреждениях уголовно-исполнительной системы в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fcprc.ru/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskaya-spravka_p.9.pdf.

615. В прокуратуре Камчатского края обсудили вопросы состояния преступности несовершеннолетних 14.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kamprok.ru/v-prokurature-kamchatskogo-kрая-obsudili-voprosy-sostoyaniya-prestupnosti-nesovershennoletnih/>.

616. Генпрокуратура описала типичного несовершеннолетнего преступника в России. 19.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8280997>.

617. Гринкевич, В.В. Наука о мозге часто подменяется мифами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177665097.html>.

618. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности внесут в ГД / РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20120301/583378493.html>.

619. Криминологическое исследование по теме «Противодействие преступности несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agprf.org/news/2020/kriminologicheskoe-issledovanie-po-teme-protivodey/>.

620. Методические рекомендации по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpmss.edu.ru/wp-content/uploads/2020/04/Новые-технологии-для-осужденных.pdf>.

621. Необходимо наращивать меры для предупреждения насилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news/item/10-12-2014-new-study-highlights-need-to-scale-up-violence-prevention-efforts-globally>.

622. Петров, И., Носатов, И. Мелкая уголовщина: дети и подростки совершают всё больше тяжких преступлений. Что делать с ростом криминала среди

несовершеннолетних. / Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii>.

623. Письмо Минобрнауки России от 29.05.2015 № 07-1701 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kdn.pnzreg.ru/open-government/investitsionnaya-deyatelnost/metodicheskie-rekomendatsii-ministerstva-prosveshcheniya.php>.

624. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.crimestat.ru/regions_chart_total.

625. Постановление № 1/1 от 28 марта 2019 г. «О состоянии преступности среди несовершеннолетних по итогам 2018 года и мерах по ее предупреждению» Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации Краснодарского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-28-marta-2019-goda.php>.

626. Предупреждение преступности. Модуль 2. Серия университетских модулей. Предупреждение преступности и уголовное правосудие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf.

627. Психическое здоровье подростков. 28.09.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health>.

628. Ресоциализация детей, вступивших в конфликт с законом. Российский опыт. Лучшие практики. Ресурсная поддержка. Москва, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.siroststvo.ru/files/6475/book2016.pdf>.

629. Рубникович, М. Цирк и танки: как в России спасают трудных подростков. Работают ли программы помощи детям из групп социального риска? / Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/880465/mariia-rubnikovich/tcirk-i-tanki-kak-v-rossii-spasaiut-trudnykh-podrostkov>.

630. Словецкий, В. Поколение маленьких убийц / Свободная пресса, 17.07.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/46144/>.

631. Состояние преступности / МВД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/>.

Справка о результатах комплексного изучения несовершеннолетних интенсивных преступников

В целях изучения личностных особенностей и траекторий развития индивидуальных преступных карьер несовершеннолетних интенсивных преступников, отличающихся большим количеством преступлений и имеющих негативный прогноз продолжения преступной деятельности, в том числе и во взрослой жизни, было проведено комплексное исследование 21 НИПа мужского пола в возрасте 16-17 лет (10 человек в возрасте 16 лет, 11 – 17 лет), которые содержались в Белореченской воспитательной колонии (БВК)¹.

Преступная карьера каждого из 21 НИПа составляла не менее 5 преступлений, известных правоохранительным органам.

Проведенное исследование включало изучение личных дел осужденных и уголовных дел НИПов, проведение с ними индивидуальных бесед и опросов в форме бланкового тестирования.

В качестве основных экспериментальных методик использовался опросник исследования уровня общей самооценки СО-2 и опросник оценки уровня личностной агрессивности ЛА-1.

Самооценка и агрессивность являются личностными качествами, которые тесно взаимосвязаны не только между собой, но и с преступным поведением. Неадекватная самооценка и агрессивность относятся к числу психологических факторов криминализации несовершеннолетних².

1 Федеральное казенное учреждение «Белореченская воспитательная колония Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Краснодарскому краю» (352603, Россия, Краснодарский край, г. Белореченск, п. Заречный, ул. Клубная, 9 А).

2 См., например: Гитинова М.Г. Соотношение самооценки и склонности к девиантному поведению у подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2003. С. 11; Татьянченко Н.П. Личностные детерминанты в формировании девиантного поведения у студентов техникума // Психолог. 2018. № 4. С. 38-45; Григорьева А. А., Афонина Ю. С., Кабанова Т. Н Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клиничко-психопатологические факторы) // Прикладная юридическая психо-

Самооценка выступает в качестве основного регулятора поведения несовершеннолетних, в выборе его поведения и жизненного пути, а ее уровень и не соответствие внешней оценке (родителей, педагогов, ровесников) рассматривается в качестве одного из факторов агрессии и «пускового механизма» противоправного поведения. Нарушения адекватности в системе самооценок лежат в основе внутренних противоречий (внутренних конфликтов), порождают неуверенность в себе и тревогу за свои возможности, формируют повышенную склонность к конфликту. Высокая конфликтная готовность приводит к антиобщественному и преступному поведению. Изложенное подтверждает важность изучения самооценки НИПов и ее соотношения с их агрессивностью.

Опросник СО-2 основан на самоотчете испытуемых на 12 вопросов и позволяет выявить такие их важные характеристики, как целостное отношение к себе, уровень общей самооценки, уровень чувства собственного достоинства, самооценку собственной успешности, удовлетворенность собой и качеством своей жизни, взглядом на мир и свои перспективы. Сумма баллов по тесту СО-2 рассматривается как показатель общей самооценки и характеризует ее уровень по следующей шкале: высокий уровень – уровень выше среднего – средний уровень – уровень ниже среднего – низкий уровень).

Опросник ЛА-1 содержит пять диагностических шкал агрессивности (вербальная агрессия; физическая агрессия; предметная агрессия; эмоциональная агрессия; аутоагрессия). Сумма баллов по всему тесту ЛА-1 рассматривается как показатель общей агрессивности и характеризует ее уровень по следующей шкале: высокий уровень – уровень выше среднего – средний уровень – уровень ниже среднего – низкий уровень.

Обработка результатов осуществлялась в автоматизированном режиме аппаратно-программным психодиагностическим комплексом «Мультипсихометр», предназначенным для комплексной оценки уровня развития широкого спектра профессионально важных качеств, психологических и психофизиологических свойств и характеристик функционального состояния по результатам выполнения

тестовых заданий и их комбинаций. Эмпирические результаты использования вышеуказанных экспериментальных методик могут быть представлены в виде следующей таблицы:

№	ФИО НИПа	возраст/лет	тест СО-2 / уровень общей самооценки	тест ЛА-1 / уровень общей агрессивности
1.	ПАС	16	низкий	средний
2.	ШВЛ	16	высокий	средний
3.	ЮРН	16	низкий	выше среднего
4.	КАС	16	средний	выше среднего
5.	КАВ	17	низкий	низкий
6.	ГИИ	16	низкий	средний
7.	ЕАГ	16	ниже среднего	высокой
8.	ВАА	17	низкий	средний
9.	ЭНГ	17	средний	средний
10.	КСВ	17	средний	средний
11.	МАС	16	выше среднего	ниже среднего
12.	АСВ	17	низкий	высокий
13.	ААА	17	низкий	высокий
14.	ХАА	17	низкий	высокий
15.	САА	17	средний	высокий
16.	РВВ	17	низкий	выше среднего
17.	СВЮ	17	низкий	высокий
18.	ДМП	16	низкий	высокий
19.	ГЕД	17	низкий	выше среднего
20.	ГДН	17	низкий	средний
21.	ССС	16	низкий	средний

По тесту СО-2 установлено, что большинство испытуемых (14 человек, 66,67 %) имеют низкий уровень самооценки; 1 человек (4,76 %) – уровень самооценки ниже среднего; 4 человека (19,05 %) – средний уровень самооценки; 1 человек (4,76 %) - уровень самооценки выше среднего; 1 человек (4,76 %) – высокий уровень самооценки.

Вывод 1: у обследованных НИПов (14 человек, 66,67 %) преобладает низкий уровень общей самооценки (66,67 %). Полученные результаты подтверждают

гипотезу¹, что низкие самооценки у несовершеннолетних правонарушителей являются результатом длительного накопления ими опыта неудач, негативных реакций, осуждений и отвержений со стороны окружающих. Для НИПов с низкой самооценкой характерен пониженный уровень чувства собственного достоинства, низкая самооценка собственной успешности в различных ситуациях и степени контроля над событиями; преимущественно подавленное настроение, неудовлетворенность собой и качеством своей жизни, пессимистический взгляд на мир и свои перспективы; высокая вероятность депрессивного состояния. Неадекватная самооценка деформирует внутренний мир личности, искажает его мотивационную и эмоционально-волевую сферы. При заниженной самооценке у несовершеннолетних правонарушителей часто возникают конфликты из-за их чрезмерной критичности. Они не только требовательны к себе, но еще более требовательны к другим, не прощают им ни одного промаха или ошибки, склонны постоянно подчеркивать недостатки других. У таких несовершеннолетних возникают напряженные (конфликтные) отношения с другими несовершеннолетними осужденными и сотрудниками колонии, в результате чего к ним применяются меры дисциплинарного воздействия.

По тесту ЛА-1 были выявлены следующие группы испытуемых:

- 1 человек (4,76 %) имеет низкий уровень общей агрессивности;
- 1 человек (4,76 %) - уровень агрессивности ниже среднего;
- 8 человек (38,10 %) - средний уровень агрессивности;
- 4 человек (19,05 %) - уровень агрессивности выше среднего;
- 7 человек (33,33 %) - высокий уровень агрессивности.

Среди испытуемых, имеющих средний уровень общей агрессивности (38,10 %), отмечается повышенный уровень ее отдельных разновидностей (составляющих), чаще всего вербальной и/или физической агрессии.

¹ Kaplan H. B. Deviant behavior in defense of self. N.Y.: Academic press, 1980. P. 255; Валицкас Г.К., Гипперейтер Ю.Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 49-50.

Только два НИПа (9,52 %) из всей группы испытуемых имели низкий уровень общей агрессивности и уровень агрессивности ниже среднего.

Вывод 2: у НИПов (11 человек, 52,38 %) преобладает повышенный уровень общей агрессивности: 33,33 % испытуемых имеют высокий уровень агрессивности; 19,05 % - уровень агрессивности выше среднего. Такое поведение испытуемых характеризуется демонстрацией превосходства в силе либо готовностью применения силы (насилия) по отношению к другому человеку или предмету для причинения им ущерба. Агрессивность носит как оборонительный, так и наступательный характер, выступает способом выживания ее носителя, помогает ему отстаивать свои интересы, но затрудняет адаптационные возможности в колонии. Несмотря на то, что НИПы содержатся в условиях изоляции от внешнего мира и круглосуточного контроля со стороны администрации колонии, включающего меры психолого-педагогического характера, число несовершеннолетних с агрессивным поведением остается стабильно высоким.

Исследование позволило подтвердить взаимосвязь между самооценкой и агрессивностью НИПов. Из 14 несовершеннолетних, имевших низкий уровень самооценки:

- 5 человек (36 %) имели высокий уровень общей агрессивности;
- 3 человека (21 %) - уровень общей агрессивности выше среднего;
- 5 человек (36 %) - средний уровень общей агрессивности;
- 1 человек (7 %) - низкий уровень общей агрессивности.

Из 7 НИПов, имевших высокий уровень агрессивности, 5 человек (71,4 %) имели низкий уровень общей самооценки; 1 человек (14,3 %) - уровень самооценки ниже среднего; 1 человек (14,3 %) - средний уровень общей самооценки.

Из 4 НИПов, имевших уровень агрессивности выше среднего, три несовершеннолетних (75 %) имели низкий уровень общей самооценки; один несовершеннолетний (25 %) – средний уровень общей самооценки.

Вывод 3: низкая самооценка НИПов коррелирует с высоким уровнем их агрессивности. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что обследованные несовершеннолетние интенсивные преступники не являются

однородной массой, а обладают отличающимися личностными особенностями. В частности, самооценка и агрессивность НИПов имеют различную степень проявления (выраженности), дающую основание для разделения изученных НИПов на подгруппы. Изложенное обуславливает необходимость дальнейшего изучения личностных особенностей НИПов, в том числе и в целях выявления и изучения их подтипов.

Вывод 4: у большинства изученных НИПов отсутствует явно выраженная специализация преступной деятельности. Изучение индивидуальных преступных карьер НИПов свидетельствует о том, что, как и для всей преступности несовершеннолетних в России¹, для НИПов характерно преобладающее совершение преступлений против собственности, чаще всего краж, грабежей, разбоев, угонов транспортных средств и умышленного уничтожения, повреждения имущества. Вместе с тем, у 16 (76%) изученных нами НИПов криминальная карьера включала совершение краж наряду с совершением других преступлений. Тогда как только у 5 НИПов (24%) их индивидуальная криминальная карьера состояла исключительно из совершения краж. Изложенное свидетельствует о том, что большинство изученных нами НИПов совершало разнообразные преступления, а их преступная карьера характеризовалась универсальностью, а не специализацией.

Вывод 5: большинство НИПов после освобождения из БВК вновь совершили преступление. В частности, было установлено, что в период с июня 2016 г. по июнь 2019 г. из 21 ранее обследованного НИПа четверо продолжали отбывать наказание в БВК. В свою очередь, из 17 НИПов, которые вышли на свободу и достигли совершеннолетнего возраста, 1 НИП выехал за пределы России, а 9 НИПов вновь совершили преступления. В отношении 7 НИПов отсутствовала официальная информация о том, что они продолжили преступную карьеру после освобождения из БВК, однако имелись сведения о совершении ими административных проступков, а также антиобщественном образе жизни.

¹ См.: Сокол Ю.В. Преступность несовершеннолетних в Краснодарском крае: цифры и проблемы: монография. Краснодар, 2020. С. 64-67.

Сведения
о кадровом составе подразделений по делам несовершеннолетних
ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 2008-2019 гг.

Год	Подразделения по делам несовершеннолетних ГУ МВД по КК											
	Число замещенных должностей		Образование						Стаж службы в ПДН			
	всего	женщинами	юридическое	педагогическое	техническое	экономическое	до 1 года	от 1 года до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 20 лет	свыше 20 лет
2008	1011	647	615	231	41	45	184	326	423		77	1
2009	1025	662	622	242	52	44	224	281	432		84	4
2010	902	575	575	207	44	38	74	277	466		81	4
2012	940	595	595	195	32	27	172	138	195	296	133	6
2013	925	604	604	183	27	29	141	214	132	288	140	10
2014	888	577	577	182	23	19	112	231	114	283	136	12
2015	809	545	545	156	13	17	103	164	150	239	142	11
2016	792	550	550	144	8	19	113	128	138	238	160	15
2017	797	565	565	120	10	15	147	135	103	220	182	10
2018	768	574	574	110	11	17	115	173	83	204	180	13
2019	756	575	575	103	10	16	147	150	98	174	177	10